

САЙМОН СКЭРРОУ

ОРЕЛ НАПАДАЕТ
◆
ОРЕЛ И ВОЛКИ

РОМАНЫ СКЭРРОУ ИЗ ЧИСЛА ЛУЧШИХ ОБРАЗЦОВ ЖАНРА!

INDEPENDENT

The Big Book. Исторический роман

Саймон Скэрроу

Орел нападает. Орел и Волки

«Азбука-Аттикус»

2002, 2003

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Скэрроу С.

Орел нападает. Орел и Волки / С. Скэрроу — «Азбука-Аттикус», 2002, 2003 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-20631-1

Промозгой зимой 44 года от Рождества Христова римские силы в Британии с нетерпением ожидали наступления весны, чтобы возобновить кампанию по завоеванию острова. Непокорные бритты тем временем становились все более изощренными в своем сопротивлении, не гнушаясь нанести римлянам удар в спину. Захвачены в плен жена и дети генерала Плавта, центуриону Макрону и его верному другу Катону придется поторопиться, чтобы не дать друидам принести пленников в жертву своим темным богам... Веспасиан и Второй легион римской армии продвигаются вперед в своей кампании по захвату юго-запада. Макрону и вновь назначенному центурионом Катону поручено помочь Верике, престарелому правителю атребатов, превратить его племенное войско в грозную силу, которая сможет защитить власть от набегов врага. Но, несмотря на официальную приверженность атребатов Риму, многие настроены против римских захватчиков, а значит, героям предстоит сначала завоевать лояльность колеблющихся ополченцев... Вошедшие в сборник романы Саймона Скэрроу «Орел нападает» и «Орел и Волки» продолжают знаменитый цикл «Орлы Империи», который посвящен римским легионерам и книги которого стали бестселлерами во многих странах мира.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20631-1

© Скэрроу С., 2002, 2003

© Азбука-Аттикус, 2002, 2003

Содержание

Орел нападает	7
Организация римского легиона	9
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	42
Глава 7	49
Глава 8	53
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	66
Глава 12	71
Глава 13	75
Глава 14	80
Глава 15	85
Глава 16	94
Глава 17	99
Глава 18	104
Глава 19	109
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Саймон Скэрроу Орел нападет Орел и Волки

Simon Scarrow

WHEN THE EAGLE HUNTS

Copyright © 2002 by Simon Scarrow

First published in 2002 by HEADLINE BOOK PUBLISHING

THE EAGLE AND THE WOLVES

Copyright © 2003 by Simon Scarrow

First published in 2003 by HEADLINE BOOK PUBLISHING

The right of Simon Scarrow to be identified as the author of these works has been asserted by him in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988

All rights reserved

thebigbook.

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Серия «The Big Book. Исторический роман»

Перевод с английского Виталия Волковского

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Егора Саламашенко

Иллюстрация на обложке Сергея Шикина

Карты выполнены Юлией Каташинской

© В. Э. Волковский (наследник), перевод, 2010, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

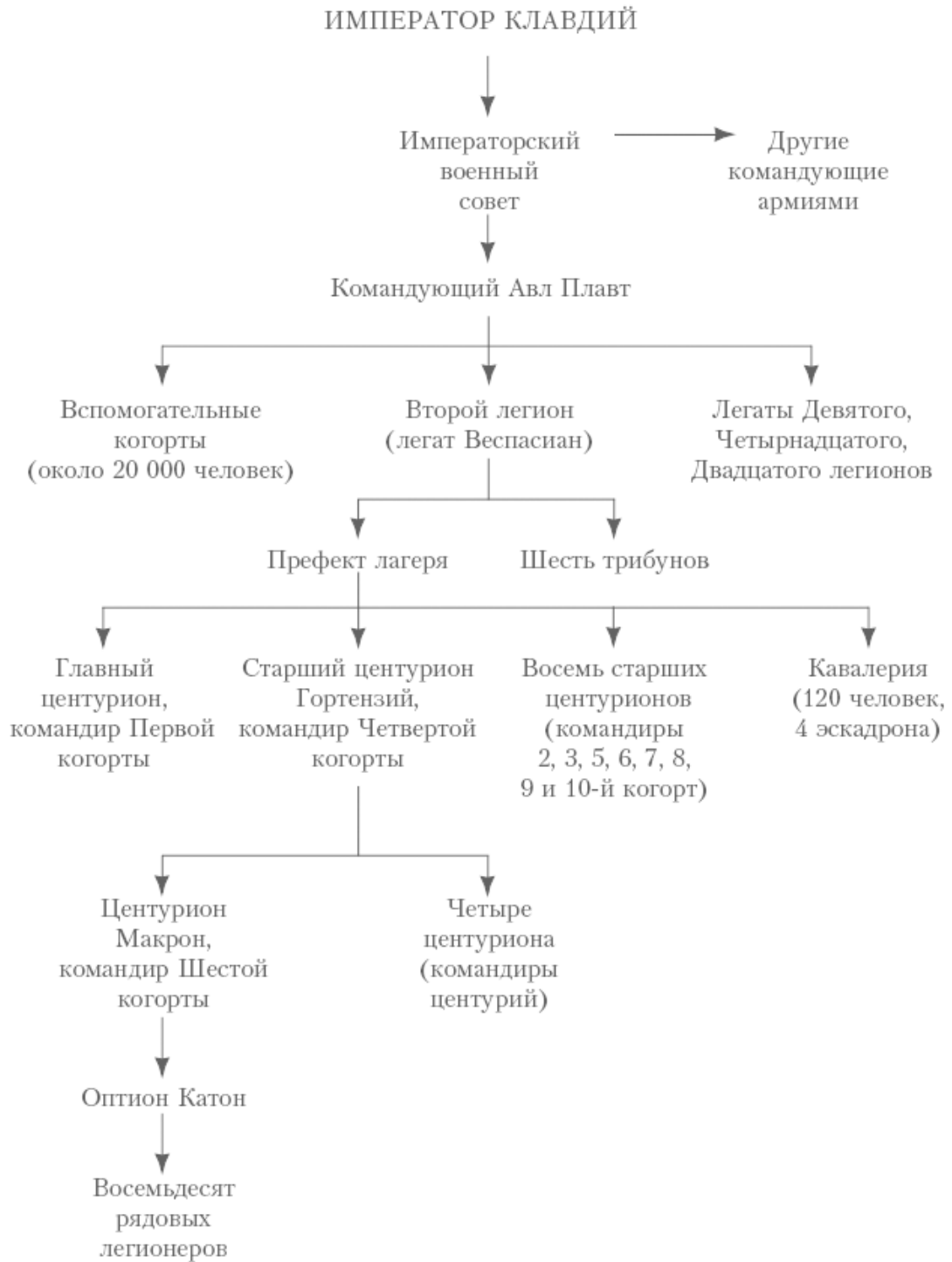
* * *

Орел нападет

*Посвящается Джозефу и Николасу
в благодарность за их вдохновенное фехтование*

СХЕМА УПРАВЛЕНИЯ РИМСКОЙ АРМИЕЙ В БРИТАНИИ, 44 г. н. э.

Организация римского легиона

Второй легион, как и все римские легионы, насчитывал пять с половиной тысяч солдат. Основой этой весьма внушительной боевой единицы являлась центурия из восьмидесяти человек под командованием ЦЕНТУРИОНА и подначального ему ОПТИОНА. Центурия состояла из десяти отделений – по восемь воинов в каждом, совместно размещавшихся в палатке или казарме. Шесть центурий составляли когорта, а десять когорт – легион, причем Первая когорта имела двойную численность. Каждому легиону придавалось сто двадцать конников, разбитых на четыре маневренных эскадрона. Кавалеристы преимущественно выполняли обязанности разведчиков и гонцов.

Личный состав легиона имел в порядке понижения следующие чины.

ЛЕГАТ. Легатом легиона являлся знатный – обычно среднего возраста – римлянин, для которого пост этот служил, как правило, ступенькой к дальнейшей политической карьере.

ПРЕФЕКТ ЛАГЕРЯ. Им становился поседевший в походах ветеран, который долгое время был главным центурионом легиона и честность и боевой опыт которого не вызывали сомнений. Для незнатного воина это была высшая точка профессиональной карьеры. Если легат отсутствовал или по каким-то причинам оказывался не в состоянии командовать легионом, обязанности его переходили к префекту.

Шестеро ТРИБУНОВ являлись своего рода офицерами штаба. В большинстве случаев это были молодые, лет двадцати с небольшим, люди, желавшие получить военный и административный опыт, перед тем как осесть в органах гражданского управления. Над ними стоял **СТАРШИЙ ТРИБУН**, который в дальнейшем мог рассчитывать на пост легата или на политический рост.

Но костяком командного состава, обеспечивавшим как военную выучку легиона, так и строжайшую дисциплину в его рядах, были все те же **ЦЕНТУРИОНЫ**, славившиеся умением подчинять солдат своей воле и выдающейся воинской доблестью. Последнее приводило к тому, что этих командиров в сражениях выбивали чаще остальных. Старшинство среди них принадлежало главе Первой центурии Первой когорты, самому опытному ветерану, удостоенному наибольшего числа наград.

Четыре **ДЕКУРИОНА** командовали приданными легиону кавалерийскими эскадронами и могли рассчитывать получить под начало более крупный, вспомогательный кавалерийский отряд.

Каждому центуриону помогал **ОПТИОН**, являвшийся его заместителем и первым кандидатом на должность своего командира, когда та (что случалось часто) становилась вакантной.

Рядовые **ЛЕГИОНЕРЫ** обязывались отбыть на нелегкой воинской службе двадцать пять лет. Первоначально правом служить в легионах обладали лишь римские граждане, однако по мере расширения державы и увеличения численности армии легионерами все чаще становились представители коренного населения провинций империи.

Воины **ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ КОГОРТ** имели формально более низкий статус, чем легионеры. Эти подразделения формировались из жителей местности, в которой квартировал легион, и обеспечивали римскую армию конниками и легкой пехотой. Все воины, не имевшие римского гражданства, получали таковое по истечении двадцатипятилетнего срока службы.

Глава 1

Вспышка молнии осветила бурное море, и все окружающее – от вздыбленных пенящихся валов до четко очерченных, странно плоских фигур матросов и причудливых переплетений корабельной оснастки – миг побелело и словно застыло, пойманное в фантастическую ловушку. Однако миг миновал, и трирему вновь поглотила мгла, сменившая это ослепительно-яркое, но – увы! – очень недолговечное торжество света. Низкое серое небо быстро затягивали черные тучи. Ветер гнал с севера свинцовые волны. Ночь еще не накрыла пляшущий водный простор своей тьмой, однако перепуганной команде невесть куда несущегося суденышка, равно как и его пассажирам, уже стало казаться, что солнце давным-давно покинуло небосклон, ибо оно давало знать о себе только слабым, размытым свечением, порой пробивавшимся с северо-запада сквозь пелену дождя и тумана. Шторм так безжалостно раскидал корабли, что префекту, под началом которого находилась маленькая флотилия, оставалось лишь, держась одной рукой за штаг, а другой защищая глаза от бешено крутящихся в воздухе ледяных брызг, тщетно всматриваться в неоглядную даль и сердито ругаться.

Из всей эскадры его в относительной близости пребывали теперь только два корабля, да и те с каждым подъемом очередного огромного вала отгаскивало все дальше к востоку. Остальные суда конвоя, разметанные стихией, вообще потерялись из виду. Правда, для некоторых из них еще существовала возможность отыскать вход в глубокий канал, ведущий к Рутупию – главной опорной базе римлян на британской земле, но флагман уже не имел таких шансов. Где-то на суше под Камулодунумом благополучно стояли римские легионы. Солдаты, готовые по весне продолжить завоевательную кампанию, сейчас безмятежно нежились в тепле зимних казарм, а трирему префекта, невзирая на все усилия дюжих гребцов, влекло прочь от спасительной земной тверди.

Глядя на темную линию британского побережья, совершенно обескураженный римлянин с горечью вынужден был признать, что стихия неодолима, и приказал убрать весла. Пока он лихорадочно размышлял, что ему следует далее предпринять, моряки, чтобы придать судну устойчивость, спешно подняли маленький треугольный парус. Поскольку вторжение началось прошлым летом, префект уже не один десяток раз совершал подобные переходы, хотя никогда еще, вплоть до сего дня, не попадал в столь ужасное положение. Каприз погоды обернулся кошмаром, но кто же мог о том знать?

Ведь даже нынешним, казавшимся теперь бесконечно далеким утром небо над Гесо-риакумом было ясным, что сулило быструю, легкую переправу. Правда, обыкновенно римляне предпочитали зимой в море не соваться, однако армия Авла Плавта испытывала острую нехватку провианта. Тактика выжженной земли, которую в яростно сопротивляющейся Британии широко применял вождь отступающих дикарей Каратак, приносила плоды. И сейчас силы вторжения полностью зависели от снабжения с континента. В противном случае легионам, чтобы дожить до весны, пришлось бы налечь на стратегический провиант, с большим трудом собранный и тщательно сберегаемый для будущих наступательных действий. Поэтому небольшие транспортные флотилии продолжали утужить пролив, пересекая его всякий раз, когда позволяла погода. Сегодня тоже, судя по всем приметам, ничего страшного не ожидалось. Утро было обманчиво тихим, и префект со спокойной душой повел тяжело нагруженные суда к Рутупию, думать не думая о каких-то там бурях.

Вдали уже завиднелась Британия, когда над северной линией горизонта закрубились быстро темнеющие облака. Вялый ветерок посвежел, усилился, потом резко сменил направление, и мореходы с растущим ужасом вдруг увидели, как к ним с яростью ненасытных прожорливых хищников устремляются стаи вздыбленных пенистых волн. Шквал обрушился на головную трирему с устрашающей мощью. Первый же удар его вызвал такой крутой крен, что

морьякам, чтобы не слететь с палубы, пришлось побросать все дела и мертвой хваткой вцепиться в ближайшие поручни или снасти. Когда трирема, неуклюже мотнув носом, выровнялась, префект обвел взглядом остальную флотилию, и увиденное ошеломило его. Несколько плоскодонных транспортов опрокинулись: людей накрыло горбатыми перевернутыми корпусами. Те, кому удалось вынырнуть, подбрасываемые волнами, пытались махать руками, кричать в нелепой надежде, что кто-то придет им на помощь. Однако эскадры уже не существовало: корабли, словно веником, размело во все стороны. И теперь каждое судно боролось за выживание в одиночку, ничуть не заботясь об участи прочих судов.

Вместе с дико завывающим ветром налетел дождь. Ледяные, косые струи хлестали как плети. Вся палубная команда мигом промокла, холод сковал движения моряков, не позволяя им действовать с должной сноровкой. Кутавшийся в непромокаемый плащ префект внезапно с отчетливой ясностью осознал, что, если шторм в скором времени не утихнет, корабль неизбежно останется без управления. Матросам уже и сейчас с ним не совладать. Видимо, на других судах дело обстояло не лучше. Влекомые бурей, они одно за другим исчезали во мгле. Их, правда, в основном гнало к берегу, однако по какой-то прихоти случая три корабля, возглавлявшие караван, потащило в открытое море. Флагман и тут сохранил свое лидерство, но радости в том было мало, так как его вмиг отнесло дальше всех. Шторм бушевал, не унимаясь, весь остаток дня и даже с приходом сумерек ослабевать, похоже, не собирался.

Припоминая все местные карты, когда-либо попадавшие ему на глаза, префект вглядывался в туманное побережье, пытаясь определить местоположение судна. Получалось, что между Рутупием и триремой лежало теперь много миль. По правому борту угадывались неприступные меловые утесы, высившиеся, как он помнил, около поселения Дабрис. Еще он помнил, что гряда их была нескончаемой. Значит, до ближних галечных отмелей, за которыми можно укрыться, минимум несколько часов ходу. А может, и меньше при таком ветре, только вот выдержит ли эту гонку обшивка? Триремы ведь вовсе не предназначены для скитаний по бурным морям.

Погруженный в свои размышления, префект не сразу заметил, что по пляшущей палубе к нему, пошатываясь, пробирается капитан корабля. Старый моряк, подойдя, вскинул руку в салюте и тут же выбранился, ухватившись за леер.

– Ну? В чем дело? – крикнул префект.

– Пробоина! В трюме вода! – проревел капитан.

Полдня кряду выкрикивая команды, он совершенно охрип и для вящей ясности ткнул пальцем вниз:

– Она прибывает.

– Вычерпать можно?

Капитан покачал головой.

– И что же теперь?

– Нам надо попробовать оседлать шторм. Это наша единственная надежда хоть как-нибудь продержаться. Пока мы не найдем безопасное место, где можно выброситься на сушу!

Префект энергично кивнул, показывая, что все понял. Вот и прекрасно. Так тому, значит, и быть. Замечательный план. Пролететь сорок миль по кипящим волнам, а потом с ходу выскочить на надежный песок или гальку. Ничего сложного. Конечно, что-нибудь где-нибудь треснет и трирему придется латать, но это все лучше, чем напрочь ее загубить вместе с грузом, матросами и пассажирами. Ах да, пассажиры! Тут мысли префекта утратили саркастическую окраску, а самого его опалил жар стыда. В недрах триремы, под палубой, от превратностей бури пряталась знатная римлянка с маленькими детьми. Ее вверили его попечению, а он о ней совершенно забыл во всей этой суматохе.

– Действуй, как тебе кажется правильным, капитан! Я спущусь вниз.

– Есть, командир!

Капитан опять отсалютовал и повернулся к шкафуту, где сгрудились палубные матросы. Не обращая больше внимания на префекта, он зычно прокричал что-то, указывая на верхнюю перекладину мачты, к которой был принайтовлен свернутый большой парус, но никто из команды не двинулся с места. Последовал взрыв ругательств, ближайший послушник получил пинок, потом затрещину и лишь после этого начал карабкаться наверх. Остальные, цепляясь за ванты, последовали за ним. Если все они доберутся до реи, у триремы появится шанс не погибнуть в волнах. Парус будет поставлен, и судно наберет скорость, достаточную, чтобы, не теряя необходимой маневренности, мчаться вперед наравне с ветром, опережая пляшущие под днищем валы. Каждая вспышка молнии мимолетно выхватывала из мглы перекрестья рангота и черные на фоне ослепительно-белого неба силуэты людей. Префекту казалось, что в эти моменты даже дождь вроде бы прекращался. Капли словно зависали над палубой, а сам римлянин, несмотря на гложущий его страх, обмирал от восторга, восхищенный столь дивными проявлениями мощи Нептуна, могущественного владыки морей.

Наконец моряки заняли свои места. Упершись крепкими ногами в палубу, капитан вскинул голову и поднес сложенные ковшом ладони ко рту:

– Развернуть парус!

Онемевшие непослушные пальцы принялись судорожно раздергивать мокрые кожаные узлы. Кто-то из парней мешкал, кто-то был половчее, но парус, пусть и неравномерно, стал понемногу разворачиваться, и тут налетел очередной шквал. Шторм словно обрел второе дыхание, трирема резко дернулась, и какой-то совсем, видать, ослабевший бедняга не сумел удержаться на рее. Нелепо изогнувшись в попытке сохранить равновесие, несчастный сорвался с мачты. Миг – и тело его поглотила бушующая вода. Все случилось так быстро, что никто даже не заметил, куда он упал. Да на это и не смотрели. Каждый матрос ожесточенно и сосредоточенно боролся за жизнь корабля. Ветер свирепо трепал высвобожденную часть грубого полотнища, норовя вырвать из натруженных ноющих рук найтовы и шкоты, однако совместными усилиями парус все-таки удалось развернуть до конца. Закрепив рифовые шнуры, обессиленные и продрогшие моряки торопливо спустились на палубу, где опять сгрудились возле мачты в ожидании новых команд.

Несколько успокоившийся префект через кормовой люк уже осторожно сходил по крутой лесенке в черное чрево триремы. После пронзительно завывающего во всех палубных щелях ветра, громоподобного рокота волн и немолчного шума дождя внизу было неестественно тихо. Звук плача привлек его внимание к кормовому отсеку – небольшой каюте, устроенной в закуте, где воедино сходились длинные доски обшивки. Отсвет молнии, проникший сквозь люк, выхватил из кромешного мрака забившуюся в дальний угол этого ненадежного убежища женщину, крепко обнимавшую двух детишек. Они дрожали, цеплялись за мать, жались к ней. Мальчуган лет пяти, похоже младшенький, безутешно рыдал, размазывая по бледному личику сопли и слезы. Его сестренка, будучи с виду на три годика старше, молчала, но ее глазенки были расширены от ужаса. Неожиданно трирема подскочила на огромной волне, и префекта швырнуло вперед. В паре шагов от своих пассажиров он не устоял на ногах и грохнулся на дощатый настил, больно стукнувшись грудью. Ему потребовалось какое-то время, чтобы восстановить дыхание и сесть, и тут из темноты послышался спокойный голос женщины:

– Мы ведь справимся с этим, правда?

Очередная вспышка молнии высветила бледные, искаженные паникой лица детей.

Не было смысла сейчас говорить о решении выброситься на берег. Как и о том, что это, наверное, единственный шанс спастись. Лучше избавить маленькую семью от излишних переживаний.

– Конечно справимся, моя госпожа. Пока что шторм гонит нас, и мы летим с ним, влекомые ветром. Но как только буря уляжется, мы повернем обратно, к Рутупию.

– Понятно, – бесцветным голосом произнесла женщина.

И префект понял: она догадалась о недосказанном. Проницательная особа, достойная своей благородной фамилии и своего мужа.

– Слышите, мои дорогие, – добавила мать, ободряюще обнимая детей. – Скоро мы обогреемся и обсохнем.

Префект вспомнил, какая дрожь бьет сейчас ребятишек, и проклял свою бездумную невнимательность.

– Минуточку, моя госпожа.

Его онемевшие пальцы суетливо завоились под горлом, пытаясь справиться с непослушной застежкой плаща.

– Вот. Это для тебя и твоих детей, госпожа.

Водонепроницаемая плотная ткань шурша, сползла, на доски настила.

– Спасибо, префект, это очень любезно с твоей стороны. Ну-ка, дети, прячьтесь скорее под эту накидку.

Префект обхватил свои плечи руками, стараясь сохранить остатки тепла или хотя бы создать иллюзию некоторого комфорта. Он не добился ни того ни другого, но через миг ощутил деликатное прикосновение.

– Госпожа?

– Тебя зовут Валерий Максентий, верно?

– Да, госпожа.

– Предлагаю тебе, Валерий, укрыться под этим плащом вместе с нами. Пока ты совсем не заоченел.

Префекта больше всего удивило, что к нему сочли возможным обратиться по имени, впрочем, отговариваться он не стал и, пробормотав слова благодарности, тоже нырнул под защитную ткань. Мальчик, дрожащий и всхлипывавший, лежал рядом.

– Успокойся, – тихонько сказал префект. – С нами все будет в порядке. Вот увидишь.

Серия вспышек осветила каюту, и префект с женщиной переглянулись. Выражение ее лица было вопросительным, и он покачал головой. В это время через люк в трюм устремился поток серебристой воды, а деревянный корпус триремы затрепал под напором силы, превосходящей весь запас прочности, который ему придали строившие его корабельщики. Префект понял, что в один прекрасный момент каркас уступит нескончаемому насилию и море поглотит трирему вместе со всеми людьми, находящимися на борту. С рабами, прикованными к длинным веслам, с вконец измотанными моряками и с отчаявшимися, уже не надеющимися ни на что пассажирами. Забывшись, он негромко выругался, и женщина мигом догадалась о его чувствах.

– Валерий, тут твоей вины нет. Ты никак не мог это предвидеть.

– Я знаю, моя госпожа. Я знаю.

– Может быть, мы еще спасемся.

– Да, моя госпожа. Если ты так считаешь.

Всю ночь напролет шторм гнал трирему вдоль побережья, и капитан, борясь с лютым холодом, пытался высмотреть с высоты средних рей подходящее для рискованной высадки место, но такового не обнаруживалось, а между тем его корабль тяжелел и терял ход. Часть рабов под палубой уже расковали, и теперь они вместе с экипажем вычерпывали трюмную воду, однако та поступала в пробоины быстрее, чем от нее избавлялись. Непрестанная бешеная работа лишь отдаляла неизбежный момент, когда очередной гигантский вал уже не сумеет вознести ввысь обреченное судно, а захлестнет его и утопит.

Рабы, прикованные к скамьям, отчаянно вопили от ужаса: вода заплескивала им колени. В отличие от других жертв неминуемо приближавшегося крушения, которые еще могли рассчитывать вцепиться в какие-нибудь обломки и, если студеное море не доконает их раньше,

рано или поздно добраться до берега, этим несчастным предстояло пойти на дно вместе со своей плавучей тюрьмой.

Ливень перешел в дождь со снегом, а потом в сплошной снег. Густые белые хлопья заросли вокруг, налипая слоями на капитанскую шерстяную тунику. Руки старого моряка стали терять чувствительность, и он понял, что должен вернуться на палубу раньше, чем холод ослабит их цепкость. Но, ухватившись за снасти и вознамерившись приступить к осторожному спуску, он вдруг заметил впереди, всего в полумиле от носа триремы, темные неясные очертания мыса. Волны, рассыпаясь белыми брызгами, бились о подножие грозно вздымающегося из пучины утеса.

Забыв о холоде и стремительно соскользнув вниз, капитан поспешил к рулевому.

– Впереди скалы! Сворачивай!

Он тут же сам навалился на румпель, силясь помочь матросу вывернуть лопасть руля, и, хотя это дело казалось почти безнадежным, трирема все же отреагировала на людские усилия: бушприт ее стал медленно отворачивать от опасного мыса. В отсветах молний хищно поблескивали зубы скал, вздымавшихся над дробящимися о них волнами, чей грохот даже перекрывал завывания ветра. На какой-то момент бушприт замер, и сердце капитана упало, однако в последний миг случайный порыв ветра помог кораблю, и тот развернулся, когда до гибельных скал оставалось менее сотни локтей.

– Так держать! – крикнул капитан рулевому.

Опасно хлопнув провисшим, но тут же напрягшимся парусом, трирема проскочила мимо мыса, и взгляду мореходов открылось пологое каменистое побережье с редкими, низкорослыми деревцами, на которое набегали и откатывались назад увенчанные пышными шапками белой пены валы.

– Туда! – приказал капитан. – Правь туда, к суше!

– В этакий-то прибой? – выкрикнул рулевой. – Это безумие!

– Это наш единственный шанс! Ну, навалились!

После того как трирема взяла курс на берег, капитан в первый раз за эту сумасшедшую ночь позволил себе поверить, что, может быть, они еще выберутся из шторма живыми. Он даже рассмеялся, надрывно радуясь тому, что сумел дать отпор самому Нептуну, решившему, видимо, проучить наглецов, дерзнувших не вовремя вторгнуться в его владения. Но когда спасение казалось уже близким, могучий, огромный, словно гора, вал вскинул трирему на пенный гребень, а потом резко обрушил вниз, как оказалось, на острые подводные скалы. От удара все, кто был на палубе, покатались по ней. Когда капитан вскочил на ноги, неподвижность судна сказала ему, что трирема больше никуда не продвинется. Следующая волна развернула севшее на камни судно кормой к берегу. В трюме истошно орали рабы. Было очевидно, что очень скоро прибой разнесет беспомощный корабль в щепки, а находящихся на нем людей вместе с обломками размолотит о рифы.

– Что стряслось?

Капитан обернулся и увидел в проеме кормового люка Максентия. Близость суши и блеск черных, преграждающих к ней дорогу камней сказали префекту достаточно много, чтобы он, не дожидаясь ответа, опять спустился в трюм и велел пассажирке вывести наверх детей.

– Мне нужно спасти их! – прокричал он капитану. – Они должны уцелеть!

Пока мать и дети, оглушенные бурей, испуганно жались к кормовым леерам, префект с капитаном торопливо пытались скрепить вместе несколько пустых кожаных бурдюков. Остальная команда занималась такой же работой, спешно увязывая в подобие плотиков весь деревянный палубный инвентарь. Еще один вал – и крики в трюме утихли. Кто-то из экипажа указал на ближайший открытый люк – там плескалась вода. Трюм уже затопило, и теперь лишь скала не давала триреме уйти на дно. Но уже следующая большая волна непременно должна была с ней покончить.

– Сюда! – крикнул своей пассажирке Максентий. – Быстро сюда!

Когда хлынувшая из люков вода побежала по палубе, префект с капитаном принялись привязывать женщину и детей к бурдюкам. Перепуганный мальчик кричал, бился, дергался, не давая Максентию закрепить мокрый узел, пока не получил от матери звонкий шлепок.

– А ну прекрати!

Префект благодарно кивнул ей и опоясал ребенка веревкой, потом, дав слабинку, накрепко притянул его к кожаному пузырю.

– Что теперь? – спросила женщина.

– Подождем у кормы. Когда я скоманую, прыгай. Потом плыви к берегу.

Римлянка помедлила, глядя на двоих мужчин:

– А вы?

– Мы в любом случае последуем за тобой. – Префект улыбнулся. – Давай, моя госпожа.

Прошу.

Пассажирка позволила отвести ее к бортовым поручням и осторожно перебралась через них, после чего приняла детей и приготовилась соскочить с ними с судна.

– Мапочка! Нет! – кричал мальчик, уставившись широко раскрытыми глазами на бурную воду у себя под ногами. – Пожалуйста, мамочка!

– Аэлий, с нами все будет в порядке. Клянусь тебе! Не вопи.

– Префект! – рявкнул капитан. – Там! Глянь туда!

Префект повернулся и сквозь завесу бурана увидел несущуюся к ним чудовищную волну – бешеный ветер сдувал с ее гребня белые брызги, мешавшиеся со струями снега. Оцепенев от невольного изумления, он едва нашел в себе силы сделать знак женщине и проорать долгожданный приказ. Потом волна обрушилась на трирему и повлекла ее к скальной гряде. Всех моряков с верхней палубы смыло за борт. Максентий, не дожидаясь этого, сам перемахнул через штевень и в последний момент успел глянуть на капитана. Тот, вцепившись в решетку главного люка, стоял, обратив взгляд к надвигавшемуся на него грозному воплощению рока. Тут префекта окутала тугая тьма, его куда-то поволокло, закрутило, и соленая ледяная вода проникла через нос в горло. Он крепко сжал губы, отдаваясь волне, однако воздуха в легких было мало. Там началось жжение, предвещающее удушье, но в тот самый миг, когда эта мука сделалась нестерпимой и смерть казалась уже неминуемой, его слух вновь наполнился грохотом бури. Потом, ненадолго, шум исчез и опять возвратился. Задрав подбородок и стараясь держать голову над водой, префект жадно глотнул воздух и отчаянно забил ногами, чтобы не уйти вглубь еще раз.

Бурлящая водная масса вдруг подняла его вверх, и он увидел, что берег на удивление близко. А вот триремы не было видно нигде. Как не было видно и никого из членов экипажа, а также и римлянки с ее детьми. Волна, вильнув, потянула префекта вбок, к рифам, но дикий страх разбиться о скалы заставил его извернуться и, загребая воду руками, каким-то чудом компенсировать снос.

Не раз и не два ему казалось, что изнуряющее борение напрасно, что его все равно расплющит о камни не та, так другая волна. Однако, продвигаясь вперед пядь за пядью, упорный пловец оказался под прикрытием мыса, теперь защищавшего его от самых грозных нападков стихии, а когда силы префекта совсем истощились, он вдруг почувствовал под ногами каменистое дно.

Потом волна потащила его опять в море, и Максентий, в гневе, вознес хулу богам, вознамерившимся после стольких усилий отказать ему в милости. Однако ярость лишь укрепила его в решении бороться за жизнь до последнего вздоха, и он, стиснув зубы, предпринял еще одну отчаянную попытку добраться до суши. С новым облаком кипящей пены префект рывком преодолел полосу галечной отмели, потом поджался, не позволяя откату увлечь его за собой,

и, прежде чем за плечами взметнулась очередная сбивающая с ног волна, с трудом избежал вверх по скользкому каменистому склону, после чего рухнул ничком и затих.

Вокруг бушевал шторм, осыпая его градом брызг. Только теперь, благополучно выбравшись из воды, префект осознал, как он замерз. Он, сильно дрожа, попытался подняться, но мускулы не повиновались ему. Внезапно поблизости скрипнула галька и кто-то присел рядом с ним.

– Валерий Максентий! Это ты? Ты не ранен?

Дивясь силе женщины, которая приподняла его и усадила, Максентий мотнул головой.

– Тогда пошли! – приказала она. – Пока ты не превратился в ледышку.

Она перекинула одну его руку через свое плечо и помогла ему встать, потом повела по мокрому берегу к пологой ложбине, окаймленной черными очертаниями низкорослого леса. Там, под ветвями упавшего дерева, тщетно кутаясь в насквозь промокший воинский плащ, прятались продрогшие ребятишки.

– Забирайся туда.

Она тоже залезла под стоявшую коробом ткань, и все четверо тесно прижались друг к другу. Их колотила дрожь, тогда как буря все бесновалась, злобно закидывая их жалкое укрытие мокрым снегом. Озирая, насколько позволял рассветный сумрак, и море, и мыс, Максентий так и не обнаружил триремы: флагманский корабль исчез бесследно, словно его никогда не существовало. Люди тоже о себе знать не давали. Видимо, из экипажа не спасся никто.

Неожиданно его внимание привлек пробившийся сквозь вой ветра хруст гальки. Сначала префект решил, что ему это послышалось, но потом звук повторился, причем теперь, он мог поклясться, в нем различались и голоса.

– Похоже, выплыли не мы одни, – произнес он, улыбнувшись женщине, и позвал: – Сюда! Сюда!

В низине возникла темная фигура, за ней другая.

Пришельцы на какой-то миг замерли, один из них что-то выкрикнул, но слова унес ветер. Потом вожак поднял копьё, подавая знак невидимым спутникам.

– Валерий, тихо! – шикнула женщина.

Но было поздно. Их увидели. Маленькая толпа разрослась, и ночные гости, с любопытством вглядываясь во тьму, направились к съежившимся от холода жертвам крушения. По мере приближения их черты становились все более различимыми.

– Мама, – прошептала девочка. – Кто это?

– Тише, Юлия!

Отдаленная вспышка молнии озарила небо, осветив окруживших укрытие незнакомцев – странных людей в меховых накидках, со стоящими торчком волосами и яркими, свирепыми глазами на татуированных лицах. На миг и дикари, и римляне застыли в изумленном молчании, но потом маленький мальчик не выдержал, и над побережьем пронесся тонкий, жалобный крик, в котором звенел слепой ужас.

Глава 2

– Я просто уверен, что это здесь, – смущенно пробормотал Макрон, оглядывая сбегавшую к пристани темную улочку. – Есть какие-нибудь соображения?

Маленькая компания, топтавшаяся рядом с ним на снегу, ответила дружными унылыми вздохами. Возле Катона – молодого помощника, заблудившегося в городском муравейнике центуриона, – переминались с ноги на ногу две местные уроженки из племени икени, закутанные в кокетливые накидки с меховой оторочкой. Их отцы, прозорливо предвидевшие момент, когда римские цезари захотят распространить свое влияние на Британию, дали дочерям соответственное воспитание. С малых лет к ним был приставлен образованный, вывезенный из Галлии раб, так что теперь они изъяснялись на латыни, как римлянки, совершенно свободно и лишь с легким акцентом, который Катон находил весьма приятным для слуха.

– Послушай, Макрон, – заявила красотка постарше. – Ты обещал отвести нас в уютную маленькую таверну, и мне совершенно не хочется таскаться всю ночь по морозу, пока ты что-то там не отыщешь. Давай-ка договоримся: раз уж ты так осрамился, мы заходим в первую же попавшуюся нам дверь!

Ища поддержки, она оглянулась на подругу и опциона, и те, увидев сердитый блеск ее глаз, торопливо кивнули.

– Мы вроде пришли, – поспешно отозвался Макрон. – Да, я теперь точно вспомнил. Это то самое место.

– Лучше бы, чтобы оно так и было. Иначе ты поведешь нас домой.

– Справедливо.

Макрон поднял руку, успокаивая горячку:

– Пошли.

Маленькая компания, с отвращением озирая нескончаемые ряды темных хижин, гуськом последовала за центурионом. Снег, валивший весь день, прекратился лишь к сумеркам, так что весь Камулудунум с окрестностями укрыло плотным, поблескивающим белизной одеялом, и местные жители в подавляющем большинстве сидели сейчас по домам вокруг дымных очагов. Лишь самая бесшабашная часть городской молодежи позволяла себе коротать вечера в посещаемых римлянами кабаках, где можно было развлечь себя выпивкой, хриплым хоровым пением, а то и хорошей потасовкой.

Римляне, вооруженные в основном только туго набитыми кошельками, забредали в Камулудунум из огромного лагеря, раскинувшегося сразу за главными городскими воротами. Четыре легиона – более двадцати тысяч солдат – зимовали в бревенчатых грубых казармах или землянках, нетерпеливо ожидая прихода весны, когда опять должна была возобновиться кампания по завоеванию огромного острова.

А зима эта выдалась не на шутку суровой, и легионеры, вынужденные изо дня в день пробавляться овощной похлебкой да ячменными кашами, радовались любой возможностью сменить обстановку и разнообразить свой стол. Это стало возможно после того, как каждому легионеру выплатили причитающуюся ему долю награды, пожалованной силам вторжения императором Клавдием за победу над вождем варваров Каратаком и захват все того же Камулудунума, столицы мятежного края. Что же до горожан, в основной своей массе торговцев или ремесленников, то они, как это и свойственно всем практичным людям, быстро оправались от потрясения, вызванного военным разгромом, и еще проворней смекнули, что грозные завоеватели, вставшие за городскими стенами лагерем, представляют собой превосходный источник наживы. По всему городу, как грибы после дождя, множились кабаки и таверны, где заскучавшие легионеры накачивались как местным элем, так и заморскими винами, привозимыми с континента купцами, не боявшимися ради хорошего барыша снаряжать суда в зимние рейсы.

Правда, тем жителям Камулодунума, которым от завоевателей ничего не перепадало, толпы пьяных иноземцев, скандальных, всюду блюющих и горланящих непристойные песни, особой радости не доставляли. В конце концов терпение городских старшин лопнуло, и они отправили к командиру силами вторжения Плавту своих делегатов, и те со всяческой деликатностью заявили, что в целях упрочения союза, заключенного Римом с племенем триноватов, было бы, вероятно, разумно запретить солдатам посещать город.

Плавт на такие строгости пойти не мог, ибо понимал, что попытка запереть солдат на всю долгую зиму в лагере, лишив их самых простых развлечений, чревата бунтом. Но и терпение горожан могло лопнуть, что также в скором времени обернулось бы мятежом. В итоге было выработано взаимоприемлемое решение. Доступ римлян в Камулодунум ограничили квотой и в соответствии с ней стали выдавать пропуска. Количество гуляк в городе действительно сократилось, зато уж те, кто туда попадал, веселились вовсю.

– Ну я же говорил! – торжествуя заявил Макрон. – Вот мы и на месте.

Они стояли перед маленькой, обитой огромными заклепками дверью, плотно перекрывавшей вход в продолговатое каменное строение, похожее на амбар или склад. Чуть дальше по переулку мрачную стену этого склада прорезало единственное окошко. Оно было закрыто ставнями, но сквозь щели пробивались красноватые отсветы, а изнутри доносились непристойные крики и разухабистое пение.

– На худой конец, мы там хотя бы согреемся, – робко высказала свое мнение девушка помоложе. – Что думаешь, Боадика?

– Все лучше, чем ничего, – ответила ей кузина и взялась за кованое кольцо. – Ну что, заходим?

Ничуть не желая появиться в пивной после женщины и, чего доброго, прослыть «бабьим охвостьем», Макрон неуклюже протолкался вперед.

– Эй, пожалуйста, пропусти меня, – пробормотал он, стараясь загладить неловкость подобием извиняющейся улыбки.

Распахнув дверь, центурион нырнул под притолоку. Маленький отряд последовал за ним и тут же окунулся в теплую, дымную духоту. После темноты переуллка переливы свечения, исходившего от очага и нескольких чадящих плошек, казались чуть ли не празднично яркими. Несколько голов повернулось, чтобы посмотреть на вошедших, и Катон увидел, что среди посетителей полно сменившихся с дежурства легионеров, выделявшихся своими красными форменными туниками и плащами.

– Прикрой дверь, дуболом, – заорал кто-то. – Заткни дыру, пока мы все тоже не задубели.

– Попридержи язык, – буркнул в ответ Макрон. – С нами дамы.

Послышался дружный гогот:

– А то тут их нет!

С этими словами ближайший легионер с размаху шлепнул спешившую с пустыми кувшинами служанку по округлому задку. Та, взвизгнув, отвесила ему звонкую оплеуху и умчалась на кухню. Легионер потер пылающую щеку и снова расхохотался.

– И ты, значит, рекомендуешь нам это местечко? – усмехнулась язвительно Боадика.

– Да ладно тебе. Я как-то раз тут отлично повеселился. Обстановочка не ахти, но она создает настроение, правда?

– Разумеется, создает, – сказал Катон. – Но мне все же хотелось бы знать, драка завяжется сразу или чуть позже?

Центурион бросил на него хмурый взгляд и повернулся к девушкам:

– Главное, чего бы вам хотелось, красавицы?

– Для начала сесть, – колко отозвалась Боадика. – Примоститься хоть где-нибудь.

Макрон пожал плечами:

– Займись этим, Катон. Найди уголок поспокойней. Ну а я позабочусь о выпивке.

Пока Макрон с нарочитой беспечностью, но на деревянных от волнения ногах пробирался сквозь толпу к стойке, Катон осмотрелся по сторонам и увидел, что свободен лишь один стол. Грубо сколоченный, с задвинутыми под него лавками, он стоял прямо у входа в таверну, и, не высмотрев ничего лучшего, оптион устремился к нему. Вытащив из-под шаткого дощатого сооружения не менее шаткую лавку, он склонил голову:

– Дамы, прошу.

Вид колченогой шероховатой скамьи явно не вдохновил Боадикю. Она поджала губы и, может быть, даже отвергла бы приглашение, но ее родственница села первой, подав ей пример. Эту покладистую особу, с каштановыми волосами, голубыми глазами и круглыми щечками, звали Несса. Катон знал, что Макрон с Боадикой уговорили молоденькую икенку провести с ними вечерок, чтобы та составила ему компанию, а сами они без помех могли продолжать развивать свои странные отношения.

Центурион и его нынешняя подружка познакомились вскоре после падения Камулодунума. Поскольку формально племя икенов не вступило в союз вознамерившихся дать отпор Риму британских племен, Боадика смотрела на незваных гостей из великой заморской страны скорей с любопытством, чем с неприязнью. Городские старейшины, взвесив все «за» и «против», поспешили втереться в доверие к завоевателям, для чего, как только римская армия устроилась на зимний отдых, принялись наперебой зазывать ее командиров на чуть ли не ежедневно задаваемые пиры. И не только офицеров высшего ранга, но и простых центурионов, таких как Макрон.

На первом же из подобных пиров Макрон и разговорился с туземной красавицей, сразу же поразившей его совсем не свойственной жеманным римлянкам откровенностью. К тому же оказалось, что кельтские женщины пользуются куда большей свободой, чем жительницы величайшего из городов. Бесцеремонно подсев к одинокому центуриону, который, правда, уже вступил в весьма теплые отношения с бочонком самого крепкого на его памяти пива, Боадика напористо принялась расспрашивать его о римской жизни, причем в подробностях и предельно дотошно. Вообще-то, Макрон не слишком жаловал местных красоток, особенно знатных. Их лошадиные физиономии наводили на него тоску. Но в данном случае девица была миловидной, и он сам не заметил, как понемногу втянулся в оживленную болтовню. Слово за слово, и он так увлекся, что порой даже забывал прихлебывать эль.

К концу вечера Макрон мог с уверенностью сказать, что ни с одной женщиной у него такого еще не бывало. Также он понял, что не прочь опять повидаться с икенкой, и объявил это ей. Она, горячо поддержав предложение, тут же пригласила центуриона на званый ужин, который устраивал кто-то из ее дядьев. Макрон заявился туда одним из первых и неловко ковырял холодное мясо, запивая его теплым пивом, пока подроспевшая Боадика не поставила слуг на место и не велела им унести «эту дрянь». На сей раз она пила хмельное наравне с ним и, похоже, ничуть не пьянела, правда центурион опомниться не успел, как они уже обнимались, а впрочем, обнимались тут все. Макрон, заметив это, осуждающе покачал головой. Верней, хотел покачать, а потом передумал. Раз уж у кельтов такие обычаи, то почему бы не следовать им?

Однако, когда ему при всех влепили поцелуй прямо в губы, доблестный центурион растерялся и даже попытался вырваться из объятий, но девица, похоже, приняла его трепыхания за проявления растущей пылкости и лишь усилила хватку. В конце концов Макрон полез целоваться сам, а привело это к тому, что они оба «воспарили на крыльях страсти», правда отнюдь не взлетев к небесам, а, напротив, свалившись под стол, где и остались, продолжив общение на ощупь. Если в тот раз, в силу переизбытка поглощенного кое-кем эля, их обоюдный и бурный порыв не завершился желанным апофеозом, то у Боадики хватило деликатности никогда после об этом не поминать.

Да и случая повторить опыт как-то не представлялось, хотя теперь они виделись чуть ли не ежедневно. Иногда Макрон брал на эти свидания опциона – главным образом из чувства сострадания к пареньку, милашка которого (кстати, первая в его жизни) пала жертвой людского коварства. Бедную девушку склонил к сожительству один вероломный римский аристократ, а потом погубил ее.

Поначалу Катон робел и дичился, однако общительная неумная Боадика мигом растормошила его. У них живо нашлось много тем для бесед. Они могли тараторить часами, и в итоге Макрон, хотя икенка и уверяла его, что с таким сосунком у нее ничего вообще быть не может, начал подумывать, а не зря ли он их познакомил. Естественно, согласие Нессы примкнуть к их компании очень устраивало центуриона: и паренек развлечется, и он, Макрон, сможет продолжить свои ухаживания без лишних тревог.

– А что, твой командир часто водит тебя в такие места? – спросила, усаживаясь, Боадика.

– Ну, обычно не в столь приличные, – с улыбкой ответил Катон. – Это для вас он так расстарался.

Несса иронии не уловила и недовольно фыркнула, давая понять, что приглашение в такую дыру ничуть ей не льстит, зато Боадика закатила глаза: она оценила шутку.

– Как тебе вообще удалось улизнуть в город? – спросил ее с искренним интересом Катон. – В тот вечер, когда нам пришлось втащить тебя в дом на руках, твой бедный дядюшка чуть не рехнулся.

– Он и рехнулся. Тепер ходит злой и согласился отпустить нас погулять лишь под приглядом кузена.

– И где же этот кузен? – нахмурился Катон.

– Не знаю. Мы с ним потеряли друг друга из виду, как только выскочили за ворота.

– Случайно?

– Конечно. За кого ты нас принимаешь?

– Я лучше промолчу.

– Вот-вот.

– Празутаг, наверно, уже весь извелся! – хихикнула Несса. – Ручаюсь, что сейчас он общаривает каждый кабак, какой только может припомнить.

– И потому мы можем чувствовать себя в безопасности, так как нашему дорогому родственнику – кстати, он кузен только мой! – никогда в голову не придет искать нас здесь. Сомневаюсь, что он вообще знает о существовании закоулков за пристанью. Успокойся, с нами все будет в порядке.

– Ну да... если все же его не закинет сюда каким-нибудь ветром, – заявила Несса, широко раскрывая глаза. – Он ведь бешеный, ему все трын-трава. Помнишь, что вышло с тем пареньком, который пытался к нам подкатиться. Празутаг его чуть было не прикончил.

– Он и прикончил бы, если бы я его не оттащила.

Катон нервно поерзал на месте.

– Он что, крепкий малый – этот ваш родич?

– Здоровенный! – рассмеялась Несса. – Ха! Это самое подходящее слово. Здоровенный, как башня!

– Причем у этой башни совсем нет мозгов, – добавила Боадика. – Так что, ежели он все-таки сюда явится, даже не думай с ним спорить. Просто уноси ноги.

– Понятно.

Вернулся Макрон, таща в поднятых над головой руках кувшин и кружки. Осторожно поставив свою добычу на стол, он учтиво наполнил кружки напитком, отвоеванным у других выпивох, плотно обступивших трактирную стойку.

– О, вино! – воскликнула Боадика. – А ты знаешь, чем улестить женщину, центурион.

– Пиво закончилось, – пояснил простодушно Макрон. – Осталось одно это пойло, и к тому же не из дешевых. Так что пейте и радуйтесь.

– Пока нам дают, командир.

– Да? А что случилось?

– Так ведь, по словам наших спутниц, они сейчас радуют нас своим обществом лишь потому, что улизнули от одного своего родича, который теперь, надо думать, везде ищет их. И пребывает не в лучшем расположении духа.

– Его можно понять, – философически заметил Макрон. – Мало радости шастать по улицам в такой холод. Зато мы с вами, в отличие от того бедолаги, посиживаем сейчас в сухости и тепле. У нас есть хорошая выпивка и компания. Чего же еще нам желать?

– Местечка поближе к огню, – заявила Боадика.

– У меня созрел тост, – возгласил центурион, пропустив шпильку мимо ушей. – За нас четверых!

Он поднял кружку, залпом осушил ее и со стуком поставил на стол.

– Эх, хорошо! Именно то, что надо. Повторим?

– Погоди.

Боадика последовала примеру друга.

Катон знал, что по части выпивки он не очень-то крепок, и потому покачал головой.

– Дело твое, парень, но имей в виду, что вино не хуже удара по кумполу помогает забыть о проблемах.

– Тебе видней, командир.

– Вот я и говорю, мне видней. Особенно в свете не очень-то радостных новостей.

Макрон со значением глянул на Боадику.

– Каких новостей? – резко спросила она.

– Наш легион отправляют на юг.

– Когда?

– Через три дня.

– Первый раз о том слышу, – сказал Катон. – А что стряслось?

– Ничего. Просто, наверное, генерал Плавт хочет развернуть наш Второй за Тамесис, чтобы не дать отойти туда Каратаку. Тогда остальные три легиона смогут спокойно потрошить его здесь – на ее северном берегу.

– За Тамесис? – Боадика нахмурилась. – Туда путь неблизкий. И когда в таком случае вы вернетесь?

Макрон собрался было соврать что-нибудь успокаивающее, но, заметив, что Боадика изменилась в лице, счел самым правильным рассказать все как есть. Пусть уж лучше она узнает правду сейчас, чем будет клясть его после.

– Не знаю. Может, через полгода, ну, через год, а может, и никогда. Все зависит от Каратака. Верней, от того, как долго продержится он против нас. Если мы сумеем разбить его быстро, то и обустройство провинции пройдет как по маслу. Но пока говорить о том рано: хитрый ублюдок непрерывно грабит наши обозы с провизией и баламутит все мирные племена.

– Вряд ли можно винить воина за его доблесть.

– Можно, раз эта самая доблесть нас с тобой разлучает, – возразил Макрон, любовно накрыв узкую женскую ручку своей широкой ладонью. – Остается только надеяться, что он наконец сам поймет: с Римом много не навоюешь. Ну а как только провинция попритихнет, мне дадут отпуск, и я тут же прибуду к тебе. Плевое, если вдуматься, дело.

– Так ты, значит, считаешь усмирение вольных земель пловым делом? – вспыхнула Боадика. – Поразительное нахальство! И когда же вы, римляне, научитесь наконец видеть не только то, что вам хочется, но и прочую неприглядную для вас правду? Каратак ведет за собою лишь те племена, что издревле смотрят в рот катувеллаунам, но есть в Британии и другие

народы. Слишком гордые, чтобы сражаться под чьим-то началом, и слишком ценящие свободу, чтобы кому-нибудь покориться. Возьмем наше племя. – Боадика ткнула пальцем в себя, потом в Нессу. – Я не знаю никого из икенов, кому не терпелось бы поскорей стать подданным вашего императора Клавдия. Само собой, вы добились расположения наших вождей, обещая им всяческую поддержку и долю в добыче, но я честно предупреждаю: как только Рим попытается нами командовать, все в один миг переменится. Мы тут же заставим вас оплатить свои притязания кровью!

При этих словах голос девушки зазвенел, глаза ее грозно сверкнули. Многие из гуляк обернулись на шум, разговоры мгновенно стихли. Потом все вернулись к прежним занятиям, и шум в таверне возобновился с новой силой. Разгоряченная Боадика самоуправно налила себе кружку вина, с жадностью опростала ее и лишь после этого, уже более спокойно, подвела сказанному итог:

– Это относится и к другим племенам. Уж я-то знаю, можешь мне верить.

Макрон внимательно посмотрел на икенку, медленно кивнул и снова бережно взял ее руку в свою:

– Прости, я никак не хотел задеть твой народ. Да и правду сказать, говорить я не мастер. Губы девушки тронула снисходительная улыбка.

– Ну, зато, думаю, ты силен в чем-то другом.

Макрон обернулся к Катону:

– Как полагаешь, мог бы ты на какое-то время увести свою лапушку к стойке? Нам с моей милой надо бы кое-что обсудить. Потолковать с глазу на глаз, понимаешь.

– Да, командир.

С полным сочувствием к своему непосредственному начальнику Катон поднялся с лавки и протянул руку Нессе. Молодая красотка глянула на кузину, и та слегка кивнула в ответ.

– Вот и славно.

Несса ухмыльнулась:

– Будь осторожна, Боадика, ты ведь знаешь, каковы эти солдаты.

– Ха! Я могу за себя постоять.

Катон ничуть в этом не сомневался. За время зимовки он неплохо узнал Боадика и втайне где-то даже жалел своего центуриона. Отвесив поклон, юноша повел Нессу сквозь толпу к стойке. Едва возвышавшийся над стойкой пожилой жилистый виночерпий, судя по выговору галл, видимо, не считал нужным в стране вольных бриттов придерживаться заведенных на континенте порядков и соблюдать римский стиль, о чем неопровержимо свидетельствовали его длинные волосы, заплетенные в падавшие на плечи косички, и узорчатая туника. Когда Катон постучал по стойке монетой, галл, ополаскивавший посуду в лохани с не слишком-то чистой водой, вытер руки о фартук, шаркающей походкой подошел к парочке и вопросительно поднял брови.

– Две кружки горячего, – распорядился Катон и, спохватившись, глянул на Нессу. – Не возражаешь?

Несса кивнула, и виночерпий с парой глиняных кружек потащился к помятому бронзовому котлу, покоившемуся на почерневшей треноге над слегка тлеющими угольками. От котла струйками исходил пар, и по всему помещению разносился тот терпкий особенный аромат пряностей, который даже перебивал кислый дух, веками въедавшийся в стены подобных заведений.

Тощий и жердеобразный молодой римлянин с высоты своего роста уныло взирал на свою спутницу, с преувеличенным интересом теперь наблюдавшую за тем, как галл опускает в котел черпак и помешивает его содержимое. Катон нахмурился. Он понимал, что девушек на свиданиях следует развлекать, но не был силен в такого рода вещах. Всегда боялся ляпнуть что-нибудь невпопад или сморозить откровенную глупость. Кроме того, молоденькая икенка не

пробуждала в нем никаких чувств. Не то чтобы Несса была непривлекательной внешне или в ее поведении угадывался скверный нрав – о, вовсе нет! Ничего этого не было и в помине, просто Катон все еще продолжал тосковать о Лавинии.

Пылкая страсть к чувственной темноволосой рабыне одно время жгла его как огнем, даже после предательского возвращения своевольной красавицы в объятия некогда совратившего ее негодяя. Прежде чем волны праведного презрения успели загасить в душе юноши этот мучительный жар, вероломный трибун Вителлий обманом вовлек Лавинию в заговор против римского императора, а потом хладнокровно зарезал сообщницу, отводя подозрения от себя. До сих пор вид несчастной Лавинии, валявшейся в луже крови, вытекшей из рассеченного горла девушки и запачкавшей ее темные пряди, то и дело вставал перед мысленным взором Катона. В такие мгновения он безмерно страдал.

Вся сила его нерастраченной юношеской любви теперь питала в нем жгучую ненависть к высокопоставленному интригану, столь сильную, что никакое, пусть даже самое жестокое воздаяние за свершенное тем злодеяние, не показалось бы ему слишком чрезмерным. Однако Вителлий не только избежал наказания, но и благополучно вернулся вместе с императором в Рим. Осознав, что задуманное им покушение вот-вот сорвется, он сумел извернуться и выставить себя не преступником, а героем. Увидев, что телохранители Клавдия плотно смыкаются вокруг своего господина, Вителлий подскочил к подосланному им самим же убийце и заколол его. Теперь император считал трибуна своим спасителем и выражал монаршую благодарность целыми ливнями почестей и наград.

Внезапно нахлынувшие воспоминания навлекли на лицо юного оптиона столь горестную гримасу, что его спутница испугалась:

- Эй, что с тобой?
- А? Прости, я задумался.
- О чем мне, наверно, не стоит и спрашивать?
- Не стоит. Тебя это вообще не касается.
- Надеюсь. Взгляни-ка, вот и вино.

Галл вернулся к стойке с двумя кружками, от которых шел такой густой аромат, что он вмиг взбодрил опечаленного Катона. Трактирщик принял у молодого человека монету и вновь повернулся к своей лохани.

- Эй, а где сдача? – поинтересовался Катон.
- Никакой сдачи, – бросил, не оборачиваясь, трактирщик. – Вино вздорожало. На море шторм.
- Но...
- Тебе что, не нравятся мои цены? Тогда давай топай отсюда. Пей там, где тебе позволяет карман.

У Катона кровь отхлынула от лица. Ничем не примечательная обычная грубость, с какой подчас сталкиваешься по сто раз на дню, вдруг вызвала в нем прилив дикого гнева. Он сжал кулаки, страшно вытаращил глаза и открыл рот, чтобы исторгнуть из него поток грязной брани. В какой-то миг он вообще был готов наброситься на уже поглощенного своим привычным занятием старика и то ли придушить его, то ли порвать в клочья. Однако этот миг миновал, и юный Катон, всегда гордившийся своим самообладанием, смущенно обмяк: ему стало стыдно за свою дурацкую вспышку. Украдкой он обвел взглядом зал – не заметил ли кто чего, но, похоже, смотрел в его сторону только один человек. Рослый здоровяк средних лет безучастно стоял в отдалении, опираясь на стойку и выразительно поигрывая рукоятью кинжала, прячущегося в деревянных, обитых металлических пластинами ножнах. Очевидно, это был нанятый стариком вышибала, судя по длинным волосам тоже галл. Дитина, поймав взгляд оптиона, поднял руку, погрозил ему пальцем и снисходительно улыбнулся, как взрослый, предупреждающий малыша, что ему надо вести себя тихо.

– Катон, я вижу пару мест у огня. Хорошо бы занять их.

Несса легонько подтолкнула своего кавалера к кирпичному очагу, где, шипя и треща, занималась новая порция мокрых поленьев. Катон малость поупирался, но потом уступил. Они, стараясь не расплескать горячий напиток, протиснулись сквозь толпу посетителей и уселись на два низеньких табурета, присоединившись к счастливицам, гревшим бока возле груды пылающих дров.

– Слушай, что все-таки с тобой происходит? – спросила Несса. – Там, у стойки, ты был сам не свой.

– Правда?

Катон пожал плечами и осторожно приложился к дымящейся кружке.

– Правда. Мне показалось, что ты вот-вот на кого-нибудь кинешься.

– Да, я был к тому близок.

– А Боадика говорила, что ты сдержанный малый.

– И это не расходится с истиной.

– Тогда в чем же дело?

– Это личное, – резко бросил Катон, но опомнился. – Прости, я не хотел тебя обидеть.

Просто мне неприятно об этом сейчас говорить.

– Понимаю. Тогда давай поговорим о другом.

– И о чем же?

– Не знаю. Придумай сам что-нибудь. Полагаю, тебе не мешает отвлечься.

– Ну хорошо... этот кузен Боадики... Празутаг, что ли? Он и вправду так грозен, как ты утверждаешь?

– Еще бы!

Несса нахмурилась. По ее круглому безмятежному личику прошла тень беспокойства.

– Он ведь не просто воин. Ему подвластно и многое прочее.

– Что это за «прочее»?

– Я... я сама в том не очень-то разбираюсь.

– Значит, если он сюда заявится, вам с Боадикой несдобровать?

Несса покачала головой. Она очень аккуратно прихлебывала из своей кружки вино, но все же пара капель попала на плащ. Мелкие бусинки, прежде чем впитаться в ткань, багрово блеснули.

– Нет, ничего страшного с нами, конечно же, не случится. О, Празутаг, разумеется, побагровеет как свекла и поднимет крик, но на том все и кончится. Стоит Боадике поласковее взглянуть на него, как он тут же переворачивается на спинку и ждет, когда ему пощекочут животик.

– И сам тоже хочет пощекотать ей брюшко?

– Заметь, это ты сказал, а не я.

Несса, вытянув шею, посмотрела через зал на подругу, которая, видимо позабыв обо всем, нежно поглаживала щеку Макрона, а потом повернулась к Катону и тихонько, как будто влюбленная парочка могла ее услышать, прошептала:

– Ты только не болтай никому, но кое-кто поговаривает, что Празутаг вообще от нее без ума. Весной он намерен сопроводить нас обеих в родные края. И я совершенно не удивлюсь, если он, пользуясь случаем, попросит отца Боадики выдать ее за него.

– И тот отдаст ее?

– С большой радостью.

– А как сама она к этому отнесется?

– О, она, разумеется, согласится.

– Вот как? Но... почему?

– Не каждый день девушке предлагает руку будущий правитель икенов.

Катон, помедлив, кивнул. Боадика, как очень многие из встречавшихся ему женщин, видимо, ставила положение в обществе выше каких-то там чувств. Макрону он в любом случае решил ничего не говорить. Какой бы Боадика ни сделала выбор, это ее личное дело, пусть сама с ним и разбирается. Хотя, конечно, история темная.

– Жаль. Она заслуживает лучшего.

– Конечно заслуживает. Вот почему она и крутит с твоим командиром. Пусть хоть поразвлечется, пока есть возможность. Вряд ли дикарь-муженек даст ей много свободы.

Позади них вдруг послышался грохот, и Катон, обернувшись, увидел, что в пивную через распахнутую мощным пинком дверь протискивается гороподобный гигант. Когда неожиданный гость неловко выпрямился, его голова коснулась свисавших с потолка клочьев соломы. Сердито выругавшись на родном языке, верзила пригнулся и шагнул вперед, чтобы опять, уже без помех, выпрямиться и оглядеться по сторонам. При своем невиданном росте он был невероятно широк в плечах, руки его, обнаженные до локтей, сплошь поросли жесткими волосами. Катон непроизвольно сглотнул, мигом, хотя и без радости, догадавшись, кого это принесло.

Глава 3

– О боги! – Несса вздрогнула. – Ну, теперь нам достанется.

Когда Празутаг принялся сердито оглядывать зал, разговоры, как по команде, умолкли. Все выпивохи замерли, старательно пряча глаза и в то же время боковым зрением прилежно следя за каждым движением разгневанного гиганта. Тот пока не мог видеть Боадика с Макроном, так как те сидели у него за спиной. Катон заметил, как Боадика резким тычком пальца велела Макрону лезть под скамью, но центурион отрицательно помотал головой. Она опять ткнула пальцем в пол, но Макрон заупрямился, и дело кончилось тем, что девушка, торопливо допив свою кружку, нырнула под лавку сама. При этом она задела стол, и тот зашатался. Одна из кружек свалилась на пол и раскололась.

Празутаг выхватил из-под плаща кинжал и развернулся, готовый сразить любого врага, подкравшегося к нему сзади. Макрон уже стоял на ногах. Могучий икен быстрым взглядом оценил стать коренастого римлянина и внезапно расхохотался.

– Эй, дубина, над чем ты смеешься? – рявкнул Макрон.

Несса сжала руку Катона и ахнула:

– Твой друг глупец!

– Нет, – прошептал Катон. – Глупец ваш родич. Лучше бы ему поостеречься. Злить Макрона не стоит.

Празутаг тяжело похлопал центуриона по плечу и пробурчал на своем языке что-то примирительное. Нож исчез под плащом.

– Убери лапы! – проворчал Макрон. – Ты, спору нет, паренек здоровенный, но мне случилось потрошить и ублюдков покрепче.

Воин оставил его слова без внимания и повернулся к другим столам, возобновив поиск своевольных беглянок. Несса, вскочившая от волнения с табурета и напрочь забывшая о какой-либо осторожности, быстро втянула голову в плечи, но это мало чему помогло.

– А-а-а! – взревел гигант и пошел сквозь толпу, грубо расталкивая всех, кто мешал ему двигаться к цели. – Несса!

В ту же секунду, не успев даже испугаться, Катон прыгнул вперед и загородил собой девушку.

– Оставь ее в покое! – выкрикнул он, однако голос его предательски дрогнул. До него вдруг дошло, чем чреват этот шаг.

Празутаг без малейшей заминки отшвырнул его в сторону, схватил Нессу за плечи и, как она и предсказывала, принялся во всю глотку орать на нее. Далеко отлетевший, но все же сумевший устоять на ногах Катон бросился к бритту. Тот даже не шелохнулся. Через мгновение огромный кулак встретился с головой Катона. Последовала белая вспышка, и свет померк.

Макрон, утробно рыча, стал проталкиваться к очагу. Боадика, выбравшись из-под лавки, кинулась следом:

– Макрон! Стой! Он убьет тебя!

– Пусть попробует.

– Остановись! Прошу тебя!

Она повисла у него на плечах.

– Отпусти меня, женщина!

– Макрон, ну пожалуйста!

Празутаг, слышавший за спиной какую-то возню, замер, перестал трясти Нессу, потом бросил взгляд через плечо и, развернув свой массивный корпус навстречу центуриону, разразился яростным монологом. Макрон ничего в этой варварской тарабарщине не понимал, но зато хорошо понимал, что для схватки с таким громоилой лучше чем-нибудь вооружиться.

Римлянин огляделся по сторонам, ища предмет, который помог бы ему в какой-то степени уравнять шансы, но в тот самый миг, когда он подхватывал с пола чью-то дубинку, его сшибли с ног, огрев по затылку разлетевшимся вдребезги глиняным кувшином. Причем удар нанес вовсе не бритт, а вконец разозлившаяся Боадика. Ошеломленный и растерянный, Макрон с трудом приподнялся на четвереньки.

– Не вставай! – прошипела Боадика. – Не высовывайся и помалкивай, пока хуже не стало!

С этими словами она сама, гневно пофыркивая и сверкая глазами, бросилась к разъяренному великану. Тот все еще что-то орал, размахивая огромными ручищами, но девушка, привстав на цыпочки, с ходу осыпала его градом хлестких увесистых оплеух и не останавливалась до тех пор, пока он не притих.

– Нет, Боадика! – запротестовал Празутаг. – Нет!

Девушка снова ударила его и, вскинув стиснутый кулачок, замерла, словно веля гиганту заткнуться. Ее глаза выжидательно полыхали, но великан, крепко сжав зубы, не издал больше ни звука. Завсегдатаи кабачка, забыв о выпивке, молча ждали, чем разрешится конфликт между могучим гороподобным воителем и худощавой бесстрашной икенкой. Наконец Боадика опустила руку. Празутаг кивнул и тихонько заговорил с ней, робкими, едва заметными кивками указывая на дверь. Боадика подозвала Нессу, и обе девушки вышли на улицу. Празутаг сердитым взглядом обвел зрителей, проверяя, нет ли среди них любителей посмеяться, потом пнул распростертое тело Катона и поспешил прочь из кабака, видимо сообразив, что его подопечные опять могут скрыться.

Лишь после того, как стало ясно, что гигант уже не вернется, и разговоры за столиками возобновились, пожилой галл кивнул вышибале. Тот направился к двери, закрыл ее, а потом словно бы невзначай подошел к Макрону:

– Ты в порядке, приятель?

– Бывало получше. – Макрон потер голову и поморщился. – Вот дерьмо! Больно.

– Неудивительно. Женщина у тебя еще та.

– О, это да!

– Можешь считать, она спасла твою шкуру. И того парня тоже.

– Катон!

Макрон повернулся к оптиону, который, приподнявшись на локте, тряс головой.

– Ты как, жив?

– Не уверен, командир. Такое впечатление, будто на меня обрушился дом.

– Ты недалек от истины! – хохотнул вышибала. – У этого Празутага рука тяжеленная.

Катон поднял глаза:

– Это чистая правда.

Галл помог юноше встать, отряхнул солону с его туники.

– А теперь, если вы, ребята, не против, я бы хотел, чтобы вы оба покинули заведение.

– Это еще почему? – хмуро спросил Макрон.

– Да потому, что вы меня уже достали, – вскипел вышибала, но тут же смягчился: – Задирать местных – последнее дело, особенно если те под хмельком. Мне даже думать не хочется, что станет с этим заведением, если Празутаг вернется сюда с парой-тройкой приятелей и увидит, что вы еще здесь.

– Ты думаешь, он вернется? – нервно оглядываясь на дверь, спросил Катон.

– Как только сообразит, что те две девицы и вы были знакомы и раньше. Так что уж лучше топайте себе, ладно?

– В общем, все верно. Пошли, Катон. Мы еще найдем, где нам выпить.

Плотно закутавшись в свои плащи, Макрон и Катон, пригнувшись, чтобы не задеть низкую притолоку, вышли на улицу, и дверь за ними тут же закрылась, вмиг погасив оранжевое

световое пятно. Празутага и девушек уже нигде не было видно, по снегу в темноту переулка уходили следы.

– И что теперь? – спросил Катон.

– Я знаю тут еще одно место. Правда, не такое славненькое, как это. Но, на худой конец, сойдет и оно.

– Не такое славненькое?

– Ты хочешь выпить или не хочешь?

– Хочу, командир.

– Тогда заткнись и следуй за мной.

Стоило римской армии где-то остановиться, и рядом с ней, как по волшебству, появлялось все, на что у солдат этой армии мог возникнуть спрос. Вот и сейчас в самом мрачном квартале Камулодунума финикийские сводники уже развернули свои передвижные бордели. Скупленные по дешевке ветхие амбары и развалюхи, наскоро подлатанные и аляповато расписанные, украсились вывесками, дававшими легионерам понять, какие там оказывают услуги и по какой (иногда очень сходной) цене. Самые оборотистые дельцы предлагали не только любовные утехы, но и выпивку, за которую, правда, драли втридорога, что неминуемо привело к росту количества кабаков и борделей. Все они, чтобы привлечь посетителей, рьяно соперничали между собой. Вокруг этих заведений роились во множестве всякого рода знахари, маги и выдающие себя за них шарлатаны, гарантировавшие чуть ли не моментальное исцеление любых недугов – от сифилиса до мужского бессилия, а также уличные лоточники с неограниченным выбором «заговоренных» товаров. Там были мечи, которые никогда не тупились, амулеты, защищающие от стрел, игральные кости, всегда падающие «шестерками» вверх, и тому подобные вещи. Правда, Катону все это было далеко не в новинку: в римских трущобах такая торговля тоже велась денно и нощно, только имела куда больший размах.

Макрон привел Катона к приземистой, неприглядной хибаре, уютившейся в плохо освещенном проулке, прямо посередине которого, промыв в снегу темную дорожку, текла струйка мочи. Внутри заведения витал приторный дух дешевеньких благовоний, призванный, видимо, перебить еще более неприятные ароматы. Римляне через узкую дверь с трудом протиснулись в дымное помещение с щелястым полом, несколькими беспорядочно расставленными столами и стойкой, представлявшей собой доску, покоившуюся на двух бочках. Хозяин заведения и две тощие шлюхи сидели возле нее с тоскливыми, скучающими выражениями на лицах, никак не вязавшимися с настенной росписью, где развеселые мужчины и женщины весьма изощренными способами тешили свою похоть.

В зале были заняты лишь два стола: за ближним к стойке гуляли рядовые легионеры, видимо только сменившиеся с дежурства и прямо в доспехах закатившиеся в кабак. В дальнем углу расположилась группа центурионов Второго. Катон узнал пару лиц. Один из сидящих посмотрел на вошедших, и по его широченной физиономии тут же расплылась радостная улыбка.

– Макрон, дружище! – взревел он так громко, что даже шлюхи подпрыгнули на своей лавке и изумленно воззрились на крикуна. – Гребика с твоим приятелем к нам, выпьем вместе.

Когда все сидевшие за столом потеснились, впуская вновь прибывших в свой сплоченный кружок, Макрон провел церемонию представления.

– Парни, это мой опцион, его имя Катон. Катон, могу тебя заверить, что эти пропитанные вином обормоты представляют собой цвет и гордость нашего доблестного легиона. Будь здесь света побольше, ты и сам бы смекнул, что к чему. Пожалуйста, познакомься с Квинтом, Бальбом, Сципионом, Фабием и Парнезием.

Римляне, по большей части уже основательно нагрузившиеся, подняли затуманенные глаза и приветственно покивали.

– Славная компания, – сердечным тоном продолжил Макрон. – Я тянул с ними солдатскую ляжку еще до того, как они – один за другим – были представлены к повышению. А нынче, гляди, все мы, и я в том числе, вышли в центурионы. Уверен, что в один прекрасный день к нам присоединишься и ты. Если, конечно, доживешь. Я прав, парни?

Парни дружным ревом выразили согласие, и Катон, чтобы поменьше робеть в столь крутом обществе, поспешил угоститься вином. Оно оказалось сущей кислятиной, видимо не нашедшей в Галлии сбыта, и юноша невольно поморщился, сделав первый глоток.

– Пробирает? – ухмыльнулся Бальб. – Самое то, когда собираешься подвалить к шлюхе.

Катон согласно кивнул, хотя он, собственно, ни о чем таком вовсе не думал. Шлюхи как таковые, особенно второсортные, подобные тем, что дремали у стойки, никогда его не привлекали, да и тоска по Лавинии была еще очень сильна. Но вот для того, чтобы заглушить эту тоску, требовалось, конечно, напиться.

После нескольких кружек кислого, но, похоже, и впрямь забористого напитка у него перед глазами все поплыло, а когда он закрыл их, стало лишь хуже. Нужно было на чем-то сосредоточиться, и взгляд юноши метнулся к столу, где гуляли простые легионеры. Только простые ли? Ведь на каждом из них красовались новехонькие пластинчатые доспехи.

Катон поскреб пальцем тунику Макрона:

– Есть ли прок в этих штуковинах, командир?

– Штуковинах? Каких еще штуковинах?

– Ну, железяках, которые повешаны на тех вон парнях. Вместо кольчужных колец.

– Это, сынок, доспехи нового образца. Скоро у всех солдат будут такие.

Парнезий приподнял голову, покоившуюся на столе, и меланхолически пробубнил:

– Пластинчатые доспехи – мечта каждого легионера. Надеваешь их на... я имею в виду, на себя, и ты в полном дерьме!

– Не обращай на него внимания, – прошептал Макрон Катону.

– Он у нас, чтоб ты знал, интендант.

– Я так и понял.

– Эй! Парни! – крикнул Макрон через зал. – Кто-нибудь... подойдите-ка к нам. Нашему опциону охота полюбоваться, что вы там на себя нацепили.

Легионеры переглянулись. Тон приглашения, по их мнению, был грубоват. Наконец один солдат недовольно ответил:

– Нечего тут командовать. Кабак не казарма, а мы сейчас не на службе.

– О, вот те раз, ни с того ни с сего пошла вонь! А ну оторвали от лавок свои ленивые задницы и живо сюда! Я к кому обращаюсь?

Легионеры, один за другим, неохотно поднялись со своих мест и подошли к оживившимся командирам. Мысль устроить маленький смотр явно взбодрила уже осовевших от выпитого вояк.

– Как все это носится? – спросил Макрон, выбираясь из-за стола и скептически озирая необычное снаряжение.

– Неплохо, командир, – ответил легионер, который первым подчинился приказу. – Эти доспехи легче кольчужных. И попрочней, ведь пластины сплошные.

– А с виду полное барахло. Двигаться эта хрень не мешает?

– Панцирь гибкий, командир. Приспосабливается к движениям.

– Да ну?

Макрон подергал одну из пластин, потом зашел со спины, задрал плащ.

– Крепится с помощью этих пряжек, как я понимаю?

– Так и есть, командир.

– А легко ли их одевать?

– Ничего сложного, командир.

– Они дорогие?

– Дешевле кольчужных.

– А как же так вышло, что вы, пареньки из Двадцатого, получили их первыми? Вроде бы в настоящие битвы-то вас еще не совали.

Центурионы засмеялись, тогда как легионер покраснел от обиды.

– Не могу знать, командир. Я всего лишь солдат.

– Перестань называть его командиром, – прошипел самый рослый из рядовых. – Сейчас это вовсе не обязательно.

– Но он ведь и впрямь командир.

– Да, но не твой. И ты не в строю. Мы сейчас не на службе, и центурионы других легионов нам не указ.

– Ты! – Макрон ткнул ершистого малого пальцем в грудь. – Заткнись! Будешь говорить, когда тебя спросят. Понятно?

– Мне все понятно, – хмурясь, ответил солдат, – но подчиняться тебе я не стану.

– Еще как, на хрен, станешь! – взревел Макрон и ткнул строптивца кулаком в солнечное сплетение.

Он тут же выругался, ощутив острую боль, ибо кулак угодил в стальную пластину. Правда, это не помешало центуриону другой рукой захватить болтуну в зубы. Ошеломленный солдат повалился на своих товарищей, а Макрон – на него, увлекаемый силой удара.

– Ладно, парни! – со смехом выкрикнул он. – Раз уж мы все не на службе и не в строю, то предлагаю хорошую, честную драку. Намнем друг другу бока без чинов, а?

Все офицеры, кроме Катона, мигом повскакивали со своих мест и бросились на опешивших легионеров. Однако замешательство молодцов из Двадцатого длилось недолго, и, как только на них обрушились первые удары, они, стряхнув с себя хмель, начали отбиваться. Заведение моментально наполнилось грохотом, криками, бранью. Трактирщик поспешил вывести в заднюю дверь своих шлюх.

– Катон! – орал Макрон, сцепившись с рослым легионером. – Помогай!

Поднявшись с лавки и расставив пошире нетвердо державшие его ноги, Катон размахнулся, целя кулаком в ближайшую из солдатских насупленных физиономий, потом ударил что было сил, но промазал и, угодив в стену, сильно ушиб костяшки пальцев. Следующий удар, правда, задел-таки челюсть противника, но отозвался в ушибленной руке болью. Долей мгновения позже Катон заметил чей-то кулак, подлетающий уже к его собственному лицу, и во второй раз в эту ночь окружающий мир сделался для него белым. Охнув, юноша пал на колени и затряс головой, пытаясь прояснить зрение. Когда оно вернулось, молодой опцион увидел над собой дюжего молодца с высоко вскинутым табуретом и, инстинктивно подавшись вперед, боднул противника головой в пах. Легионер взвыл, выронил табурет и сложился вдвое, схватившись руками за низ живота.

– Хорошая работа, сынок! – крикнул Макрон.

От полученного удара и излишка выпитого вина голова юноши непрерывно кружилась. Он попытался встать на ноги, но потерпел плачевную неудачу, однако сквозь гвалт и треск мебели ухитрился расслышать отдаленный топот.

– Провосты! – крикнул кто-то. – Сматываемся, пока нас не схватили!

Драка вмиг прекратилась, и римляне всей толпой устремились к заднему выходу из заведения, в то время как в главную дверь уже вваливались патрульные – в черных плащах и грозно позвякивающих доспехах. Макрон подхватил Катона и вытащил во двор, через который торопливо бежали участники потасовки. Опцион, плохо соображая, что происходит, перевалился вслед за Макроном, решившим, видимо, оторваться от основного скопления беглецов, через какой-то забор, и, шатаясь и ковыляя, устремился в путаный лабиринт переулков. Скоро звуки погони стихли, но тут юноша понял, что в пылу бегства потерял своего командира.

Он остановился и прислонился к какой-то стене, пробуя отдышаться. Мир вокруг него все вращался. Тело корежили рвотные спазмы, но из желудка не шло ничего, кроме желчи.

– Макрон! – жалобно простонал он. – Макрон!

Неподалеку слышались голоса, зазвенели доспехи.

– Дерьмо! Я пропал!

Неожиданно кто-то схватил его за руку и рывком втащил через дверь в темноту ближней лачуги. В следующее мгновение мощный удар под дых швырнул юношу на пол. Он сжался в комок, лоя открытым ртом воздух. Снаружи по снегу проскрипели шаги, и опять стало тихо.

– Прости, малыш, – сказал Макрон, помогая Катону подняться. – Мне надо было хоть как-то тебя заткнуть. Ничего плохого я не хотел. Ты в порядке?

– Н-нет! – задыхаясь, ответил Катон. – Меня мутит.

– Проблюешься потом, а сейчас есть занятие и получше. Иди-ка сюда.

Центурион буквально впихнул юношу в небольшую каморку, освещенную одной-единственной лампой. Две девицы, сидевшие на убогого вида постели, завидев Макрона, расплылись в улыбках.

– Катон, это Броанн и Денеб. Поздоровайся с ними.

– Привет, красавицы, – промямлил Катон. – Кто они? Ты их знаешь?

– Сказать по правде, не очень-то хорошо. Только что познакомился. Но так уж вышло, что сейчас эти девушки совершенно свободны. Броанн моя. А ты получаешь Денеб. Наслаждайся.

Макрон подошел к Броанн, чью профессиональную оболъстительную улыбку несколько портило отсутствие передних зубов. Подмигнув юноше, центурион скрылся с избранницей за потрепанной занавеской.

Опцион повернулся к Денеб. Лицо у той было столь густо размалевано, что ее возраст так бы и оставался загадкой, если бы морщинки, проступавшие в уголках рта, не позволяли с уверенностью предположить, что она по меньшей мере вдвое старше своего нынешнего клиента. Красавица взяла юношу за руки и потянула к себе. Когда колени Катона смяли тюфяк между ее призывно раздвинутыми ногами, Денеб расстегнула по всей длине свое шелковое одеяние, обнажив большие плоские груди с темно-коричневыми сосками и поросший редкими волосами лобок. Катон, замешкавшись, смущенно оглядел все это богатство. Денеб игриво поманила его пальчиком, но когда молодой римлянин склонился к пурпурным, щедро накрашенным чем-то липким губам, хмель наконец взял над ним верх – и он без чувств повалился пластом на распростертое женское тело.

Глава 4

«А он постарел и выглядит очень усталым», – подумал Веспасиан, наблюдая, как генерал Плавт прикладывает перстень-печатку к документам, которые один за другим подавал ему штабной писарь. Резкий запах горячего воска неприятно пощипывал ноздри, и легат чуть откинулся в кресле. В том, что командующий пригласил его к себе в столь поздний час глухой зимней ночью, не было ничего необычного. Если для других армий мира зима выливалась в томительное безделье, влекущее за собой неизбежное разложение, то римские легионы круглогодично поддерживались в постоянной боеготовности, львиную часть свободного времени посвящая учениям и тренировкам. Командиры даже на отдыхе строго следили за тем, чтобы их подчиненные не раздобрели к весне, дабы войска после распутицы могли незамедлительно приступить к возобновлению боевых операций.

Прошлый военный сезон завершился удачно. Легионы Плавта высадились на вражеском берегу, с боями форсировали Мидуэй и Тамесис и захватили Камулодунум, столицу катувеллаунов – народа, поднявшего многие местные племена на борьбу против вторгшихся в их страну римлян. Несмотря на несомненный военный талант Каратака – вождя, возглавившего эту борьбу, легионеры в двух жестоких сражениях нанесли бриттам сокрушительное поражение. Правда, победа была неполной, поскольку сам Каратак спасся, бежал и теперь собирал новое ополчение, намереваясь и дальше препятствовать притязаниям Рима установить в Британии свою власть.

Хотя, по римским понятиям, эта зима выдалась весьма суровой, Плавт постоянно посылал вглубь вражеской территории конные патрули с задачей вести наблюдение, уклоняясь от стычек. Тем не менее зачастую разведчики все-таки попадали в устроенные варварами ловушки. Спаслись, как правило, удавалось немногим, а порой целиком исчезал весь отряд. Не имея возможности восполнить эти потери, римская армия вскоре стала остро нуждаться в кавалеристах, но еще больше – в сведениях о планах и диспозиции Каратака, и потому опасные рейды продолжались.

Насколько удалось выяснить, разбитый, но несломленный вождь с остатками своих войск отступил к верховьям Тамесиса и обустроил там целую сеть небольших укреплений, откуда верхом и на колесницах бритты теперь накидывались на римлян, а потом уносились обратно. Это бы ничего, однако варвары ухитрились перехватить несколько римских обозов с припасами. Все ценное они забрали с собой и угнали животных, а сопровождающих безжалостно перебили. Более того, дикарям удалось захватить римский опорный пункт у переправы через Мидуэй и сжечь наведенный там завоевателями понтонный мост.

Впрочем, даже такие вылазки и набеги не могли, разумеется, всерьез подорвать боеспособность легионов вторжения или как-либо повлиять на размах предстоящей кампании, но зато они поднимали боевой дух бриттов, а Плавта это категорически не устраивало. Многие местные племена, еще прошлой осенью охотно вступившие с Римом в союз, теперь, в свете успешных действий неукротимого Каратака, заволновались, ибо там вскинули головы воины, недовольные опрометчивым слабодушием своих склонившихся перед захватчиками вождей. Не приходилось сомневаться в том, что Каратак уже полностью оправился от разгрома и что весной Плавту и его легионам будет противостоять свежая и уверенная в своей мощи армия бриттов.

Опыт прошлого года не прошел для Каратака даром, так как на практике ознакомил его и с сильными, и со слабыми сторонами римской манеры сражаться. Столкнувшись с железной стойкостью регулярного строя, он уже не бросал своих храбрецов на стену щитов, прорвать которую у них не было никаких шансов. Тактика «нападения и отскока», пришедшая на смену девизу «победить или умереть», указывала на то, что война принимает новый, весьма опас-

ный для римлян характер. Легионы были непобедимы, когда действовали как единое целое, но им явно недоставало способности разворотливо реагировать на многочисленные, не сокрушительные, но болезненные удары, стремительно наносившиеся со всех сторон, как и возможностей защитить свои растянувшиеся тыловые коммуникации. Бритты поумнели, не лезли на рожон и, встретившись с римлянами в чистом поле, тут же откатывались, чтобы громить их со спины или с флангов.

Веспасиан неустанно ломал голову, что можно противопоставить такой примитивной, но весьма действенной вражеской тактике, ведь использование боевой мощи легионов казалось ему в данном случае равнозначным попытке утопить пробку с помощью молотка.

Подумав об этом, легат невесело улыбнулся: увы, сравнение было слишком точным.

– Ну вот!

Командующий прижал печатку к последнему документу. Секретарь ловко убрал бумагу со стола и сунул под мышку – ко всем остальным.

– Приготовь почту к отсылке, не мешкая. Курьер должен сесть на борт первого утреннего корабля.

– Есть, генерал. Это все, генерал?

– Да. Как только депеши будут уложены, можешь отправить писцов отдыхать.

– Благодарю, генерал.

Канцелярист отсалютовал и торопливо вышел из помещения, пока командующий не передумал. Дверь закрылась. Плавт и легат Второго легиона остались одни.

– Вина? – предложил Плавт.

– Это было бы в самый раз, генерал.

Авл Плавт неуклюже поднялся с кресла и, позевывая, направился к столику, где на невысокой подставке над слабым огнем масляной площадки испускал душистый пар медный пузатый кувшинчик. Взявшись за деревянную ручку, генерал наполнил вином два серебряных кубка, вернулся, поставил один кубок перед легатом, а второй с довольной улыбкой обхватил ладонями, согревая озябшие пальцы.

– Мне кажется, Веспасиан, что я вряд ли когда-нибудь полюблю этот остров. Большую часть года тут сыро, под ногами то слякоть, то снег, лето короткое, зимы суровые. Климат неподходящий для цивилизованных людей. И хотя я солдат и походная жизнь мне по нраву, честно признаюсь, что сейчас предпочел бы посиживать дома.

– Нет места лучше родного дома, генерал, – с улыбкой отозвался Веспасиан.

– Я твердо решил, что эта кампания у меня будет последней, – заявил уже более серьезно Плавт. – Старею, знаешь ли, для такой службы, да и пора дать дорогу тем, кто моложе. А мне самое время уйти на покой, поселиться в имении близ Помпей и провести остаток дней, наслаждаясь видом на Капри.

Веспасиан сомневался, что император Клавдий согласится отправить на заслуженный отдых военачальника с таким большим опытом, но предпочел промолчать. Пусть старик ответит душу.

– Мирная жизнь манит всех, генерал.

– Мирная? – нахмурился Плавт. – Не уверен, что вообще знаю, что означает это понятие. Откровенно говоря, мне даже сомнительно, перенесу ли я выход в отставку. Есть подозрение, что мирная жизнь чем-то похожа на этот проклятый край. Сюда я тоже жаждал попасть, но, проторчав здесь пару месяцев, понял, что меня просто мутит от одного вида этих поганых болот. Мало того, еще и этот бешеный Каратак не дает мне покоя. А уж как я надеялся, что в последнем сражении мы разобьем его окончательно и навсегда.

Веспасиан кивнул. Все на это надеялись, только тщетно. Ту битву вообще чуть было не проиграли из-за неосмотрительного вмешательства императора в ее ход, а когда легионы собрались в кулак и в конечном счете разгромили туземцев, Каратак с горсткой приверженцев

улизнул с поля боя. Везде, в любой части света при таких обстоятельствах нормальные варвары признали бы свое поражение и запросили мира. Но не эти клятые бритты, почему-то вообразившие, что продолжать воевать и сложить в конце концов головы гораздо приятнее, чем, опираясь на благоразумие, прийти к соглашению с Римом. И самую лютую непримиримость к бескровному, вроде всех бы устроившему разрешению ситуации выказали даже не вожди дикарей и не размалеванные с головы до пят воины, а друиды.

Веспасиан вспомнил, как посетил пленных жрецов, захваченных в последнем сражении, и его опять передернуло от отвращения. Их было пятеро. Все в темных одеяниях, со скрученными из волос амулетами и странными прическами – в виде причудливых, схваченных птичьим пометом узлов. На лбу каждого красовался вытатуированный полумесяц. Когда легат подошел к деревянной решетке, за которой их содержали, ему в нос ударило непередаваемое зловоние. Один друид стоял поодаль от остальных. Это был высокий, худой старик с изможденным лицом, длинной белой бородой и поразительно густыми, угольно-черными бровями, под которыми поблескивали глубоко посаженные черные же глаза. Скрестив руки и слегка расставив ноги, жрец молчал, мрачно глядя на римлянина. Какое-то время Веспасиан с удовлетворением смотрел на него, потом принялся наблюдать за другими, приглушенно и хмуро переговаривавшимися друидами, а когда его взор опять вернулся к старцу, тонкие губы того вдруг раздвинулись, обнажив острые, словно бы чем-то специально заточенные, желтые зубы. Сухой хриплый смешок мигом оборвал разговоры. Остальные жрецы воззрились на римлянина и тоже насмешливо захохотали. Веспасиан пожал плечами, повернулся и удалился.

Все эти бритты глупы и наивны, решил он еще тогда, когда после поражения Каратака к Клавдию потянулась чередой не принимавших участия в битве вождей, чтобы заверить римского императора в своих добрых намерениях. Высокомерные, невежественные, бездумно потакающие своим низменным желанием корыстолюбцы, похоже, считали себя невесть какими умниками и хитрецами, но уже издалека было видно, что все их дружеские улыбки лживы, а слова пусты. Глядя на них, легат понял одно: прежде чем этот остров будет покорен окончательно, прольется немало крови. И дикарской, и, что еще печальнее, римской. Затяжная кампания унесет много жизней, причем впустую, зазря. Ибо, как всегда, войны затевают одни, а страдают другие, и в первую очередь земледельцы, которым, как полагал Веспасиан, нет особого дела – сметет Рим племенную военную знать, заменив ее своими ставленниками, или нет. Труднейкам полей важно, чтобы собранный урожай дал им возможность продержаться хоть зиму: вот предел крестьянских желаний, но чем ожесточеннее их вожди станут сопротивляться империи, тем трудней будет сельскому оголодавшему люду добиваться осуществления своей скромной мечты.

Веспасиан сам происходил из лишь недавно обретшего положение рода, а потому он с сочувствием относился к нуждам простонародья, о которых сильные мира сего зачастую даже и не задумывались. Правда, лично ему эта «тяга к низам» порой казалась изъясном, свидетельствующим о его недостаточной родовитости. Втайне легат завидовал неколебимой убежденности римских аристократов в собственном превосходстве над теми из окружающих, кто не имел счастья принадлежать к их числу.

Другое дело, что эта убежденность едва не погубила императора Клавдия, а заодно с ним и римскую армию. Вместо того чтобы отдать должное степени воинской одаренности Каратака или хотя бы принять ее во внимание, себялюбивый монарх отнесся к проницательному и дальновидному вождю бриттов как к неотесанному мужлану, конечно же не способному овладеть даже простейшими принципами ведения современного боя. Столь чудовищная недооценка противника чуть было не оказалась фатальной. Будь войска Каратака чуть более управляемыми, в Риме сейчас правил бы другой император. На миг Веспасиану подумалось, что без кичливых аристократов мир, возможно, зажил бы лучше, но он мигом отмел эту идею как слишком уж фантастическую.

Проиграв, но крепко усвоив, насколько бесполезны лобовые атаки необученных воинских масс, и убедившись в несокрушимости сплоченных, дисциплинированных легионов, Каратак разделил свое войско на маленькие летучие отряды, получившие приказ тревожить врага где только можно, нанося ему ощутимый урон и в то же время избегая потерь. Действуя так, он надеялся вымотать римлян, внушить им, что туманный и сырой остров не стоит таких больших жертв. Зачем все эти потери, расходы, когда много проще отказаться от них, отозвав войска в солнечную и куда более плодоносную Галлию? Неплохой план, однако Каратак не учел, что воля Рима непреклонна, а римские легионы двужильны. Плевать, сколько времени уйдет на завоевание, плевать, сколько жизней оно унесет. Британия войдет в состав Римской империи, потому что таков приказ императора. Таков ход вещей. Пока правит Клавдий.

Плавт снова наполнил свой кубок и устался на вино, от которого шел пряный пар.

– Да, с Каратаком нам все равно придется иметь дело: весь вопрос – как? Войско он набрал себе больше прежнего, но уже ясно, что к открытой битве его не принудить. С другой стороны, двинуться вглубь острова, оставив этого хищного зверя в тылу, нам нельзя: он нас вымотает и обескровит. С Каратаком необходимо покончить еще до того, как мы начнем обустройство провинции. Это наша первейшая задача.

Плавт поднял глаза, и Веспасиан согласно кивнул.

Генерал потянулся к лежавшему сбоку рулону пергамента и бережно развернул его. Это была карта, пестревшая множеством добавлений и исправлений, видимо сделанных на основе сведений, добытых кавалерийскими патрулями. Разведка во все эти зимние дни явно не даром ела свой хлеб. Четкость и подробность пометок восхитили Веспасиана, о чем он не преминул сказать вслух.

– Хорошая работа, правда? – отозвался с довольной улыбкой командующий. – Для тебя и других легатов готовятся копии. Ну и конечно, я рассчитываю, что ты столь же прилежно будешь вносить уточнения в свой экземпляр, незамедлительно информируя мои службы обо всех существенных переменах на местности, по которой тебе придется передвигаться.

– Да, генерал, – ответил Веспасиан, прежде чем уяснил подоплеку напутствия. – Я так понимаю, что после переправы через Тамесис Второму предстоит действовать самостоятельно, независимо от остальных войск?

– Вот именно. Поэтому я и хочу, чтобы твой легион выступил как можно скорее.

– Каковы будут приказы?

Плавт опять улыбнулся:

– Я был уверен, что ты обрадуешься возможности показать мне, на что способен твой легион. И рад видеть, что не ошибся. Смотри. – Он ткнул пальцем в точку, нанесенную на пергамент южнее нечетко прорисованного речного русла. – Это Каллева. Там тебе предстоит базироваться до весны. Я передам под твою руку некоторые корабли из морской флотилии, они поступят в твое распоряжение с началом регулярного судоходства. С их помощью ты обеспечишь себе бесперебойное снабжение и очистишь от противника реку. В то время как ты примешься отсекай Каратака от южных территорий Британии, я начну оттеснять его от Тамесиса на север. К концу года мы должны будем совместным напором продвинуть фронт к линии, соединяющей западную часть острова с топиями Икени. С этой целью я поведу Четырнадцатый, Девятый и Двадцатый легионы в области, что лежат севернее Тамесиса. Большая часть варваров, тревожащих нас сейчас набегами, обитает именно там. Тем временем ты со Вторым двинешься вверх по реке, закрепляясь у всех мостов или бродов, какие тебе попадутся. Вам придется вторгнуться во владения дуротригов, но тут уж ничего не поделаешь. Судя по донесениям разведки, в холмах у них создана целая сеть укреплений, и твоя задача – захватить главные из этих крепостей, причем захватить быстро. Как думаешь, справишься?

Веспасиан призадумался:

– Должен справиться, если у меня будет достаточно метательных механизмов. Больше, чем есть сейчас.

– Ну вот. То же самое твердят все мои легаты, – усмехнулся Плавт.

– Может быть, командир. Но если ты хочешь, чтобы я взял какие-то крепости, да еще и удерживал переправы, без машин мне не обойтись.

– Хорошо, – кивнул Плавт. – Твоя просьба принята к сведению. Я посмотрю, что можно сделать. А сейчас вернемся к плану. Цель наша заключается в том, чтобы шаг за шагом лишить Каратака всех опорных пунктов. Потеряв возможность грабить наши обозы и своевольничать на территориях, которые мы уже заняли, он неминуемо скиснет. Ему останется или сразиться с нами, или капитулировать. Есть вопросы?

Веспасиан обвел взглядом карту, мысленно проецируя на нее схему перемещения войск. Стратегически план командующего выглядел вроде бы безупречно, хотя перспектива разделения армии беспокоила, поскольку точными разведанными относительно истинной численности заново сформированного дикарского ополчения Плавт не располагал. Кто мог гарантировать, что вождь бриттов не вернется к прежней тактике и не попытается уничтожить изолированный легион, используя свое численное превосходство. Чтобы помешать Каратаку перебраться через Тамесис, требовалось блокировать реку во многих местах. Как ни крути, а на долю Второго выпадала нелегкая роль.

Веспасиан поднял голову:

– Почему мы, генерал? Почему Второй?

Авл Плавт помолчал, потом пожал плечами:

– Вообще-то, легат, я не обязан вдаваться в какие-то объяснения. Скажу тебе так: у меня есть резоны. Этого должно быть достаточно.

– Так точно, генерал.

– Или ты предпочел бы, чтобы их привел я?

Веспасиан промолчал и лишь поджал губы. Солдату неподобающе проявлять любопытство, но это не значит, что у него его нет.

– Вот и прекрасно. Ну что ж, легат, письменный приказ будет доставлен тебе завтра утром. Надеюсь, если денек задастся, ты не промешкаешь с выступлением.

– Так точно, генерал.

– Хорошо. Что ж, давай-ка добьем наш кувшинчик.

Плавт наполнил оба кубка вином и, подняв свой, с некоторой высокопарностью произнес:

– За скорое окончание этой кампании и заслуженный отдых в Риме!

Вино было горячим. Они потягивали его маленькими глотками. Генерал, глядя на своего хмурого подчиненного, ухмыльнулся:

– Думаю, тебе не терпится повидаться с женой.

– Жду не дождусь, – тихо ответил Веспасиан.

Как и всегда, упоминание о жене отозвалось в нем щемящей тоской, и он поспешил сменить тему:

– Полагаю, генерал, что тебе тоже хочется обнять своих близких.

– О! Тут у меня есть перед тобой преимущество.

Глаза Плавта лукаво блеснули.

– Генерал?

– Мне нет нужды возвращаться в Рим, чтобы свидеться с ними. Они в пути и вот-вот придут сюда. Говоря честно, их появления можно теперь ожидать со дня на день.

Глава 5

Когда Второй легион маршем выступил из ворот, землю вокруг огромного лагеря сплошь покрывал иней. Все то море глинистой жижи, что простиралось за пределами насыпных валов, заморозок превратил в смерзшуюся, твердую, как камень, массу. Облитые ледяной коркой пни срубленных прошлым летом деревьев приятно поблескивали, обступая дорогу, ведущую на запад, к далекому Тамесису. В спины легионерам, бодро шагавшим под куполом ярко-синего зимнего неба, били рассветные солнечные лучи.

Воздух был настолько холодным, что по первости вызывал раздражение в горле. Многие, привыкая, покашливали. Когда идешь при оружии и с полной выкладкой, поневоле дышится глубоко. Под солдатскими сапогами хрустел и потрескивал тонкий ледок, на котором легко было поскользнуться, но оступившихся, особенно новичков, поддерживали товарищи, и никто не сбивался с ноги. Далеко впереди скакали конные разведчики – их лошади вскидывали копытами фонтанчики блестящего снега. Взбодренные свежим морозным воздухом, застоявшиеся в конюшнях, они всхрапывали и грызли удила, норовя перейти с рысцы на галоп. Длинную колонну людей и животных на всем ее протяжении сопровождали клубы выдыхаемого пара и чуть опережали косо падавшие на снег тени.

Катон откровенно радовался жизни. После долгих месяцев однообразной лагерной жизни с ее отупляющей муштрой, томительными дежурствами и редкими увольнениями предстоящий поход казался ему освобождением из унылой тюрьмы.

Он обводил взглядом окрестности, любуясь строгой суровой красой британской зимней природы. Плечи его плотно окутывал плащ, руки защищали вязаные перчатки, а равномерный ритм марша скоро прогнал ощущение зябкости. Даже ноги, с утра поднывавшие, разошлись и после первой пройденной мили больше не беспокоили оптиона. Приподнятое настроение юноши несколько умалял лишь хмурый вид его непосредственного командира, который шагал рядом с ним во главе Шестой центурии Четвертой когорты. Никогда не придававший особого значения красоте окружающего ландшафта, Макрон уже тосковал по оставляемым за спиной кабакам и веселым домам Камулодунума.

Это чувство было, если так можно выразиться, взаимным. Содержатели всех этих заведений тоже сейчас пребывали в немалом унынии, ведь город покидала добрая четверть щедрых и неприхотливых любителей поразвлечься. Это и само по себе удручало, но к тому же предвещало совсем уж плачевный финал. Раз армия зашевелилась, не приходилось сомневаться, что по прошествии какого-то времени снимутся с места и прочие легионы, а значит, вслед за ними придется двигаться и тем, кто кормился или набивал кошельки за их счет. Однако мрачность Макрона подпитывалась не одной лишь горечью расставания с привычными удовольствиями. Главной причиной его опечаленности была размолвка с Боадикой.

После той ночи, когда две молодые икенки натянули своему провожатому нос, родичи девушек твердо решили не давать им больше воли, так что встретиться снова Боадике с Макроном довелось только раз. Они торопливо обнялись в глубине армейской конюшни под равнодушными взглядами лошадей и мулов, жующих корм. Макрон попытался извлечь из этого свидания максимум, что, видимо, показалось чрезмерным красотке, которая, едва он успел распалиться, вывернулась из страстных объятий и наградила незадачливого совратителя оплеухой.

– Что такое? – удивился Макрон.

– За кого ты меня принимаешь? – вспыхнула в свою очередь девушка. – Я не какая-то там дешевая шлюха!

– В жизни не считал тебя шлюхой. Мне просто хотелось получить от нашей встречи побольше. И думал, ты тоже не против.

– Не против чего? Что это за намек?

Макрон пожал плечами:

– Ну, знаешь, как умею, так и намекаю. По-другому у меня не выходит.

– Понятно.

Боадика издевательски хмыкнула, и Макрон обиженно отодвинулся. Девушка вмиг смягчилась, потянулась и погладила его по щеке:

– Прости, Макрон. Просто мне как-то неловко заниматься всем этим на виду у животных. По-моему, это все равно что на людях. Пойми, я не возражаю, но мне представлялась более подходящая обстановка.

– А по моему разумению, хлев да конюшня – самое место для таких дел, – буркнул Макрон.

На том неожиданно все и закончилось. Боадика привела в порядок одежду и, бросив на Макрона испепеляющий взгляд, выбежала из сарая, а он, сердясь, что с ним так обошлись, не стал ее догонять, о чем теперь сожалел, да ведь сделанного не воротить.

Прежде чем Камулудунум, когда дорога стала спускаться по дальнему склону холма, скрылся из виду, Макрон сокрушенно оглянулся. Боадика была где-то там, под одной из покрытых снегом соломенных крыш, над которыми расплзалось облако грязноватого дыма. Эта взбалмошная туземка глубоко запала в его сердце, и как он ни гнал мысли о ней прочь, у него ничегошеньки не получалось.

Стараясь отвлечься, он отвернулся от города, перевел глаза на центурию и, поймав взглядом лицо своего оптиона, проворчал:

– Эй, какого хрена ты там ухмыляешься?

– Я? Ухмыляюсь? Никак нет, командир!

Легионеры Второго ломали головы, пытаясь понять, что за задача поставлена перед ними и куда их ведут. Некоторые даже предполагали, что теперь, когда Каратак основательно потеснен и побит, их легион и вовсе вывезут с острова, однако у ветеранов такие догадки вызвали пренебрежительный смех. Мелкие, но многочисленные набеги, которыми бритты досаждали завоевателям, явственно говорили, что до полного завершения боевых действий еще ой как далеко. Опытные бойцы хорошо понимали, что впереди нелегкая, изматывающая война против коварного изворотливого врага, прекрасно знающего местность, а значит, способного появляться внезапно, нападать из засад, безжалостно крушить римлян и, нанеся им урон, столь же стремительно исчезать. Варвары могли налететь в любой момент, откуда угодно, и старослужащим было ясно, что очень многим из посланного в Британию войскового формирования не суждено вернуться домой. Они будут гибнуть, даже не успев сообразить, что с ними случилось, не заметив вылетевшей из перелеска стрелы, брошенного с утеса копья или выскользнувшего из темноты дикаря, вооруженного длинным кинжалом. Противник в этой кампании станет тенью, бесшумно следующей за громоздкой армией римлян. Он никогда не примет боя, но и не даст забыть о себе. Такого рода войну вести гораздо трудней, чем традиционную, состоящую из маневров и битв, она требует особой стойкости, выносливости, дисциплины. Закаленным римским легионерам всех этих качеств было, конечно, не занимать, однако перспектива в течение нескольких лет гоняться за неуловимыми призраками по туманным пустошам и болотам Британии никого из них не вдохновляла.

Холодная мартовская погода простояла еще пару дней, но, по крайней мере, небо осталось безоблачным. Поскольку поблизости могли рыскать варварские отряды, в конце каждого перехода Веспасиан настаивал на сооружении походного лагеря, для чего требовалось выкопать внешний ров в семь локтей глубиной и насыпать земляной вал, обегавший кольцом всю территорию, где размещались и легион, и обоз. После долгого марша и без того уставшим солдатам приходилось долбить мерзлую землю, и лишь по завершении нелегких работ люди

выстраивались в очередь за порцией жидкой ячменной каши с кусочками солонины. Наполнив желудки и прогрев руки-ноги у бивачных костров, солдаты заползали в шалаши из козьих шкур и сворачивались клубком, накрываясь всем, что имелось под боком.

С бледно-голубыми проблесками рассвета их будили крики дежурных и встречал белый от снега мир, перечерченный отсветами заиндевевших крепежных веревок. Зябко ежась, солдаты принимались разбирать шалаши и готовиться к новому переходу.

На третий день погода смягчилась и толстый снежный покров начал подтаивать. Легионеры обрадовались теплу, но талая вода очень скоро превратила дорогу в сплошное слякотное болото, где увязали и колеса подвод, и сапоги пехотинцев. На четвертый день не без облегчения солдаты спустились по пологому склону к Тамесис и увидели крепостные валы огромной армейской базы, сооруженной еще прошлым летом, когда легионы впервые форсировали эту могучую реку. Теперь базу охраняли четыре набранные в Батавии вспомогательные когорты. Пешие батавы несли гарнизонную службу, конные патрулировали долину, выискивая и преследуя лазутчиков Каратака. На базе горами скапливались припасы, сгружавшиеся в Рутупии с кораблей, прибывавших из Галлии всякий раз, когда позволяла погода. Из Рутупия уже мелкими баржами продовольствие поднимали вверх по Тамесис к складам, расположенным на обоих ее берегах. Последним звеном в цепи снабжения были маленькие вереницы подвод, обеспечивавших под надежной охраной подвоз провианта к целой сети фортов, где тоже размещались небольшие отряды батавов.

Сеть этих укреплений была возведена Плавтом, чтобы держать Каратака на расстоянии, но затея оказалась пустой. Вражеские разъезды под покровом ночи легко просачивались между фортами, перехватывая обозы с припасами и разоряя поселения тех племен, что не решились противиться Риму. Время от времени варвары даже отваживались атаковать удаленные аванпосты, что, если нападение не удавалось отбить, приводило к гибели маленького гарнизона. Не проходило дня, чтобы на фоне ясного зимнего неба не расплывалось облако дыма, недвусмысленно сообщавшее всей округе об очередном налете дикарей на обоз, местную деревушку или римскую сторожевую заставу.

Командиры вспомогательных войск, которым было поручено охранять не только базу, но и прилегающие к ней земли, с бессильным отчаянием взирали на пятнавшие небосклон свидетельства полнейшей своей неспособности окоротить разбойников Каратака. А ударная мощь регулярной армии могла быть обрушена на врага лишь весной с приходом хорошей погоды.

Прибытие Второго легиона к Тамесису освободило в тот вечер его бойцов от утомительной землекопной работы. Однако радовались они рано: уже новым утром легат отдал приказ переправиться по постоянно действующему мосту на южный берег реки. Только тогда те из солдат, что были способны мыслить стратегическими категориями, начали понемногу догадываться, какие задачи им предстоит разрешать в ходе будущего наступления. Перейдя реку, легион взял курс на запад и еще два дня следовал вдоль Тамесиса по дороге, выстеленной бревнами и вязанками прутьев. Потом дорога повернула на юг, а во второй половине следующего дня марша колонна приблизилась к гряде холмов, от которой с началом сезона Веспасиану было предписано выступить в самостоятельный рейд и вторгнуться во владения дуротригов.

Пока тыловой и артиллерийский обозы с трудом взбирались по глинистому склону, основные подразделения легиона поднялись к гребню господствующего холма, где им был отдан приказ окапываться и ставить палатки. Когда легионеры Шестой центурии взялись за лопаты, Макрон устремил взгляд на юг.

– Послушай, Катон! А там вон не городок ли?

Опцион послушно взгляделся в начинающую темноту даль.

В нескольких милях от них над чертой горизонта вздымались дымки. Возможно, они были всего лишь игрой света, но юноше показалось, что под ними угадываются смутные очертания довольно внушительного селения.

- Может быть, это Каллева, командир.
- Каллева? Ты что-нибудь знаешь об этой дыре?
- Да, говорил как-то в Камулодунуме с одним торговцем. Он с кем-то на паях держит здесь лавку. Поставляет местному люду вино и глиняную посуду. Сейчас мы находимся на земле атребатов, а Каллева – их главный город. И единственный, по словам того малого.
- А что он делал в Камулодунуме?
- Разнюхивал, нет ли ему резона открыть лавку и там. Как и все торгоши.
- А он сообщил тебе что-либо существенное о своих здешних друзьях?
- Существенное, командир?
- Ну да, типа того, как они относятся к нам, каковы в драке? Что-то из этого.
- Нет, ничего. Сказал только, что атребаты встретили и его, и всех прочих достаточно дружелюбно. А теперь, когда Плавт вернул их царьку Верике власть, Рим вообще в них может не сомневаться.

Макрон недоверчиво фыркнул:

- Поживем – увидим.

Глава 6

Весь следующий день был потрачен на укрепление лагеря и сооружение двух линий сторожевых застав. Северной, обращенной к Тамесису, и западной – для защиты от возможных вылазок дуротригов. Новым утром к расположению легиона со стороны Каллевы приблизился конный отряд. Дежурная когорта поднялась по тревоге на стены, поставленный в известность Веспасиан поспешил к смотровой башне, торопливо взобрался по лестнице и, отдуваясь, уставился вниз. Маленькая кавалькада небрежно рысила к воротам под двумя развевающимися знаменами: одно с британским змеем, другое с римскими инсигниями Двадцатого легиона.

Поскрипывание ступеней известило о прибытии старшего трибуна Гая Плиния, лишь недавно назначенного на этот пост взамен Люция Вителлия, который сейчас находился на пути к Риму и блестящей карьере как свежеиспеченный императорский фаворит.

– Кто это, командир?

– Наверное, Верика.

– А наши с ним зачем?

– В роли телохранителей. Командующий Плавт выделил когорту Двадцатого, чтобы придать Верике дополнительный вес. – Веспасиан улыбнулся. – На тот случай, если атребаты решат, что могут обойтись без возвращенного им правителя. Ну, пойдём посмотрим, чего они хотят.

Грубо вытесанные деревянные ворота распахнулись внутрь лагеря, открыв проезд, вдоль которого уже выстроилась наспех собранная для встречи центурия. Во главе колонны ехал рослый, седовласый мужчина. В былое время Верика имел очень внушительный вид, но возраст и годы изгнания превратили его в согбенного старца, устало сошедшего с коня, чтобы приветствовать Веспасиана.

– Добро пожаловать, вождь.

Веспасиан отсалютовал, и Плиний после некоторого замешательства последовал примеру своего командира, хотя и считал, что какой-то туземный царек вовсе не заслуживает такой чести.

Верика подошел к легату, и они с показной сердечностью обнялись, почти не касаясь друг друга.

– Рад тебя видеть, легат! Надеюсь, зима была благосклонна к тебе и твоим людям?

– По крайней мере, она с нами не покончила. А могла бы, – ответил Веспасиан, кивая на слякоть.

Верика рассмеялся, оценив шутку, и повернулся к сопровождавшим его всадникам:

– Центурион, будь добр, вели конвою спешиться. Потом, пожалуйста, присоединяйся к нам!

Римлянин, возвышавшийся рядом со знаменосцем, отсалютовал и отдал короткий приказ.

Веспасиан поглядел на своего трибуна:

– Плиний, позаботься, чтобы ребятам дали чего-нибудь согревающего.

– Будет исполнено, командир.

– Спасибо, легат, – с улыбкой промолвил Верика. – Я тоже бы с удовольствием промочил горло. Помнится, в нашу последнюю встречу ты угощал меня славным фалернским.

– Оно найдется для тебя и теперь, – ответил Веспасиан, заставив себя улыбнуться.

Выдержанного вина в его личном хранилище осталось очень немного, и делиться им с варваром ему совсем не хотелось, однако генерал Плавт настоятельно требовал от своих подчиненных всемерно поддерживать добрые отношения с островитянами, рискнувшими по разным соображениям вступить с Римом в союз. Успех или неудача вторжения во многом зависели

от правильного сосредоточения войск. Нельзя затевать масштабное наступление без уверенности в надежности туземного населения, остающегося у тебя за спиной. Вероломный удар с тылу и флангов губителен для любого маневра. Поэтому в армии Плавта всем и каждому, и особенно командирам, строго предписывалось обходиться с союзниками крайне любезно. В частности, попусту изводить восхитительное фалернское, накачивая им даже тех, кому в вине важна только крепость.

– Полагаю, ты знаешь Публия Поллия Альбина? – сказал Верика, махнув рукой в сторону направлявшегося к ним римлянина.

Тот отсалютовал легату и замер как каменный рядом с царьком.

– Центурион.

Веспасиан кивнул в знак приветствия и вновь повернулся к своему гостю:

– Альбин – знающий и очень опытный командир. Один из лучших. Думаю, он тебе очень полезен.

– Не могу возразить.

Веспасиан покосился на Альбина, но и после столь странного, скорей похожего на порицание, чем на похвалу, отзыва на лице того не дрогнул ни один мускул. Видно, не зря Плавт остановил свой выбор на нем: этот центурион помимо несомненных боевых качеств обладал также задатками дипломата.

– Как продвигается обучение твоих воинов?

– Неплохо.

Верика пожал плечами. Похоже, усилия Рима по укреплению возвращенного ему трона его не особенно волновали.

– Я слишком стар, чтобы совать во все нос. Но замечу, что центурион Альбин хорошо делает свою работу, а поскольку атребаты старательны и восприимчивы, то нет сомнений, что вскоре ему без лишних хлопот удастся сколотить из них гвардию, способную поддержать меня в трудный час. Не так ли, центурион?

– Не могу возразить, царь Верика.

Веспасиан бросил на шутника предостерегающий взгляд, но центурион продолжал невозмутимо смотреть прямо перед собой.

– Ну хорошо. Полагаю, в моем шатре всем нам будет удобней. Прошу, пройдемте со мной.

Усевшись возле бронзовой жаровни с уютно потрескивавшими в ней оранжевыми угольками, Веспасиан и два его гостя потягивали вино из серебряных кубков и наслаждались теплом. Жижя, стекавшая с их сапог, пятнала вязаные ковры, устилавшие пол, и легат мысленно выбрался. С этой необходимостью быть гостеприимным того и гляди разведешь в доме грязь.

– Как поживает генерал Плавт? – спросил Верика, передвигаясь поближе к жаровне.

– С ним все в порядке. Он шлет тебе самые добрые пожелания и надеется, что ты тоже здоров.

– О, я уверен в искренности его пожеланий! – произнес Верика со смешком. – Если я вдруг возьму да помру, какой от меня будет прок? Кто тогда придет мне на смену? Атребаты не лили слез, когда Каратак прогнал меня прочь, и вряд ли сильно обрадовались, когда я вернулся на кончиках римских копий. Новый царь, чтобы заручиться поддержкой народа, будет искать расположения Каратака, а не вашего императора Клавдия.

– А сознают ли атребаты, какими последствиями чревато воцарение ставленника такого ужасного человека?

– Они сознают, что мой трон принадлежит мне лишь потому, что так решил ваш император, – последовал спокойный ответ.

Однако Веспасиану все-таки показалось, что он уловил в тоне старика нотку горечи, и, будь вождь помоложе, это могло бы внушить легату некоторые опасения. Но в старости амби-

ции утихают, и, каким бы честолюбивым ни был Верика в юности, нынче его, надо думать, более всего манит покой.

Британский царек глотнул вина и продолжил:

– Мир между Римом и атребатами останется нерушимым, пока центурион Альбин со своими людьми находится здесь и обеспечивает соблюдение императорского указа. Но, учитывая, что Каратак снова в силе, что он свободно проشمывает мимо ваших застав и, обходя ваши хваленые легионы, карает те племена, чьи вожди приняли сторону Рима, тебе должно быть понятно, почему некоторым из моих добрых подданных начинает казаться, что могущество римлян не безгранично.

– Конечно, мне это понятно. Но в твоей власти внушить им другое: в конечном счете легионы сокрушат Каратака. Иной исход просто невыносим. Можешь даже не сомневаться: все будет именно так.

– Неужели? – Верика поднял брови и насмешливо покачал головой. – В нашей жизни ни в чем нельзя быть уверенным. Совершенно ни в чем. И может быть, меньше всего в поражении Каратака.

– Он будет разбит, и достаточно скоро.

– Тогда позаботься об этом, иначе я не смогу держать в руках свой народ. Люди и так волнуются, а тут еще их баламутят друиды...

– Друиды?

Верика мрачно кивнул:

– В последнее время участились набеги на дальние маленькие деревушки. Дело вроде обычное, дуротриги не дураки поживиться, но, судя по донесениям, некоторые налеты отличались от прочих. Все говорило, что дуротриги тут ни при чем. Нападавшие не довольствовались одним грабежом, верней, они им даже не занимались. Деревни попросту уничтожались. С припасами, с жителями, со скотом. Все постройки выжигались дотла, вплоть до самых убогих. Но самое худшее, легат, было не в том.

Верика умолк, чтобы приложиться к вину, и Веспасиан заметил, как дрожит рука старца. Опустошив кубок единым духом, вождь знаком попросил вновь наполнить его и кивнул лишь тогда, когда кубок наполнился до краев.

– Лучше ты сам рассказывай, Альбин. В конце концов, ты был там, а не я. Говори, что ты видел.

– Слушаюсь, царь Верика.

Веспасиан переключил внимание на центуриона. Судя по загорелому обветренному лицу и поджарому мускулистому торсу, Альбин был закаленным, прошедшим через многое воином, которого нелегко потрясти. Заговорил он четко, бесстрастно, словно бы рапортуя:

– После того как весть о первых таких налетах долетела до Каллевы, царь Верика велел мне выяснить, что происходит, и, прихватив с собой одну центурию, я отправился в путь.

– Только одну центурию? – удивился Веспасиан. – По-моему, это не та степень осмотрительности, которая окрыляет и обнадеживает солдата.

– Так точно, командир, не та. Но командованием мне было поручено в первую очередь охранять царя Верика, и я решил оставить большую часть людей с ним, – ответил Альбин, легким наклоном головы указывая на старика, уже, похоже, от всего отрешившегося и занимающегося одним лишь фалернским.

– Может, ты и прав. Продолжай.

– Да, командир. На третий день марша мы отыскали одну из таких деревушек и, вступив в нее – разумеется, после всесторонней разведки, – обнаружили именно то, о чем говорил сейчас царь. Все было выжжено, живых не осталось. Как и мертвых. Мы нашли только около полудюжины мужских тел.

– Должно быть, остальных захватили в плен.

– Так подумал и я, командир. На земле лежал снег, и мы по следам без труда поняли, куда нам идти.

Альбин умолк и в упор посмотрел на легата:

– У меня не было намерения неосмотрительно ввязываться в схватку. Хотелось только выяснить, кто эти разбойники и откуда явились, а потом доложить.

– Это разумно.

– Мы шли по следам еще целый день и перед самыми сумерками заметили дымок, поднимающийся над ближним гребнем. Я подумал, что, может быть, там опять грабят какую-нибудь деревню. Мы потихоньку поднялись по склону холма, потом я велел своим людям остановиться, а сам скрытно направился дальше. Поначалу мне были слышны пронзительные крики женщин и детей, затем вспыхнуло пламя. Невдалеке, сразу за седловиной. Сумерки все сгущались, и я смог подобраться достаточно близко, чтобы видеть, что там происходит.

Альбин умолк, видимо подбирая слова. Не сумев самостоятельно справиться с затруднением, он вопросительно посмотрел на царя, но тот ничем не помог ему. Отставив в сторону пустой кубок, Верика сам с боязливым болезненным любопытством взирал на центуриона, как будто не знал, что тот должен сказать.

– Давай не тяни, приятель, выкладывай! – приказал Веспасиан, не терпевший излишнего нагнетания драматизма.

– Слушаюсь, командир. Друиды соорудили из прутьев и веток огромное плетеное чучело человека. Внутри оно было полым, и они набили эту клетку женщинами и детьми. Когда я сообразил, что творится, чучело уже всюду поыхало. Многие погибли сразу, но кто-то еще визжал. Правда, недолго...

Римлянин поджал губы и на момент опустил глаза.

– Друиды наблюдали за этим какое-то время, а потом сели на лошадей и ускакали в ночь. Все они были в черном, как тени. Поделаться уже ничего было нельзя, поэтому я вернулся к моим людям и мы направились напрямиком в Каллеву.

– Эти друиды. Они, говоришь, были в черном?

– Так точно, командир.

– А имелись на них какие-нибудь знаки отличия?

– Надвигалась ночь, командир.

– Но свет костра позволял рассмотреть их?

– Да, командир. Но я...

– Ладно, оставим.

Веспасиан понимал Альбина, но все равно досадовал на его невольную невнимательность. Как ни крути, а центурион оплошал. Дав волю чувствам, он проморгал очень важные вещи. Легат повернулся к Верике:

– Я читал о человеческих жертвоприношениях, которые совершают друиды, но нигде не упоминается о столь диких масштабах. Видимо, им стало мало традиционных убийств. Может быть, они таким жутким образом дают местным племенам знать, что будет с теми, кто заключит союз с Римом?

– Может быть. – Верика кивнул. – Почти все друиды держат сторону Каратака. А теперь, видимо, его первенство признает даже дом Темной Луны.

– Темной Луны?

Веспасиан нахмурился, что-то припоминая, и тренированная память его безошибочно выхватила из недр своих образ. Камулунум, узилище, пленники.

– У этих друидов темный полумесяц на лбу, верно? Вроде татуировки.

– Ты слышал о них?

Верика удивленно вытаращил глаза.

– Нет, но я с ними виделся, – улыбнулся Веспасиан. – С теми, что ныне находятся на попечении Плавта. В Камулодунуме. Кстати, мне только сейчас пришло в голову, что это чуть ли не единственные друиды, которых нам за все время кампании удалось взять живьем. Все остальные обыкновенно кончали с собой, предпочитая смерть плену. В этом есть что-то странное.

– Ничего, равным счетом ничего. Вы, римляне, почему-то не жалуете друидов, хотя терпимы ко всем прочим жрецам.

– Такова политика императора, – раздраженно ответил Веспасиан. – Но если все остальные друиды столь шепетильны, что погибают, но не сдаются, то почему жрецы Темной Луны сочли за лучшее попасть в наши руки?

– Дом Темной Луны – каста избранных. Им не позволено лишать себя жизни. Они – слуги Круака, несущего ночь. Со временем, как гласит легенда, Круак восстанет, разобьет день на тысячу кусков и будет вечно править миром ночи и тени.

– Звучит зловеще, – заметил Веспасиан. – Честно скажу, мне не хотелось бы встретиться с этим Круаком. А ты что скажешь, центурион?

– Я видел его слуг, командир. Они просто ужасны. Кажется, что у них одна цель – сеять страх.

– Я тоже склонен так думать. Но если это действительно так, то почему жители острова мирятся с ними? Что им мешает прогнать таких злобных жрецов?

– Страх, – тут же ответил Верика. – Если Круак когда-нибудь явится, нынешние людские страдания обернутся ничем в сравнении с вечными муками тех, кто дерзал противиться его посланцам.

– Понятно. И как ты относишься ко всему этому, царь?

– Я верю в то, во что должен верить, по мнению моих подданных, и возношу молитвы Круаку, как и другим божествам, поскольку это считается необходимым. Но служители бога, несущего ночь, – другое дело. Раз они выжигают деревни и губят людей, я имею полное право объявить их ложными жрецами, извращающими смысл высших предначертаний. Не думаю, чтобы многие атребаты вдруг возроптали, узнав о гонениях, каким подверглась эта ужасная секта. И уж тем более никто не упрекнет меня в превышении власти, если искоренением зла займется Рим, как неуклонный поборник справедливости и порядка.

Верика опустил глаза, посмотрел на пышущие жаром угли.

– А поскольку Рим не очень-то боится Круака, я смею надеяться, что он займется этим в ближайшие дни.

– У меня нет конкретных распоряжений относительно друидов, – возразил Веспасиан. – Однако командующий ясно дал мне понять, что к началу весенней кампании твоим владениям должна быть обеспечена полная безопасность. И если для этого необходимо разобраться с друидами Темной Луны, то наши интересы, считай, совпадают.

– Вот и отлично.

Верика, кряхтя, выбрался из кресла, и римляне вежливо поднялись вместе с ним.

– Признаться, я устал и хочу вернуться в Каллеву со своими людьми. А ты, легат, наверное, хочешь потолковать с центурионом.

– Да. Если ты сейчас в нем не нуждаешься.

– Нет. Увидимся позже, Альбин.

– Благодарю, царь Верика.

Центурион отсалютовал. Веспасиан как хозяин с подобающей церемонностью проводил гостя до выхода из шатра. Вернувшись, легат с сожалением бросил взгляд на совсем опустевший кувшин и жестом предложил центуриону садиться.

– Я так понимаю, что Верика скорей тяготит, а не радуется возвращению к власти.

– Пожалуй, что так, командир. Правда, особых проблем с атребатами в связи с этим у нас нет. Они, конечно, немного угрюмы, но вряд ли подумывают о бунте. Катувеллауны были весьма суровыми господами. Возможно, перемена правления не особо улучшила ситуацию, но и не ухудшила.

– Посмотрим, что будет, когда здесь появятся римские землемеры, – пробормотал Веспасиан.

– Да, командир.

Центурион пожал плечами, давая понять, что произвол гражданских чиновников, следующих за легионами, уже не его забота.

– В общем, Каллева и прилегающие к ней окрестности вполне умиротворены. Две центурии у меня постоянно следят за порядком на основной территории, третья без усталости патрулирует области, граничащие с владениями дуротригов.

– Эти патрульные встречали друидов?

Центурион покачал головой:

– Кроме того случая, когда я подобрался к ним, мы больше ни разу не пересекались. Правда, следы находили: пепелища, останки. У них преимущество, они все на лошадях. Как нам за ними угнаться?

– Могу выделить в твое распоряжение половину моей кавалерии. На то время, пока мы стоим рядом с Каллевой. Остальные конники понадобятся мне самому, для разведки.

Разумеется, шестьдесят всадников не могли решить проблему разбойных наскоков, но это было все лучше, чем ничего, и Альбин благодарно кивнул.

– А как дела с обучением местного войска?

На миг маска невозмутимости спала с лица бывалого воина, и в глазах его промелькнуло отчаяние.

– Я бы не сказал, что никак, командир. Но и надеяться на какие-то результаты не стал бы.

– А Верика вроде доволен своими парнями.

– Местный люд крепкий, покрепче многих из тех, что служат у нас под орлами, – неохотно признал Альбин. – И храбрости им тоже не занимать. Но как ни пытаешься приучить их к дисциплине и строю, ничего не выходит. Сплошной бардак, прошу прощения, а не строй. Да, они могут биться и яростно, и отважно, но только поодиночке. Индивидуальные тренировки с оружием им, разумеется, более по душе. Однако мечами, которыми мы их вооружили, эти люди орудуют как мясницкими секачами. Сколько я ни твержу, что острие грозней лезвия, до них не доходит. Они просто невосприимчивы к обучению.

– Невосприимчивы? – Веспасиан поднял брови. – Неужели солдат с твоим опытом не может пообтесать новичков? Передать или вбить им хотя бы часть своих знаний? Ты ведь, мне думается, справлялся с куда более трудными случаями!

– Со случаями – да, командир. Но не с народами.

Веспасиан кивнул. Все кельты, каких он встречал, почему-то надменно посматривали на окружающий мир и с глубоким презрением относились к немужской, по их мнению, роскоши римской и греческой цивилизаций.

– Ладно. Делай, что можешь, центурион. Ведь, в конце концов, раз уж кто-то не в состоянии ничему научиться у нас, значит он в принципе неопасен для нас как противник.

– Так точно, командир.

Снаружи донесся приглушенный звук сигнального горна, а следом послышалась серия торопливых приказов. Альбин бросил взгляд на легата, однако Веспасиан отнюдь не хотел прослыть дергающимся по каждому пустяку паникером. Он неспешно откинулся на спинку своего кресла и подвел итог встрече:

– Хорошо, центурион. Я пошлю командующему донесение, где обрисую твою ситуацию и сообщу о проделках друидов. А ты тем временем продолжай обучение бриттов и, конечно, не

прерывай патрулирования границ. Даже если нам не удастся покончить с налетами, друиды по крайней мере будут знать, что за ними охотятся, и, может быть, поумерят свой пыл. Конница должна облегчить эту задачу. У тебя есть ко мне что-то еще?

– Никак нет, командир.

– Можешь идти.

Центурион взял свой шлем, поднял руку в салюте и вышел.

Между тем крики снаружи усилились, а звон оружия и доспехов свидетельствовал, что в движение пришло немало людей. Порыв глянуть, что происходит, был невероятно силен, но лучше уж сразу подать прошение об отставке, чем уподобиться новобранцам, возбужденно подскакивающим от каждого резкого звука. Веспасиан заставил себя взять в руки свиток и заскользил невидящим взглядом по рядам сводок и цифр. Наконец доски ведущего к шатру настила заскрипели под чьими-то сапогами.

– Легат здесь? – крикнул кто-то часовым, охранявшим вход. – Тогда пропустите меня.

Складки кожи раздвинулись, и Плиний, старший трибун, задыхаясь, ввалился в шатер.

– Командир! – прохрипел он, отдуваясь. – Ты должен это увидеть.

Веспасиан оторвал глаза от пергамента.

– Успокойся, трибун. Тебе не положено вести себя так.

– Как, командир?

– Носиться по лагерю без крайней необходимости.

– Но, командир...

– Нам угрожает серьезная опасность, трибун?

– Никак нет, командир.

– Тогда сохраняй спокойствие, подавая тем самым пример остальным.

– Да, командир. Прошу прощения, командир.

– Ну ладно. Итак, о чем неотложном ты пришел мне доложить?

– Какие-то люди приближаются к лагерю.

– Сколько их?

– Двое, командир. И еще несколько держатся позади, за деревьями.

– Два человека? Из-за чего же вся эта шумиха?

– Один из них римлянин...

Веспасиан терпеливо ждал.

– А другой?

– Не знаю, командир. Я никогда таких раньше не видел.

Глава 7

Шестой центурии в этот раз выпало нести вторую стражу, и легионеры, наскоро подкрепившись дымящейся овсяной кашей, отправились сменить караульных на лагерных стенах. Центурион, сдавший пост, сообщил Катону о прибытии кавалькады из Каллевы. Рассветное солнце светило так ярко, что даже приходилось прикрывать ладонью глаза.

– Славное утречко, оптион! – приветствовал кто-то сзади. – К теплу, не иначе.

Катон повернулся к рослому краснощекому малому, чья безыскусная улыбка обнажала ряд редких, кривых зубов, очень похожих на фрагмент древнего капища, представлявшего собой круг, составленный из огромных камней, мимо которого легион проходил прошлым летом. Худощавому и потому совершенно лишенному подкожной жировой прослойки Катону даже под плотно запахнутым зимним плащом никак не удавалось согреться, и он ограничился молчаливым кивком, чтобы не выдать сотрясающей его дрожи. Новобранец из недавнего пополнения, галл Гораций Фигул неплохо справлялся с воинскими обязанностями, а добродушный нрав паренька быстро снискал ему симпатии сослуживцев.

«Привыкает, молокосос», – снисходительно подумал Катон.

И совершенно неожиданно для себя осознал, что Фигул – его сверстник. Мало того, ведь и сам Катон попал в армию не так уж давно, почему же тогда он смотрит на новичка сверху вниз, будто бывалый вояка? Впрочем, в кое-каких переделках ему и впрямь довелось побывать. Вон на боку ожоги – одно загляденье! Правда, эти уже поджившие свидетельства боевой доблести, к сожалению, не на виду, зато цыплячий пушок на лице виден, и даже очень. Он всем говорит, что его обладатель еще не держал в руках бритвы. А вот Фигул с его кельтскими предками зарастает мгновенно. К утру – весь в щетине, хотя и скоблил себя каждый вечер.

– Смотри, оптион!

Фигул прислонил копьё к земляному брустверу и, порывшись в плаще, достал что-то из его складок.

– Я упражняюсь уже с неделю.

Катон подавил стон. С тех пор как центурию однажды развлек странствующий финикийский фокусник, юный Фигул безуспешно пытался повторить его трюки. Теперь незадачливый маг держал в руке грецкий орех:

– Что это?

Катон уставился на протянутую ладонь, потом воздел глаза к небесам.

– Тебе видней, – процедил он сквозь зубы.

– Так вот, это грецкий орех, а, как известно, орехи не имеют обыкновения подсакивать и исчезать. Я прав?

Катон кивнул.

– А сейчас глянь-ка!

Фигул сомкнул ладони и потер их одну о другую, произнося нараспев что-то похожее на заклинания. С последним выкриком он развел руки и всплеснул ими перед лицом оптиона. Уголкем глаза Катон увидел, как грецкий орех взлетел в воздух и, описав дугу, покатылся по внешнему склону насыпи вниз.

– И куда, по-твоему, подевался этот орех? – подмигнул Фигул. – Давай покажу!

Маг пошарил у зрителя за ухом и нахмурился. Катон раздраженно вздохнул. Часовой вытянул шею, чтобы исследовать область позади командирского уха.

– Как же так? Эта проклятая штуковина должна быть там!

Катон шлепнул его по рукам.

– Вернись лучше к дежурству, Фигул. Ты и так потерял много времени.

Бросив последний недоверчивый взгляд на ухо Катона, легионер взял свое копьё и повернулся к белым просторам страны атребатов. Хотя мороз одел всю округу в сверкающие серебром кружева, снег внизу постепенно подтаивал и темная земля уже проступала на южных склонах холмов. У новобранца был столь смущенный и растерянный вид, что Катон, растрогавшись, пожалел его:

– У тебя почти получилось, Фигул. Просто нужно еще малость потренироваться.

– Да, оптион.

Фигул ухмыльнулся, и Катон тут же пожалел о своей мягкотелости.

– Фокус что надо. Пальцы, правда, сейчас подвели меня, но я ими займусь.

– Хорошо. Но это потом. А теперь гляди в оба, чтобы враг не прошел.

– Есть, командир.

Катон оставил Фигула и продолжил обход вверенного ему участка стены. Вторая половина центурии несла вахту по другую сторону лагеря под началом Макрона. Увидев над рядами палаток на противоположном валу освещенную солнцем кряжистую фигуру с заложенными за спину руками и волевым чеканным профилем, обращенным к далекому Тамесису, Катон улыбнулся, представив себе, где в этот момент витают мысли его командира. Несмотря на весь свой разгульный нрав, Макрон, похоже, душой прикипел к Боадике. До встречи с ней он и представить не мог, что на свете есть женщины, способные не только не уступать ему в чем бы то ни было, но и порой обставлять его, обводя вокруг пальца, как несмышленного малыша. Последнее так поразило задиристого, но отходчивого вояку, что его чувства сделались очевидными для многих, кто был с ним знаком. За спиной центуриона поползли шепотки, застарелые байки о подкаблучниках обрели новую жизнь, но Катон не был на стороне шутников. Сам только что переживший любовную драму, он и сочувствовал своему командиру, и тихо радовался за него.

– Тревога! – послышался чей-то крик.

Катон моментально повернулся и увидел, что Фигул указывает на гребень большого, поросшего лесом холма. Задранный угол земляного вала загораживал поле обзора, и оптион, выругавшись, побежал к часовому.

– Что случилось?

– Люди, командир! Там!

Фигул ткнул пальцем в сторону леса. Катон не увидел там ничего необычного.

– Чему тебя учили? – крикнул он. – Укажи направление как положено!

Новобранец взмахом поднял копьё и наставил его на холм.

– Вон они, командир.

Катон встал рядом с Фигулом, послал взгляд вдоль древка копьё и действительно там, куда указывало колеблющееся острие, увидел какое-то копошение. Из чащи на открытое, припорошенное снегом пространство медленно выезжали темные фигурки всадников. Какое-то время они двигались к лагерю, потом, подъехав поближе, остановились: десять верховых, все в черном, головы скрыты под капюшонами.

Вокруг Катона уже сновали центурионы дежурной когорты, распределяя вооруженных легионеров по валу, а те, не упуская из виду незнакомцев, занимали свои места, готовясь отразить любую атаку. Запела труба, по караульной дорожке бежал, грохоча сапогами, Макрон.

Находившиеся на достаточном, чтобы чувствовать себя в безопасности, удалении всадники расступились и пропустили вперед шатающегося человека с петлей на шее и связанными за спиной руками. Конец веревки держал в руках ближний всадник, одетый, как и все его товарищи, в черное, но выделявшийся среди них причудливым головным убором, наверху разветвленным, что делало его похожим на зимнее облетевшее дерево.

Странная пара двинулась к лагерю. Пеший человек ковылял, спотыкаясь, но стараясь сохранить равновесие, ибо падение для него было чревато гибелью от удушья.

– Что происходит? – спросил подбежавший Макрон. – Кто это?

– Не знаю, командир.

– Кто поднял тревогу?

– Фигул, командир.

Макрон повернулся и поискал взглядом новобранца.

– Фигул! Ко мне! Где этот молодец?

Фигул вытянулся перед центурионом, с глухим стуком поставив копьё.

Макрон придирчиво осмотрел часового.

– Это ты вызвал дополнительный караул?

– Так точно, командир, – пролепетал новобранец, сбитый с толку строгим начальственным тоном. – Прошу прощения, командир.

– Прощения? Какого хрена ты просишь прощения, парень? Ты правильно сделал. А теперь топай обратно на пост.

Туго соображающий галл не сразу уразумел, что его похвалили, и лицо его расплылось в ухмылке.

– Сегодня, Фигул! На пост надо вернуться сегодня!

– О, слушаюсь, командир!

Галл повернулся и побежал к своему месту, тогда как центурион остался стоять, поджав губы и скорбно покачивая головой. Боги, каких только остолопов не приходится брать в центурию, чтобы восполнить потери! Между тем над скоплением шлемов засверкал в лучах солнца вызолоченный высокий гребень с султаном. Трибун Плиний, поднявшийся на в мгновение ока заполнившийся зеваками вал, пробился к частоколу и теперь вместе со всеми напряженно рассматривал две движущиеся фигуры, находившиеся уже не более чем в полумиле от обегавшего лагерь рва. Пара все приближалась. Уже стало видно, что одеяние пешего пленника представляет собой лохмотья туники, красной и с золотым шитьем по кайме. Плиний повернулся и уперся взглядом в мрачное, сосредоточенное лицо Макрона.

– Этот человек римлянин! Вели конному отделению седлать коней и быть наготове. Я иду за легатом.

– Есть, командир.

Макрон повернулся к Катону:

– Ты слышал трибуна? Дуй к разведчикам и передай им приказ. А я пока наведу здесь порядок. Все деревенские олухи так и лезут на стену. Может, им кажется, что их хотят поразвлечь. Затеять скачки или что-то такое.

Макрон, изрыгая ругательства, принялся сгонять вниз новобранцев и прочих свободных от дежурства солдат, а Катон поспешил к конюшням, расположенным на дальнем конце лагеря за палаткой легата. К его возвращению лишних людей на валу не осталось, равномерно распределенные вдоль частокола легионеры внимательно наблюдали за незнакомцами. Там же стояли легат и вконец запыхавшийся старший трибун. Они оба молча взирали на странную пару.

– Что за дрянь у него на башке? – пробормотал Веспасиан.

– Оленьи рога, командир.

– Я сам вижу, что рога. Но зачем он водрузил их на голову? Это ведь неудобно.

– Так точно, командир, неудобно. Но вроде бы это какой-то культовый символ...

Под сердитым взглядом начальника Плиний сник.

– Может быть.

Приблизившись к лагерю на расстояние полета камня, пущенного из хорошей пращи, всадник поддернул веревку, и находившиеся на стене люди услышали пронзительный вопль. Кричал пленник. Всадник спешил и отбросил веревку. Римлянин пал на колени. Он явно выбился из сил, голова его беспомощно свесилась. Но передышка длилась недолго. Всадник ударил пленного по лицу и указал в сторону лагеря. До замерших в гневном оцепенении легио-

неров долетела какая-то фраза, но смысл ее был неясен. Римлянин поднял голову, выпрямился и крикнул стоявшим на стене соотечественникам:

– Послушайте! У меня сообщение командиру вашего легиона... Он тут?

Веспасиан сложил ладони ковшом и крикнул в ответ:

– Говори! Кто ты?

– Валерий Максентий... префект военно-морской эскадры Гесориакума.

Люди на валу изумленно ахнули: как мог человек столь высокого ранга попасть в руки дикарей? По стене рябью пробежал беспокойный гомон.

– Молчать! – гаркнул Веспасиан. – Тот, кто заговорит, будет выпорот! Центурион, возьми на заметку говорунов!

– Есть, командир.

Максентий снизу дрожащим от напряжения голосом снова воззвал к соотечественникам:

– Я говорю по велению друидов Темной Луны. Мой корабль потерпел крушение у британского побережья, и все спасшиеся – одна женщина, ее дети и я – были захвачены воинами племени дуротригов... Они передали нас друидам. В обмен на освобождение пленников друиды требуют вернуть их товарищей. Пятерых высших жрецов, захваченных командующим прошлым летом... Здесь со мной верховный жрец Темной Луны, их глава. Он дает вам на размышления тридцать дней, начиная с сегодняшнего и вплоть до праздника Первой Почки... Если друидов к тому времени не освободят, он сожжет своих пленников заживо, принеся их в жертву Круаку.

Веспасиан вспомнил рассказ Альбина и содрогнулся. Собственная жена и сын, мечущиеся среди языков пламени, предстали перед его мысленным взором, и он впился пальцами в частокол, отгоняя жуткое наваждение.

Всадник наклонился к Максентию и, по-видимому, опять что-то сказал. Потом он отступил назад и раздвинул полы своего черного одеяния. Максентий закричал снова:

– Друид желает дать вам... знак, свидетельствующий о его непреклонной решимости!

Позади него что-то вспыхнуло в лучах солнца. Друид извлек из складок плаща огромный, с широким лезвием серп, взялся обеими руками за рукоять, широко расставил ноги и замахнулся.

В последний момент Максентий, видно, почувствовал, что за страшная участь ему уготовлена, и начал поворачиваться, но это мало чему помогло. Серп сверкнул в воздухе и своим длинным изогнутым жалом задел шею префекта. Все случилось так быстро, что на какую-то долю мгновения некоторым наблюдателям показалось, будто друид промахнулся. Потом голова префекта завалилась набок и упала в сугроб, из обрубка шеи забила, пятная снег, струя крови. Друид вытер окровавленное лезвие о снег, убрал серп под плащ, пнул ногой тело префекта, затем легко вскочил на коня и поскакал назад к своим товарищам, дожидавшимся его у кромки леса.

Глава 8

Веспасиан развернулся на каблуках и, приложив ладони ко рту, прокричал:

– Кавалерия! Взять их!

Конники, поднятые по тревоге, страшной казни не видели, шока не испытали, а потому немедленно устремились в погоню. Ворота распахнулись, из них вылетела дюжина всадников. Декурион сразу заметил друидов и галопом погнал коня к ним. Снег летел из-под конских копыт, за плечами скачущих развевались плащи. Друид, убивший Максентия, повернул увенчанную оленьими рогами голову, увидел преследователей и ударил пятками свою лошадь в бока, спеша присоединиться к товарищам, уже почти скрывшимся среди деревьев.

Веспасиан не сдержался. Вместо того чтобы следить за погоней с вала, он спустился во двор, выбежал из ворот и по скрипящему под ногами снежку поспешил к месту жуткой расправы. За ним рысцой двигались легионеры Шестой центурии, подгоняемые Макроном, опасавшимся, как бы с легатом чего не стряслось. Однако на некотором расстоянии от обгаренного кровью сугроба бойцы замялись: друиды вызывали у многих из них не только ярость и отвращение, но и мистический страх. Среди солдат было немало суеверных людей, веривших в зловещее колдовское могущество кельтских жрецов. Никому не хотелось приближаться к павшему от их рук бедолаге. Легионеры замерли в отдалении, выдыхая в холодный воздух клубы белого пара. Внезапно наступившую тишину нарушал лишь отдаленный топот копыт да хруст подлеска, сквозь который римские кавалеристы преследовали друидов.

Веспасиан стоял над скрюченным, остывающим телом морского префекта, одним своим боком неловко припавшего к суровой британской земле. Из рассеченных сосудов шеи все еще текла кровь. Некогда щегольская туника Максентия превратилась в рванье, но пояс, ее перехватывающий, был целым. Целым казался и висевший на нем кожаный почти новый кошель. Превозмогая тошноту, медленно поднимавшуюся из глубины желудка, легат наклонился и дрожащими пальцами стал развязывать липкий разбухший шнурок. Больше всего ему хотелось убраться подальше от окровавленного, нелепо короткого трупа и валявшейся рядом с ним головы. Хорошо еще, что лицом она ткнулась в снег и на виду оставались одни только темные грязные космы волос.

Наконец узел поддался. Веспасиан встал, отошел на несколько шагов и лишь тогда взглянул на свою добычу. Горловина кошеля была перетянута, под кожей что-то бугрилось. Стараясь не думать, какой сюрприз могли поместить внутрь кисета друиды, Веспасиан заставил себя распуścić тесьму, уловил вмиг напрягшимся зрением тусклый блеск на дне открывшейся ему темной щели. Он запустил туда пальцы и выудил на солнечный свет пару золотых колец и тряпицу. Одно колечко было совсем маленьким, незатейливым, но по внутренней стороне его шла не оставляющая сомнений латинская надпись. «FILIUS PLAUTII». «СЫН ПЛАВТА». Другое кольцо представляло собой перстень с крупным ониксом. На полированном темно-коричневом фоне красовался белый искусно исполненный слон. Тряпица оказалась клочком чьей-то тоги. Сенаторской, судя по пурпурной полосе.

Веспасиана прошибло холодом, и отнюдь не от утреннего морозца. Связь между информацией, сообщенной префектом, и содержимым кисета была столь очевидной, что ему сделалось худо. Но так или иначе, возникла необходимость срочно послать гонца к генералу. Он осторожно упрятал обрывок ткани и кольца обратно в кошель, потом прокашлялся и поднял глаза на Макрона:

– Центурион!

– Да, командир!

– Отправь тело в лагерь, в лекарскую палатку. Пусть его как можно скорее приготовят к кремации. И проследи за тем, чтобы к нему... отнеслись с уважением.

– Конечно, командир.

Легат опустил голову в молчаливом раздумье. И так, семья командующего у друидов. У тех самых друидов, которые наводят такой ужас на западные окраины страны атребатов. Как их могли захватить в плен? Бритты ведь не имеют судов, способных сразиться с военными римскими кораблями. Очевидно, Максентий переправлял женщину и детей с континента в Рутупий, от которого до земель дуротригов добрых сто миль. И наверное, буря отнесла корабль в сторону, но это все равно не объясняет, почему префект не вернулся к прежнему курсу, а предпочел пристать к берегам, населенным врагами Рима. Веспасиан проклял префекта за недомыслие, но тут же спохватился, упрекая себя в опрометчивости. Даже если Максентий ошибся, он очень дорого заплатил за оплошность. Вины на нем теперь нет. К тому же, возможно, префект пытался направить корабль куда нужно, но буря не позволила ему это сделать.

Слабые шумы погони, несущиеся из леса, неожиданно приобрели иной тон. Отдаленные крики и вопли смешались с лязгом оружия. Веспасиан и легионеры Шестой центурии повернулись к холмам. Судя по звукам, схватка достигла накала, потом все смолкло.

– Образовать квадрат! – взревел Макрон. – Сомкнуть ряды!

Солдаты мгновенно сформировали вокруг легата боевой плотный строй. Веспасиан обнажил меч. Он поймал взгляд Макрона и указал на обезглавленное тело, все еще лежавшее на снегу. Центурион повернулся к своим людям:

– Вы двое! Фигул и Серторий! Сюда.

Названные бойцы вышли из строя.

– Фигул, положи свой щит на землю. Вы оба на нем потащите мертвеца в лагерь. Я привахачу другой щит.

Фигул с отвращением посмотрел на окровавленные останки.

– Не волнуйся, парень, кровь отмоеся, просто нужно будет чуть-чуть повозиться. А теперь приступай!

Когда два увальня с большой неохотой принялись исполнять жутковатое поручение, Макрон повернулся к Катону:

– Ты понесешь голову.

– Голову? – Катон побледнел. – Я?

– Да, на хрен, ты! – отрезал Макрон. – Ну-ка бери ее! – велел он, потом что-то вспомнил и, косясь на легата, добавил: – И... э-э... позаботься о должном почтении.

Стиснув зубы, Катон наклонился и протянул руку к темным спутанным волосам. При первом прикосновении к ним его пальцы отдернулись. Оптион нервно сглотнул, заставил себя, чтобы обеспечить надежную хватку, забрать мокрые космы в кулак и медленно выпрямился, стараясь держать голову как можно дальше от своего плаща и лицом к белому, занесенному снегом пространству. Но даже при этом клейкие завитки сухожилий и сгустки свернувшейся крови, свисавшие с шеи, вызвали у него рвотный спазм. Катон отвел взгляд.

Лошадь без седока вывернула из леса и галопом понеслась к лагерю. За ней выскочили еще две лошадки, а потом третья, на сей раз со всадником, припавшим к шее животного и подгонявшего коня каблуками. Больше из-за деревьев не появился никто.

– Зря я послал погоню, – пробормотал еле слышно Веспасиан.

– Да, командир.

Легат, сердито насупив брови, повернулся к Макрону, однако не сказал ничего. Нижним чинам не пристало оценивать действия высшего руководства, но Веспасиан понимал, что центурион в данном случае прав. Большому начальнику следовало бы пять раз подумать, прежде чем с такой легкостью отправлять кавалеристов на смерть.

Прямо перед щитами изготовленной к обороне центурии уцелевший разведчик резко осадил коня и, когда тот с диким ржанием вскинулся на дыбы, вылетел из седла.

– Он ранен! – крикнул Макрон. – В укрытие его! Быстро!

Ближайший боец тут же отдал товарищам щит, схватил разведчика и затащил внутрь квадрата. Тот прижимал руку к животу: туника и плоть были рассечены, глубокая рана открывала взгляду дрожащие кишки. Макрон опустился на колени, отхватил кинжалом от плаща всадника полосу ткани и туго забинтовал рану. Раненый вскрикнул, но тут же сжал зубы.

– Ну вот! Это сойдет, пока им не займутся хирурги.

Веспасиан склонился над раненым:

– Что случилось? Докладывай, солдат. Что с вами стряслось?

– Командир, их были десятки... они поджидали в лесу... Мы неслись по тропе, уже наступая их... но буквально через мгновение они неожиданно обрушились на нас со всех сторон, завывая, как дикие звери... У нас не было ни единого шанса... Всех порубили в куски.

На какой-то момент глаза разведчика наполнились ужасом, потом его взгляд сосредоточился на легате.

– Я ехал в хвосте, командир. Как только понял, что мы попали в засаду, попытался повернуть вспять. Не вышло... тропа узкая, конь напуган... уперся – и ни в какую! Потом один из этих друидов выскочил из кустарника и замахнулся серпом... но я все же достал его! Достал копьем, командир!

В глазах солдата блеснуло дикое торжество, но он тут же зажмурился, переживая новую волну боли.

– Этого пока довольно, парень, – мягко сказал Веспасиан. – Остальное побереги для официального рапорта, когда тебя подлатают.

Кавалерист, не открывая глаз, кивнул.

– Центурион, помоги-ка. – Веспасиан подхватил раненого под мышки и бережно поставил на ноги. – Подсади его мне на спину.

– Тебе, командир? Я могу выделить своего человека.

– Прекрати пререкаться! Я сам его понесу.

Макрон пожал плечами и сделал как велено. Разведчик обхватил шею легата руками, Веспасиан подался вперед и подхватил ноги раненого.

– Порядок, Макрон. Вели кому-нибудь забрать лошадь. Мы возвращаемся в лагерь.

Макрон отдал приказ центурии продвигаться к воротам. Как ни хотелось легионерам поскорей оказаться среди своих, сомкнутый строй полз очень медленно. Общая скученность не позволяла ускорить шаг. В центре квадрата шел легат, пошатываясь под тяжестью своей ноши. Фигул и Серторий несли за ним на щите труп Максентия, возле них вышагивал опцион, оставив в сторону руку с отрубленной головой и стараясь на нее не коситься, хотя выходило это у него плохо. Мертвая голова, как магнит, притягивала все взгляды. Только Макрон, замыкавший отход, не обращал на нее никакого внимания. Он то и дело оглядывался на лес, откуда могли в любой момент выметнуться конные вражеские отряды. Но темная чаща хранила безмолвие и выглядела совершенно пустой.

Глава 9

Три дня спустя снег почти всюду растаял, только в низинах или расщелинах, куда не могли забраться лучи низкого зимнего солнца, еще поблескивали белые пятна. Март расщедрился, дохнул теплом, и ухабистая, разбитая сапогами легионеров дорога стала скользкой от грязи. Четвертая когорта двигалась маршем на юг, чтобы защитить пограничные районы страны атребатов от происков дуротригов и обосновавшихся на их землях друидов, дабы отбить у тех и других охоту к новым бесчинствам. Правда, на деле никто всерьез не рассчитывал на такой результат, ведь когорта есть только когорта. Однако донесения о панике, охватившей дальние маленькие деревеньки, и об ужасных расправах, все еще невозбранно творившихся в тех злосчастных краях, настолько удручали Вериду, что он упросил Веспасиана вмешаться. Поэтому довольно внушительное войсковое подразделение в сопровождении отряда конницы было отправлено в рейд с целью продемонстрировать дуротригам, что исходящая от них угроза не осталась незамеченной Римом.

Поначалу селяне настороженно относились к странно одетым, говорившим на непонятном языке чужеземцам, но когорте было приказано вести себя примерно. За жилье и провизию римляне платили золотыми монетами. К тому же они весьма уважительно относились ко всем местным обычаям и порядкам, с какими охотно знакомил их предоставленный царем Верикой проводник. Этот грек, по имени Диомед, вел дела с торговой компанией в Галлии, но много лет проживал среди атребатов, свободно изъяснялся на многих кельтских наречиях и даже умудрился взять жену из довольно влиятельного туземного клана, оказавшегося достаточно свободомыслящим, чтобы отдать одну из своих, может быть, и не самых завидных невест за шустрого маленького чужака. Своей смуглой оливковой кожей, напомаженными локонами темных волос, аккуратно подстриженной бородкой и континентального кроя одеждой Диомед резко отличался от диковатых с виду варваров, в чьем обществе он счел возможным коротать свои дни. Туземцы, однако, относились к нему хорошо. В каждом селении, через которое проходила когорта, маленький грек встречал теплый прием.

– И какой прок этим малым в наличных? – ворчал Макрон, пока старший центурион когорты отсчитывал денежки деревенскому старосте в обмен на грудку телячьих окороков – темных, провяленных, перехваченных кожаными шнурами.

Командиров когорты собрали, чтобы представить местным старейшинам, и теперь они просто стояли в ожидании завершения сделки.

– О, вы удивитесь, – ухмыльнулся Диомед, блеснув мелкими, порченными зубами, – но деньги им весьма кстати. Они на них покупают вино, они его очень ценят. Дуют, как воду, причем больше тяготеют к галльским сортам, что позволило мне даже сколотить состояньице. Пусть совсем крохотное, но все же.

– Вино? Они пьют вино?

Макрон обвел взглядом скопление низеньких пузатых хижин, перемежаемых загонами для скота. Полуразвалившийся частокол вокруг деревушки, видимо, предназначался лишь для опугивания диких зверей.

– Конечно. Думаю, все вы пробовали то хмельное, что они сами варят. Чтобы довести себя до беспамьятства, это пойло годится, спору нет, но в остальном удовольствия мало.

– Тут ты прав.

– Спросом пользуется не только вино, – продолжал Диомед. – Ткани, глиняная посуда, кухонная утварь и все такое. Им полюбились имперские привозные товары. Еще несколько лет – и атребаты станут почти цивилизованными людьми, – задумчиво заключил грек.

– По-моему, ты говоришь это как-то уныло.

– Конечно, потому что тогда мне придется двигаться дальше.

– Двигаться дальше? А я думал, ты здесь обосновался навечно.

– Лишь до тех пор, пока тут можно рассчитывать на какую-то выручку. Как только этот край станет частью империи, его наводнят купцы всех сортов, а с ними мне не тягаться. Волей-неволей понадобится куда-то перебираться. Может быть, дальше на север. Мне тут шепнули, что царица бригантов равнодушна к заморским нарядам.

Мысль о возможных радужных перспективах зажгла в глазах грека мечтательные огоньки.

Макрон глянул на Диомеда с той особой неприязнью, какую питают все воины к думающим лишь о собственной выгоде торгашам, но тут ему в голову пришло кое-что.

– А на какие шиши они покупают то, что ты им завозишь?

– Они и не покупают. В этом-то вся прелесть. Деньги у варваров не в ходу, монету, правда, кое-кто тут чеканит, но таких племен мало. Поэтому я предлагаю обмен, а в результате выгадываю гораздо больше, чем трачу. За свои товары я беру у туземцев меха, охотничьих псов или драгоценные украшения... Словом, все, что в империи у меня рвут с руками. Ты удивишься, узнав, как высоко ценятся кельтские украшения в Риме. – Он посмотрел на шею Макрона, охваченную затейливым ожерельем. – Возьмем, к примеру, эту поделку. Она сулит очень хороший барыш.

– Она не продается, – решительно заявил Макрон, машинально ощупывая туго свитые золотые полоски.

Этот массивный знак принадлежности к царскому роду носил некогда Тугодумн, вождь катувеллаунов и брат Каратака. Макрон убил его в поединке вскоре после того, как Второй легион высадился на покрытый туманами остров.

– Я дам тебе настоящую цену.

Макрон фыркнул.

– Сомневаюсь. Ты обдерешь меня, как несмышленного дикаря.

– За кого ты меня принимаешь! – возмутился маленький грек. – Я и подумать о том не посмел бы. Ты – римский центурион, я заплачу все сполна.

– Нет, приятель. Сказано, нет.

Диомед поджал губы и пожал плечами.

– Ладно, я не настаиваю. Но предложение остается в силе. Подумай. Макрон покачал головой и поймал взгляд одного из центурионов, который сочувственно подмигнул ему и выразительно вскинул глаза. Эти греческие проныры просто заплонили империю и уже пролезли во все стороны в поисках легкой поживы. Куда ни сунься, везде сидит хитрый эллин, так и прикидывающий, сколько он может на тебе заработать.

– Мне думать нечего. Я продавать ничего не хочу, а уж тебе и подавно.

Диомед нахмурился, глаза его на миг сузились.

– Вы, римские легионеры, поди, и вправду считаете себя лучше кого бы то ни было?

Макрон промолчал, только слегка выпятил подбородок, отчего грек саркастически хмыкнул. Остальные тихо переговаривающиеся между собой римляне разом умолкли и повернули головы к спорщикам. Грек поднял руки:

– Прошу прощения, может, я слишком резок, но мне хорошо знаком такой взгляд. Вы, солдаты, воображаете, будто расширение империи, присоединение к ней новых земель – это лишь ваша заслуга.

– А чья же еще? – искренне удивился Макрон. – Мы воины, мы шаг за шагом занимаем новые территории.

– Да ну? А подумайте, где бы вы были сейчас без меня? Как сумели бы раздобыть провиант? Но это так, ерунда. А вот ответь-ка, почему, по-твоему, атребаты так дружелюбно относятся к Риму? Ну, может, и не совсем дружелюбно, но все-таки без какой-то вражды.

– Не знаю. Вообще-то, мне все равно. Но ты, наверное, мне растолкуешь.

– С удовольствием, центурион. Задолго до того, как в каком-нибудь диком уголке мира появляется первый легионер, туда прибывает купец, чаще всего грек вроде меня. Он заводит дружбу с местными жителями, знакомится с их языком и обычаями, а их самих, в свою очередь, знакомит с доселе неизвестными им товарами. У дикарей возникает желание заполучить что-то из заморских диковин, ведь многое из того, что нам привычно, для них в новинку и может служить знаком достатка и высокого положения. У варваров появляется вкус к хорошим вещам, а мы его поощряем и развиваем до тех пор, пока не оказывается, что им уже не обойтись без даров римского мира. К тому времени, когда прибываете вы, эти дикари уже и так знают многое об империи. Более того, они теперь накрепко связаны с ней. По правде сказать, так и воевать нет нужды. Через пару поколений они сами станут упрашивать Рим принять их под крыло, в свой состав.

– Чушь! Полная чушь, – ответил Макрон, грозно ткнув в грека пальцем, и другие центурионы одобрительно закивали. – Расширяет империю меч, а также бесстрашие, сила воли и все такое, что помогает нам драться. Что же до вас, то вы просто навязываете этим невежественным глупцам всякие безделушки, причем втридорога, исключительно ради собственной выгоды. Вот и все.

– Конечно, мы стараемся заработать, кто спорит? А ради чего же тогда рисковать, терпеть лишения, выбиваться из сил? – Диомед улыбнулся, пытаясь смягчить тон дискуссии. – Я только хотел указать на пользу, какую приносит Риму и наш брат торговец, налаживая контакты с непокоренными племенами. И если, пусть в мелочах, это может облегчить путь победоносным легионам империи, значит мы тоже каким-то краем причастны к великим свершениям. Прошу прощения, центурион, если мои скромные амбиции чем-то тебя задели. Я не хотел никого оскорбить.

– Коли так, ладно. Замнем это дело, – кивнул Макрон.

– А что касается твоего ожерелья... – просиял Диомед.

– Грек, если ты еще раз заикнешься о нем, клянусь, я...

– Центурион Макрон! – рявкнул Гортензий.

Макрон моментально отвернулся от Диомеда и вытянулся в струну.

– Командир?

– Кончай разговоры и построь своих людей. То же самое относится и к остальным – мы выступаем.

Пока центурионы, выкрикивая приказы, спешили к своим подразделениям, деревенские жители мигом загрузили окуроками одну из провиантских подвод. Как только колонна была построена, Гортензий взмахом руки послал вперед конников, затем дал знак начинать движение остальным.

Лица вышедших проводить солдат атребатов подернулись грустью. Какое-то время они пребывали в спокойствии, а теперь их начинал когтить страх. Перспектива остаться опять без защиты не радовала никого, и долго крепившийся староста в конце концов подбежал к Диомеду, очевидно упрашивая того убедить римлян остаться. Однако у грека были свои резоны не вмешиваться ни во что. Он вежливо, но твердо отстранил старика и поспешил примкнуть к уходящим легионерам. Когда Шестая центурия, осуществлявшая тыловое прикрытие марша, покидала пределы деревни, Катон ощутил жгучий стыд. Ему казалось просто предательством бросать мирных селян на произвол судьбы, в то время как в округе свирепствуют безжалостные друиды и их не менее беспощадные приспешники дуротриги.

– Командир?

– Да, Катон.

– Неужели мы ничего не можем сделать для этих людей?

– Ничего, – покачал головой Макрон. – Почему ты спросил? Что, по-твоему, мы должны сделать?

– Оставить защиту. Хотя бы центурию, чтобы охранять их.

– Когорта без центурии ослабеет. Да тут и разместиться-то негде. А потом все равно мы не можем оставлять в каждой дыре по отряду. На всех центурий не напасешься.

– Зато у нас есть излишки оружия, – не сдавался Катон. – Мы могли бы выделить им часть арсенала, что валяется в наших фургонах.

– Нет, парень, не могли бы. Нам это все еще может понадобиться, а им в оружии проку нет. Они ведь не обучены с ним обращаться. А теперь закрой рот и не сбивайся с дыхания. Впереди долгий путь.

– Есть, командир, – тихонько ответил Катон, пряча глаза от хмурых селян, понуро замерших под покосившимся частоколом.

Весь остаток дня Четвертая когорта брела по разбитой дороге, ведущей на юг, к морю, к маленькому торговому поселению, стоявшему близ большой естественной гавани. Диомед хорошо знал те места. Ведь именно там он многие годы назад впервые ступил на британскую землю и принял участие в строительстве небольшого форта. Форт этот, нареченный Новиомагом, постепенно разросся и стал его домом, превратившись в уютный, хорошо обустроенный городок, дававший приют купцам разных стран. Некоторые из них, так же как Диомед, оседали там, обзаводились семьями и друзьями. Переселенцев становилось все больше, жизнь городка текла мирно, и вплоть до недавнего времени, по словам грека, приезжие и туземцы прекрасно ладили между собой. Но в последние месяцы цепь печальных событий внесла в мирную жизнь перемены. Атребаты стали коситься на чужаков, возможно небезосновательно полагая, что их присутствие злит друидов, чем навлекает бедствия на коренных жителей края. Однако дни шли, шла своим чередом и торговля. Новиомаг никаким нападениям не подвергался. И Диомед понемногу уверился, что семье его там ничего не грозит.

Когорта шагала под серыми, низко нависающими облаками, сквозь которые едва пробивалось заходящее солнце, а когда уже стали сгущаться вечерние тени, впереди вдруг послышался крик. Усталые люди подняли опущенные к земле головы, чтобы посмотреть, что случилось. Горстка конных разведчиков галопом спускалась с холма. Старший центурион, звучный голос которого с легкостью докатился до конца колонны, приказал всем остановиться.

– Дело неладно, – тихонько промолвил Макрон, глядя, как всадники обступают Гортензия.

Выслушав разведчиков, командир когорты кивнул и повернулся к колонне:

– Командиры, ко мне!

Катон спустил с плеча вещмешок, положил его на обочину и припустил трусцой за Макроном, ощущая хребтом неприятную дрожь.

Когда весь командирский состав сбился в плотную группу, Гортензий коротко обрисовал ситуацию:

– На Новиомаг напали. То, во что он теперь превратился, находится за тем холмом. – Резким жестом центурион показал за каким. – Разведчики нигде никого не заметили, так что, похоже, всех горожан или увели, или перебили.

Катон бросил взгляд на Диомеда, стоявшего чуть в стороне. Тот, насупившись и стиснув зубы, смотрел себе под ноги. Похоже, грек с трудом сдерживал слезы. Со смешанным чувством сострадания и смущения, что ему довелось стать невольным свидетелем чужого отчаяния, Катон отвернулся и снова уставился на Гортензия, который без тени волнения продолжал сыпать приказами.

– Когорта разворачивается под гребнем холма, затем переваливает через него и в боевом порядке подходит к селению. На ближних подступах строй останавливается, внутрь входит Шестая центурия.

Он повернулся к Макрону:

– Оглядишься там и доложишь. Потом я решу, что делать дальше.

– Есть, командир.

– Скоро стемнеет, ребята. Разбить походный лагерь мы не успеем, и поэтому нам придется, насколько возможно, подлатать те заборчики, что там найдутся, и за ними скоротать эту ночь. Если вопросов нет, выполняйте.

Командиры вернулись к своим солдатам, зазвучали распоряжения. После того как каждая центурия сформировала колонну в два ряда, Гортензий громко отдал приказ сомкнуться, и все подразделения в соответствии с нумерацией стали пристраиваться одна к другой. Шестая центурия потекла к левому крылу строя, и только тогда Макрон велел всем остановиться, когда первый правофланговый легионер ее поравнялся с уже занявшим свое место первым левофланговым легионером из Пятой. Ряды подтянулись, по ним пролетел приказ «шагом марш». Сомкнутая когорта поднялась по пологому склону, перешла через гребень, и солдатским взорам открылось серое беспокойное море с просторной, защищенной от штормов гаванью и широким, уходящим вглубь суши каналом, чью поверхность то и дело тревожили порывы крепнувшего ветра. Кораблей в гавани не было. Лишь на прибрежном песке дыбились корпуса нескольких вытасненных из воды барок. Городок пока прятался среди скал. Когда когорта спустилась ниже, показался и он. Вернее, то, что от него осталось.

Налетчики основательно потрудились и уничтожили все, что могли. Дома и амбары сожгли подчистую, и теперь улицы окаймляли обугленные развалины. Большую часть кольев оборонительного палисада выдернули и сбросили в ров. Отсутствие какого-либо дымка говорило, что дуротриги здесь побывали не меньше чем дня три назад. Среди руин не просматривалось никакого движения. Угрюмую тишину нарушало лишь хриплое карканье воронов, несшееся из ближней рощи. С обоих флангов от внезапного нападения когорту оберегали кавалеристы.

Хорошо подогнанное снаряжение спускавшихся к пепелищу легионеров если и звякало, то еле слышно, но Катону и эти звуки казались громовыми, отдающимися в ушах. Стараясь не сбиться с ноги, что при его широком шаге было не очень-то просто, он одновременно обводил взглядом окрестности, высматривая засаду. Смеркалось, зимний ландшафт наполнялся тенями, каждая таила угрозу, и рука юноши крепче сжимала ремень щита.

– Стой!

Гортензию пришлось напрячь голос. Ветер усиливался, относил слова в сторону. Когорта на два счета остановилась.

– Поклажу снять!

Легионеры с большим облегчением освободились от заплечных мешков. Теперь, ничем не обремененные, кроме щитов и копий, они были готовы сразиться с врагом.

– Шестая центурия, вперед!

– Вперед! – повторил приказ Макрон, и его люди, покинув общий строй, двинулись к городку.

Сердце Катона отчаянно заколотилось, нервная дрожь волнами проходила по всему его телу, казалось, в нем, пульсируя, нагнеталась энергия, готовая в любой миг разрядиться. Сразу за рвом Макрон всех остановил.

– Катон!

– Да, командир!

– Ты возьмешь пять своих отделений и войдешь через главные ворота. Я с остальными зайду в город с моря. Встретимся где-нибудь в центре.

– Да, командир, – ответил Катон, но неожиданно зашевелившийся в животе холодок заставил его добавить не по уставу: – Будь осторожнее!

Макрон приостановился и пренебрежительно бросил:

– Уж я постараюсь не оцарапаться, оптион. Но вообще-то, здесь тихо. Если где что-то и копошится, так это духи погибших. Не дрейфь, паренек.

Катон, вспыхнув, отсалютовал и обернулся к центурии:

– Отделения с первого по пятое – за мной!

Больше не мешкая и бурча под нос что-то злобное, он размашисто зашагал к главному въезду в город. Спыхватившиеся солдаты заторопились, нагоняя его по сплошь испещренной ухабами и колдобинами дороге. Створки больших городских ворот были сорваны с петель и разбиты. Чтобы проникнуть в Новиомаг, пришлось перебираться через груды обломков. Вправо и влево от врытых в землю массивных столбов расходились оборонительные траншеи с невысокими насыпными валами и частично обрушенным частоколом. Легионеры молча следовали за своим оптионом, настороженно озираясь и вслушиваясь в каждый звук. Враг мог подстергать где угодно.

Все вокруг говорило о том, что городок подвергся полному и опустошительному разгрому. Всюду валялись какие-то черепки, тряпки, осколки, клочья одежды, образуя порой целые кучи никуда не годного хлама, в какой был превращен вытасченный из домов скарб. Когда солдаты развернулись в две линии, Катон огляделся по сторонам, но нигде никаких тропов, к своему удивлению, не обнаружил. Как и наличия какой-либо живности. Зловещее безмолвие, и ни малейшего шевеления. Лишь ветерок то здесь, то там своевольно вздымал смерчки пепла.

– Распределиться и обыскать все кварталы! – распорядился Катон и махнул рукой своим людям. – Ищите с тщанием, должен же был тут хоть кто-нибудь уцелеть. Место сбора – центральная площадь. О результатах доложите по прибытии!

С оружием наготове легионеры разбрелись по пожарищу, опасливо вороша дровками пик подозрительные скопления обгорелого хлама. Катон с минуту за ними понаблюдал и медленно двинулся по усеянной пеплом и всяческим мусором главной улице Новиомага. Отсутствие признаков хоть какой-то борьбы внушало тревогу. Направляясь к разграбленному форту, он мысленно представлял себе картины ужасной резни, с жуткими свидетельствами которой ему предстояло столкнуться. Однако реальность, не содержащая на то и намека, была еще хуже, так как распалая воображение и пробуждала дурные предчувствия. В конце концов юноша выбралил свою мнительность. Возможно, атака была неожиданной, городок захватили без боя, а скот и жителей увели как добычу. Это самое вероятное объяснение, убеждал он себя.

– Оптион! – позвал его кто-то. – Сюда!

Катон побежал на голос. Близ полуразрушенной каменной стенки, ограждавшей загончик для коз, стоял легионер. Он приподнял край лежащей на земле шкуры и указал копьём вниз.

– Там, командир. Посмотри туда.

Катон подошел к нему и заглянул в глубокую яму, прикрытую шкурами и просмоленной парусиной. Примерно десятифутовый в поперечнике схрон был отрыт совсем недавно. Почва по краям его еще осыпалась. Во мраке виднелись груды вяленого и копченого мяса, корзины с зерном и какие-то сундуки. Катон положил свой щит на землю, спустился вниз и открыл крышку ближайшего сундука, как оказалось наполненного серебряными и бронзовыми кельтскими украшениями. Взяв зеркальце, юноша повертел его в руках, восхищаясь изящной спиралевидной оправой, потом положил вещицу на место и стал разглядывать остальное. Искусно исполненные браслеты, ожерелья, кольца, перстни, бусы и кубки вряд ли следовало отнести к обиходному имуществу горожан. Скорей, это все был товар, приобретенный у местных племен и хранившийся на здешних складах в ожидании открытия навигации и последующей переправки на материк для продажи. Судя по всему, разграбив склады, дуротриги решили припрятать трофеи, чтобы забрать их на обратном пути, возвращаясь из рейда по стране атребатов.

Сообразив это, Катон захлопнул крышку сундука и выбрался из ямы.

– Найди остальных, – сказал он солдату, – и как можно скорее веди к месту сбора. Я пошел к центуриону. Выполняй!

Услышав вдали зычный голос Макрона, Катон торопливо двинулся в том направлении, лавируя среди обгорелых развалин, где уцелели лишь самые толстые бревна. Через какое-то время, обогнув пару покрытых копотью каменных стен, он вышел к городской площади. Макрон с несколькими легионерами находился там. Он стоял возле невысокого сооружения, походившего на обнесенный каменным парапетом колодец. Будучи около шести локтей в поперечнике, этот колодец прятался под конической формы навесом из шкур, который грабители почему-то не тронули. Не сожгли, хотя все вокруг было сожжено, и даже не опрокинули, в чем тоже улавливалась какая-то странность.

– Командир! – крикнул Катон еще издали.

Макрон поднял голову, он был чем-то расстроен. Завидев юношу, центурион выпятил подбородок и зашагал к своему оптиону.

– Нашел что-нибудь?

– Нашел, командир!

Катон, докладывая, едва сдерживал возбуждение:

– Неподалеку от главных ворот обнаружена яма, наполненная награбленным добром. Должно быть, дуротриги снесли туда всю добычу и собираются за ней вернуться. Командир, у нас есть шанс устроить засаду!

Макрон хмуро кивнул. Похоже, столь радужная перспектива его особо не взволновала.

– Понятно, – бесцветным голосом произнес он.

Только теперь Катон, бодро отбарабанивший заранее заготовленную тираду, заметил, что центурион не в себе.

– Что стряслось, командир?

Макрон сглотнул:

– А мертвые тела ты видел?

– Тела? Нет, командир. Нигде. Как ни странно.

– Да. – Макрон поджал губы и ткнул пальцем в сторону колодца. – Тогда, думаю, они все там.

Глава 10

В убывающем вечернем свете тускло обрисовывался силуэт центуриона Гортензия, склонившегося над колодцем. Макрон и все остальные предпочитали держаться поодаль от незримо роящихся в воздухе духов. Диомед сидел один, прислонившись спиной к почерневшей стене разрушенного строения и уронив голову на руки.

– Грек у нас что-то совсем никакой, – промолвил Фигул.

Катон с Макроном переглянулись. В глазах обоих опять всплыла груда искалеченных, изрубленных тел, почти доверху заполнявших колодец. С учетом густой заселенности городка туда, видимо, были сброшены сотни людей и, что уж совсем поражало, животных. Налетки не пощадили не только женщин с детьми, но и собак и овец, ясно давая понять британскому миру, какая страшная участь ждет тех, кто примет сторону Рима. Молодой опцион никак не мог отойти от шока. Перед его внутренним взором все еще стояло искаженное личико совсем маленького светловолосого мальчика, почти младенца, валявшегося на вершине кровавой горы. В голубых глазенках застыл смертельный ужас, в открытом ротике поблескивали крохотные белые зубки, на домотканой, пробитой ударом копья рубашонке темнели пятна засохшей крови. Увидев это, Катон отпрянул от превращенного в могильник колодца, сложился вдвое, и его вырвало желчью.

Теперь, получасом позже, юноша ощущал холод, усталость и ту глубокую душевную муку, которая обычно охватывает людей, впервые столкнувшихся с крайними проявлениями жестокости жизни. Однако Катон уже второй год служил под сенью орлов, находясь в постоянном соседстве с насильственной смертью. И эта суровая служба закалила его в большей степени, нежели можно было помыслить, но все же кровавая бойня, учиненная друидами Темной Луны, ввергла его в пучины отчаяния. А следом за этим чувством пришли и другие. В нем медленно поднималась, ища выхода, дикая ярость, а душу жгло страстное желание отомстить бешеным в своей кровожадности дикарям за их непомерные злодеяния.

Личико мальчика снова мелькнуло в его мозгу, и рука юноши, лежавшая на рукояти меча, непроизвольно сжалась. Те же друиды удерживали сейчас римскую семью и, несомненно, собирались подвергнуть ее не менее жуткой расправе.

Макрон заметил это движение. В какой-то момент он чуть было даже не положил по-отечески руку на плечо своего опциона, чтобы ободрить и успокоить его. Центурион уже привык к юноше как к некоей своей неотъемлемой части и порой забывал, что тот пока слишком молод для отстраненного восприятия некоторых неприглядных сторон нелегкой воинской жизни. По чести говоря, еще год назад вообще трудно было поверить, что долговязый неженка книжник, явившийся вместе с другими зелеными новобранцами в Германию наводить на тамошних варваров страх, продержится в армии хотя бы с неделю, а вот, поди ж ты, сейчас это совершенно другой человек. Какой-никакой, но он все-таки командир, побывавший в боях, отмеченный шрамами и, вон, гляди, наградой за доблесть, плюс к тому паренек не только отважен, но и неглуп. Такой может пойти далеко, если, конечно, превратности службы не сведут его раньше в могилу. Правда, воспитание у него подгуляло: дурачок рос во дворце. Он и по сей день склонен к своему книгочейству, но вот чего Макрон и вовсе уж не мог понять – к какому-то болезненному самоедству. Вечно что-то обдумывает, переживает по пустякам, опутывает себя клубком каких-то заумных соображений. Нет, думать вредно, тут не о чем говорить.

Макрон пожал плечами. А ведь стоит юнцу стать маленько попроще, мигом бы упростилась и вся его жизнь. Сам Макрон не считает нужным копаться в себе. Это лишь путает человека, мешая ему делать дело. Столь бессмысленное занятие лучше оставить на долю бездельников, расплодившихся в Риме. И чем скорее Катон это уразумеет, тем будет лучше для него самого.

Фигул все поглядывал в сторону Диомеда, чье поведение, видимо, возмущало его. Ну можно ли так бесстыдно выставлять напоказ свои чувства?

– Ох, уж эти мне греки! Готовы из всего сделать драму. Слишком много трагедий идет в их театрах. А комедий практически нет, вот в чем заковыка.

– Этот человек лишился семьи, – тихо произнес Макрон. – Так что, будь добр, заткнись, пока тебя не заткнули.

– Слушаюсь, командир.

Фигул выждал с минуту, а потом с независимым видом потопал в другой конец площади. Может, там сыщется, с кем поболтать. Пока центурия ожидает приказов, надо же чем-то заняться.

Решив, что увиденного достаточно, Гортензий деловито направился к Макрону:

– Кровавое дело.

– Так и есть, командир.

– Пожалуй, правильней всего будет засыпать и заровнять эту яму. Вместе с телами. У нас все равно нет времени похоронить их, как положено. Да и не знаю я, как это положено по местным обрядам.

– Можно спросить Диомеда, – предложил Макрон. – Он наверняка знает.

Они оба повернулись и посмотрели на грека. Тот, подняв голову, не сводил глаз с колодца. Черты лица его были искажены, губы дрожали.

– По-моему, сейчас не стоит, – решил Гортензий. – По крайней мере, лучше повременить. Я присмотрю за ним, а ты займись ямой.

Макрон кивнул, но тут ему в голову пришла еще одна мысль.

– А что делать с грудой добра, найденного моим опционом?

– А что тут делать?

Катон с удивлением поднял глаза на старшего офицера, даже не давшего себе труда призадуматься, что может значить такая находка. Но прежде чем он успел выразить свое изумление вслух, Макрон опять подал голос:

– Опцион утверждает, что налетчики непременно вернуться сюда за добычей.

– Утверждает?

Гортензий сердито воззрился на сопляка, осмелившегося вообразить, что он может проникать своим скудным умишком в самые сокровенные планы врага.

– Иначе, командир, какой им смысл прятать награбленное в одном месте?

– Кто знает? Может быть, это своего рода приношение здешним богам?

– Я так не думаю, – спокойно ответил Катон.

Гортензий нахмурился.

– Если тебе есть что сказать, то говори ясней, опцион, – резко заявил он.

– Слушаюсь, командир.

Катон вытянул руки по швам и задрал подбородок.

– Это всего лишь предположение, командир. Но, на мой взгляд, грабители оставили здесь добычу, чтобы не отягощать себя в рейде. Ведь ничто не мешает им забрать ее на обратном пути. Вот и все, командир. Остается добавить, что их появления следует ждать в любой миг.

– В любой миг? – насмешливо повторил Гортензий. – Что-то я в том сомневаюсь. Ежели котелки их вождей хотя бы чуточку варят, они давно уже благополучно убралась туда, откуда пришли.

– Командир, все бывает; может, малый и прав, – заметил Макрон. – В любом случае поставить дозорных на какую-нибудь высотку, думаю, не помешает.

– Макрон, я не вчера родился. Об этом уже позаботились. Подступы к поселению патрулируют верховые. Если кто-то объявится, его заметят задолго до того, как он к нам подберется. Правда, я лично никаких визитеров не жду.

Не успел он договорить, как в сумерках послышался стук копыт. Римляне обернулись, и в следующее мгновение на площадь галопом вылетел всадник. Он резко осадил коня, спешился и огляделся:

– Где старший центурион?

– Здесь я. Докладывай!

Разведчик подбежал, отдал честь и перевел дух.

– Командир, там какие-то люди. В двух милях отсюда. Они приближаются.

– Откуда?

Патрульный повернулся и указал на впадину между двумя холмами, куда уводила петлявшая вдоль побережья тропа.

– Сколько их?

– Две сотни; может быть, больше.

– Ладно. Что предпринял твой декурион?

– Отвел отряд за деревья. Двое спешили и следят за колонной.

– Хорошо.

Гортензий удовлетворенно кивнул и отпустил кавалериста.

– Езжай обратно. Скажи декуриону, чтобы оставался в укрытии. Чуть позже я пришлю к нему вестового.

Разведчик побежал к своей лошади. Гортензий, ослабившись, повернулся к Макрону с Катоном.

– Что ж, молодой оптион. Возможно, выйдет по-твоему. И если оно действительно так, этим друидам и их приспешникам предстоит здорово удивиться.

Глава 11

– А вот для разнообразия и снежок, – проворчал Катон, покосившись на ночное небо.

Холодный ветер принес наконец с моря массы порхающих белых хлопьев, которые дружно посыпались на легионеров Четвертой когорты, затаившихся среди руин разоренного городка. Пожар уничтожил весь снежный покров, а несколько ясных дней подсушили раскисшую землю, но теперь зима опять брала свое, понемногу отбеливая округу, а заодно щиты и плащи зябко ежившихся солдат.

– Вряд ли это надолго, командир, – прошептал Фигул. – Взгляни-ка.

Он указал на быстро светлеющий край темной тучи, из-за которой вынырнул полумесяц, а за ним стайка игриво мерцающих звезд.

Время, казалось, остановилось, что дополнительно взвинчивало людей, подстерегавших варваров, возвращавшихся из набега. Шестая центурия рассредоточилась вокруг главной площади Новиомага. Заняв позицию за каменной полуразрушенной стеной, Катон не мог видеть всех своих солдат, но он физически ощущал их присутствие, их живое тепло, а вот от колодца тянуло лишь смертью. Образ убитого мальчика опять встал перед ним, и жажда отомстить дикарям за эту загубленную невинную жизнь вспыхнула в нем с новой силой.

– Да где же эти долбаные подонки? – пробормотал он и прикусил язык, сердясь на себя за допущенную оплошность.

Все его люди, кроме разве что Фигула, хранили каменное молчание, повинувшись приказу. В большинстве своем это были закаленные ветераны, взятые во Второй легион прошлой осенью после тяжелых потерь. Веспасиану тогда посчастливилось отобрать их из первой волны пополнения, прибывшего с континента.

– Я схожу посмотрю, командир? – встрепенулся Фигул.

– Стой, – шикнул Катон. – Сиди, мать твою, смирно. Ни звука больше.

– Есть, командир. Прошу прощения, командир.

Нет, вот ведь олух! Катон сокрушенно покачал головой. Дай ему волю, и он, на хрен, загубит весь разработанный Гортензием план.

А план, кстати, довольно неплох. Старик даром что туповат, но в стратегии смыслит. Двум центуриям он велел затаиться в развалинах, а остальные четыре распределил по траншеям за стенами городка, чтобы в нужный момент замкнуть кольцо вокруг варваров, угодивших в ловушку. Конница укрылась в ближнем лесу с приказом прятаться там до сигнала.

Предполагается, что верховые будут преследовать и рубить тех врагов, которым удастся вырваться из кольца, хотя Катон, например, намеревался приложить все усилия, чтобы таких ловкачей среди бриттов не оказалось.

Обугленные руины уже заносило снежком, и его первозданная белизна внезапно напомнила юноше о Лавинии. От нее тоже всегда веяло искрящейся, праздничной свежестью, особенно в дни их первых встреч. Правда, через мгновение этот образ сменила ужасная картина жуткой гибели девушки. Катон поспешил прогнать это видение, а чтобы оно не вернулось, решил срочно занять свои мысли чем-то другим. Чем угодно. Он весьма удивился, вдруг осознав, что думает о Боадике. О ее живости, прямоте и раскованности, о манере смотреть, насмешливо изогнув одну бровь. Эту плутовку не портила даже горячность. Оптион улыбнулся. На душе его вроде бы стало теплей.

– Командир, – свистящим шепотом произнес Фигул, привставая.

Остальные легионеры возмущенно воззрились на новобранца.

– Что?! – Катон ошарашенно завертел головой. – Я ведь велел тебе держать язык за зубами.

– Там что-то происходит!

Фигул ткнул пальцем в ночь.

– Заткнись! – прорычал Катон сквозь зубы и для вящей убедительности погрозил олуху кулаком. – Сядь!

Фигул послушно присел на корточки, а Катон с величайшей осторожностью высунулся из-за укрытия и напряг зрение, стараясь хоть что-нибудь разглядеть в ночном мраке. Заунывный стон ветра в руинах и снегопад гасили все сторонние звуки, и потому юноша увидел врага раньше, чем о его приближении сообщил ему слух.

Темные очертания дальних развалин заколебались, между ними появилась какая-то тень. Всадник. На краю площади тень остановилась и замерла, словно приюхиваясь. Наконец конь заржал и взрыл снег копытом. Прищелкнув языком, бритт направил животное дальше, к колодцу. Темная фигура медленно двигалась сквозь снежную круговерть, и у Катона создалось ощущение, что всадник видит его. Катон пригнулся, но продолжал наблюдать за всадником. Варвар доехал до колодца и остановился, похуже намереваясь заглянуть в черное жерло. Рука Катона судорожно стиснула рукоять меча, но он сумел справиться с почти непреодолимым желанием выхватить клинок из ножен и заставил себя ослабить хватку. Легионеры вокруг него были так же напряжены. Любое неосторожное действие командира могло быть расценено ими как знак ринуться в бой. Между тем следовало дожидаться сигнала трубы. Гортензий, устроивший наблюдательный пункт на вершине расположенного по соседству с Новиомагом кургана, велит горнисту протрубить лишь тогда, когда все варвары въедут в селение, до того же момента ни один римлянин не имел права сдвинуться с места.

Все о том знали, однако Катон еще раз обернулся к солдатам и жестом, без слов, велел тем сидеть, как сидят. Они и сидели, но позы их явственно говорили, насколько обрыдло им терпеливое ожидание. Напряженность росла.

Бритт, по-прежнему не слезая с коня, небрежно наклонился над колодцем, отхаркнул мокроту и сплюнул. Катон стиснул зубы. Холодная ненависть, переполнявшая все его существо, мгновенно преобразовалась в жгучую ярость. Кровь в жилах юноши закипела, но он подавил и этот порыв, сжав кулаки до боли в ладонях, причиненной впившимися в них ногтями. Дуротриг, видимо, удовлетворился осмотром и, решив, что опасности нигде нет, развернул коня и рысцой поскакал через площадь к воротам. Катон обернулся к легионерам.

– Сигнал вот-вот прозвучит, – сказал он негромко. – Как только разведчик доложит своим, что все тут спокойно, друиды и дуротриги войдут в городок. Им надо, во-первых, забрать награбленное, а во-вторых, провести где-то ночь. Варвары тоже люди и нуждаются в отдыхе. Усталость притупит их бдительность.

Катон обнажил свой меч.

– Помните, парни...

Ветераны переглянулись. Дожили, их называет парнями какой-то сопляк. Но дисциплина, ввевшаяся в плоть служак, погасила волну недовольства. Катон досадливо хмыкнул и резко втянул в себя воздух.

– Помните, действовать надо стремительно, но с умом. Нам вроде надо бы захватить пару пленных, но ради этого зря не рискуйте. Вам ведь известно, как любит центурион наш писать похоронки. Тот, кто позволит себя укокошить, будет иметь дело с ним.

Эти слова возымели эффект: люди заулыбались, и нервная напряженность ослабла.

– Итак, слушай мою команду. Встать. Изготовиться к бою!

В косых снежных промельках замаячили темные силуэты. Люди поднимались на ноги и замирали, настороженно вслушиваясь в завывания ветра, которые порой так усиливались, что вполне могли заглушить желанный сигнал. Однако труба все молчала, зато на площадь уже вступил первый бритт. За ним появился второй, потом третий, четвертый. Уставшие после дневной тряски в седлах дикари спешили и вели коней в поводу. Они один за одним выныривали из темноты и скапливались у колодца. Их прямо на глазах становилось все больше,

а дикари шли и шли. Кони грызли удила, били копытами, и этот шум, мешавшийся с добродушным гомоном разрастающейся толпы, казался невероятно громким после безмолвия, еще с минуту назад безраздельно царившего в разоренном городе. Катон нервничал. Он боялся, что пение горна и впрямь не пробьется сквозь звуковую завесу, к тому же для снедающего его беспокойства имелся и более веский резон. Если Гортензий промедлит с ударом, дикарей тут накопится столько, что Шестая центурия по сравнению с ними окажется в меньшинстве и ей придется нелегко.

Тут над шевелящейся людской массой пронесли отрывистые гортанные фразы. Какой-то не соизволивший спешиться всадник грудью коня проложил себе путь в центр толпы и принялся хриплым голосом отдавать приказания. Бритты мигом умолкли, превратившись из улыбчивых беззаботных любителей посудачить в суровых, готовых к повиновению воинов. Кто-то из них спешно занялся лошадьми, остальные образовали подобие строя. К крайней досаде молодого Катона, самый удобный момент для атаки мог вот-вот кануть в небытие. Если Гортензий немедленно не спохватится и не велит трубачу дунуть в долбаный горн, долбаный враг соберется настолько, что будет в состоянии изрядно охладить пыл подстерегающих его римлян.

Проклиная задержку, Катон не сразу заметил, что прямо к нему шагает какой-то дикарь, на ходу раздвигающий полы своего темного одеяния. Юноша быстро пригнулся, с тревогой поглядывая на излом каменной кладки, смутно темневший над его головой. Бритт приблизился, встал совсем рядом, и слуха опциона достиг звук бьющей в стену струи. Щедро оросив развалины, варвар испустил блаженный вздох. Кто-то окликнул его, и дикарь, рассмеявшись, повернулся, чтобы ответить на шутку, но при этом задел верхний край полуразрушенной кладки локтем, сбив с нее пару камней. Самый большой из них нависал над Катоном и, падая, стукнулся о его шлем.

Послышался глухой металлический звук. Катон даже не пробовал увернуться. Он инстинктивно присел еще ниже, и камень, отскочив, упал в снег. Над стеной показалась голова бритта, чье внимание привлек странный звук. Юноша затаил дыхание, надеясь, что тот в темноте ничего не увидит, однако воин-дуротриг шумно втянул в себя воздух, и его крик, обращенный к товарищам, расколол ночь, заглушая все прочие звуки. Засада была раскрыта.

– Вперед, ребята! – взревел Катон. – В атаку! Круши их!

Вскочив на ноги, он вонзил свой короткий меч в едва различимое во тьме лицо бритта. Тут же в плечо его вошла боль отдачи, а в уши – пронзительный вопль.

– Копья готовы! – прозвучал где-то неподалеку громовой голос Макрона. – Все разом!

Из окружавших дуротригов руин выступили темные фигуры легионеров.

– Бросай! – рявкнул Макрон, и солдаты с натужным хеканьем метнули свои остро отточенные копья в плотную вражескую массу.

Целиться не было необходимости. На таком расстоянии и при такой людской скученности каждое острие нашло жертву.

В следующий миг ночь огласилась воплями, стонами и диким ржанием лошадей, тоже попавших под смертоносный град копий. Люди Катона перескочили через завал и, обнажив мечи, приготовились к рукопашному бою.

– Держитесь вместе! Не давайте себя растащить! – крикнул Катон, беспокоясь о том, как бы в такой суматохе и темноте бойцы не принялись крушить своих вместо бриттов.

Он не сомневался, что слова его будут приняты к сведению. Годы муштры и боевой практики выковывали из римлян солдат, управляемых в любых обстоятельствах. Правда, римская тактика не очень-то жаловала ночные сражения, но в данном случае представлялась редкостная возможность захватить врага врасплох. Против этого искушения не смог устоять даже Гортензий, центурион старого склада, самый консервативный из всех известных Катону служак.

– Сомкнуть ряды! – выкрикнул Макрон. И этот приказ был повторен всеми командирами отделений.

Атаковавшие бриттов со всех сторон разрозненные группы легионеров стали сближаться, образуя кольцо. Римляне надвигались, сплотив щиты и разя колющими ударами коротких мечей всех врагов подряд. Порыв ветра бросил в лицо Катона рой снежных хлопьев, на миг ослепив его, и этого мига хватило, чтобы перед ним выросла чья-то огромная тень. Чужие пальцы вцепились в край щита прямо под носом оторопевшего оптиона, затем последовал резкий рывок. Катон инстинктивно выбросил руку со щитом вперед, вложив в этот толчок весь свой вес. Бритт продолжал цепляться за щит, в результате чего нижний угол того развернулся. Удар пришелся варвару между ног. Он со стоном выпустил щит и начал складываться вдвое. Катон, ускоряя этот процесс, пару раз саданул его рукоятью меча по затылку.

Переступив через обмякшее тело, молодой оптион огляделся по сторонам, желая убедиться, что солдаты все еще рядом. Легионеры, укрываясь за темными прямоугольниками щитов, стеной напирала на плотную массу бриттов. Те бились отчаянно, однако в невероятной скученности и толчее им мешали как следует развернуться тела раненых и убитых товарищей. Высоченные копья варваров бестолково мотались над их головами. От длинных тяжелых мечей тоже не было проку. Немногие, кому удавалось протиснуться сквозь толпу, пытались прорвать кольцо римских щитов, но находили лишь гибель. Легионеры действовали с холодной, беспощадной слаженностью, неуклонно продвигаясь вперед и круша на своем пути все и вся.

И тут над постепенно наполнившей ночь какофонией боя, состоявшей из брани, воплей, ржания, лязга и грохота, запоздало пропел медный горн. Гортензий наконец подал сигнал к общей атаке. Чтобы хоть как-то использовать то, что осталось от элемента внезапности, старый воитель бросил своих людей на хвост варварской, втягивавшейся в поселок колонны. Заслышав грянувший отовсюду боевой клич, колонна остановилась. Дикари слишком опешили, чтобы хоть что-либо предпринять. Четыре центурии выскочили из траншей и по ровному белому снегу устремились в атаку. Прежде чем предводители дуротригов успели опомниться и организовать оборону, их воинов уже разили мечи.

Горн воодушевил Шестую центурию, и она с усиленной энергией продолжила истребление попавшего в западню неприятеля. Возле колодца уже шла настоящая бойня. Катон по самую рукоять всадил клинок в грудь очередного врага. Чтобы высвободить меч, ему пришлось наступить сапогом на упавшее тело. Юноша с надсадным хрипом дернул меч на себя и, подняв глаза, едва успел податься назад, чтобы не угодить под копыта безумно ржавшего жеребца, перепуганного людскими криками и звоном оружия. Всаднику приходилось трудно: он одновременно пытался усмирить обезумевшее животное, орудовал мечом и скликал своих воинов, очевидно намереваясь с их помощью пробить брешь в рядах римлян. Вперив взгляд в Катона, бритт замахнулся тяжелым клинком. Оптион вскинул щит и упал на колено.

Мощный удар развалил бы и дерево, и металл сверху донизу, но длинное лезвие не смогло разрубить утолщения в центре щита. Клинок застрял в нем; и когда всадник потянул меч на себя, вместе с ним дернулся и Катон, крепко державшийся за ремни, прикрученные к внутренним скобам. Со злобным рычанием воин попробовал лягнуть Катона каблуком и едва не сбил с его головы шлем. Катон, невзирая на звон в ушах, ткнул своим коротким мечом врага в ногу.

Бритт взвыл от ярости и вздыбил коня, чтобы растоптать дерзкого чужеземца. Катон, и дома-то не питавший особой любви к лошадям, а в армии, как любой пехотинец, старавшийся обходить их, лишь чудом сумел увернуться от смертоносных копыт, однако сзади напирала легионеры, и пути к отступлению у него не было. Он рванулся всем телом и повис на крепких ремнях: раздался треск, римский щит и меч бритта разъединились. Всадник резко натянул поводья, конь опять вскинул копыта, и оптион, прикрываясь наполовину разрубленным щитом, метнулся под лошадиное брюхо, в которое и вонзил свой клинок.

Конь дико заржал, вздыбился и упал, подмяв своего седока. Выбраться из-под смертельно раненного животного бритт не успел: подскочивший легионер прикончил его точным ударом в горло.

– Фигул! Займись также и лошадыю! – велел лежащий на лопатках Катон, с опаской глядя на бешено молотившие воздух копыта.

Молодой солдат метнулся к конской морде и быстрым взмахом меча вскрыл артерию. Катон стремительно вскочил на ноги и завертел головой в поисках новых врагов, но таковых не нашлось. Почти все бритты были мертвы, а несколько стонущих раненых не представляли угрозы, тем более что ими уже занимались те, кому не терпелось положить конец их мучениям. Немногие ускользнувшие дикари петляли среди развалин, спасаясь от беспощадных клинков.

Легионеры, сами потрясенные стремительностью своих действий, еще не отошли от напряжения схватки и озирались, готовые опять ринуться в бой.

– Шестая центурия! Стройся!

Катон увидел шагающую по усеянной трупами площади приземистую фигуру.

– Давайте, ребята! Тут вам не долбаные учения, поживей!

Хорошо вымуштрованные солдаты стряхнули растерянность и потянулись к своему командиру, образовав на снегу темный прямоугольник. Первым делом Макрон оценил их численность и, убедившись, что центурия не понесла невозвратных потерь, удовлетворенно кивнул. Атака была столь внезапной, что бритты успели ранить лишь некоторых из нападавших, причем не так тяжело, чтобы те не могли стоять на ногах.

Когда Катон занял свое место перед первой шеренгой, центурион кивнул ему и спросил:

– Все в порядке, оптион?

Катон, тяжело дыша, кивнул в ответ.

– Тогда пошли к воротам, ребята! – крикнул Макрон. Он похлопал Фигула по плечу. – И не жалеете лошадок!

Глава 12

Снежные хлопья мягко клубились над строем легионеров, шагавших по главной улице Новиомага туда, откуда неслись приглушенные звуки боя. Катон заметил, что ветер слегка поутих. Серебристых просветов в облаках стало больше, звезды и полумесяц то и дело проглядывали сквозь них. Внизу в призрачном, отражавшемся от снежного покрова свечении металлись ищущие спасения бритты. На какой-то момент в юноше опять вспыхнула ярость: вдруг кому-то из негодьяв удастся удрать. Но, поразмыслив, опцион растворил свое раздражение в мрачной улыбке. Возможно, он далеко не единственный, кто жаждет заставить каждого дикаря заплатить за превращенный в могилу колодец. Возможно, ветераны, идущие рядом, чувствуют то же самое, но относятся к происходящему в более профессиональном ключе. Бой есть бой, и бегущие – лишь его часть. Придет время, и их уничтожат. Или захватят, смотря какой будет приказ.

Главный выезд из городка был перекрыт огромной, беспорядочной массой дуротригов. Некоторые из дикарей и в одиночку, и группами пытались выбраться за частокол, но главной преградой для них являлись не бревна и траншеи, а железная стена поджидавших их римлян.

«Если кто и сбежит, то очень немногие», – с угрюмым удовлетворением подумал опцион.

– Стой! – приказал Макрон. – Вот они, те ребята, которых давно пора бы прикончить. Действуйте, но не слишком усердствуйте. Короче, не подставляйтесь. Развернуть фронт!

Первое отделение остановилось, а все прочие стали пристраиваться к нему, рассредоточиваясь и слева, и справа. Катон, ожидавший дальнейших распоряжений, вдруг заметил, как небольшой отряд дуротригов отделился от общей толпы и заскользил к скоплению полуразрушенных хижин.

– Командир?

– Что такое?

Катон кивком указал на развалины:

– Вон там. Кое-кто норовит затеряться среди тех халуп.

– Вижу. Отвлекаться на них всех мы не станем. Возьмешь половину центурии и разберешься.

– Есть, командир.

– И вот что, Катон. Никакого хренова героизма.

Макрон видел, что творилось с его опционом после того, как тот заглянул в колодец, и лишний раз намекал чересчур чувствительному юнцу, что чья-то жестокость отнюдь не повод для собственных сумасбродств.

– Быстро разделай их под орех и дуй ко мне.

– Есть, командир.

– Я выступлю первым. Как только прилажусь, можешь действовать.

Катон кивнул.

– Внимание. Все, кто слева, – за мной!

Пять отделений центурии, ведомые выпятившим подбородок Макроном, поднимая щиты и держа наготове мечи, устремились к темной шевелящейся массе врагов, и метавшиеся над ней крики ужаса сделались еще громче. Правда, некоторые дуротриги с мужеством отчаяния бросились наперерез наступающим, дабы, как подобает воинам, встретить смерть в битве. Это им удалось: римляне прошли по их телам, затем раздался глухой стук щитов и лязг мечей. Легионеры Макрона врубались в толпу.

Катон отвернулся и глубоко вдохнул морозный воздух.

– Полусотня, за мной!

Он повел людей в обход побоища по извилистой улочке в ту сторону, где надеялась спрятаться часть отколовшихся от соплеменников дуротригов. Этот квартал городка не так пострадал от огня, как другие, и среди пепелищ вздымались остовы почти целых строений. Кожаные ремни и доспехи поскрипывали на бегу, перекликаясь со скрипом снега под ногами, ладно подвешенное оружие еле слышно позвякивало. Дуротригов нигде не было видно, но следы, ими оставленные, еще не запорошила метель. И тут Катона осенило – беглецы вовсе не паникуют, а целенаправленно стремятся к набитой награбленным яме. Видимо, они решили, воспользовавшись суматохой боя, не только ускользнуть, но и унести награбленное добро.

Там, где узкая улочка делала резкий поворот, Катон вдруг услышал тихий свист рассекаемого сталью воздуха и инстинктивно вскинул вверх щит. Секира с двумя лезвиями отскочила от металлической твердой накладки и с хрустом вошла в голову набегавшего сзади легионера, разрубив тому шлем и череп. Солдат рухнул без крика, обрызгав товарищей мозгами и кровью, а топор по инерции врезался в деревянную, выпирающую из стены балку и глубоко в ней засел. Выросший над Катонем великан-дуротриг взревел и с шумным вздохом вырвал свое оружие из стены. Катон, не мешкая, ткнул силача мечом в грудь, ощутил в руке боль отдачи, однако бритт, вопреки всем ожиданиям, не повалился наземь, как куль, а издал крик бешеной ярости. Великан выдвинулся из тени, в которой таился, и оказался полностью на виду. Пространство теперь позволяло ему свободно орудовать своей страшной секирой, и он, перехватив поудобнее рукоять, замахнулся, готовый снести голову любому римскому наглецу, дерзнувшему к нему подступить.

Разъяренный гигант был столь могуч и ужасен, что Катона охватил дикий страх. Его живое воображение мигом нарисовало ему картину того, что с ним станет после удара, сокрушающего и доспехи, и кости. Он понимал, что воин с секирой выигрывает для своих товарищей время, но леденящий ужас сковал его волю. Все в нем тряслось, все вопило: «Спасайся, беги, пусть остальные справляются с этим жутким громилой!» Но следом за этим приступом слабости юноша захлестнула волна нестерпимого отвращения к себе и стыда.

Катон напрягся, внимательно глядя на разящее лезвие, и в нужный миг шагнул в сторону, а когда оно просвистело мимо щита, метнулся вперед и снова вонзил меч в могучего бритта. Тот гневно хрюкнул и тяжеленным кожаным сапожищем пнул римлянина в бедро, не сомневаясь, что сшибет его с ног. Однако опцион устоял и ребром щита ударил великана в лицо, одновременно поворачивая еще не вытасканный из раны клинок в надежде задеть какой-нибудь жизненно важный орган. Кровь, горячая и липкая, полилась по сжимающей меч руке, однако дуротрига не утомонило и это. Взвывая от боли и ярости, он отшвырнул топор и облапил врага. Опцион захрипел – железные пальцы варвара нашли его горло. Выронив меч, юноша вцепился в душившую его ручищу, в то время как подоспевшие легионеры со всех сторон молотили громилу щитами и вонзали в его тушу клинки. Судя по дикому, звериному реву, это занятие не было бесполезным, но боль лишь пуще распалая неукротимого исполина, и выпускать свою жертву он явно не собирался. Катон был близок к беспомощности и уже полагал, что смерть неминуема, когда хватка ослабла. Голова опциона шла кругом, а в ушах отдавались глухие удары: римляне рубили и кололи гиганта, как мясники.

Наконец дикарь с утробным стоном осел на колени, выпустившие горло Катона ручищи обвисли. Один из легионеров устало пнул варвара в грудь, и тот, уже мертвый, свалился на окровавленный снег.

– Ты как, опцион?

Катон прислонился к стене развалюхи, жадно хватая ртом воздух, кровь громко пульсировала в его шее. Пытаясь унять головокружение, юноша помотал головой.

– Жить буду, – болезненно прохрипел он. – Продолжаем погоню. Нельзя дать им уйти. Вперед!

Кто-то вложил ему в ладонь рукоять из слоновой кости. Грозный, искусно сработанный и богато отделанный меч – посмертный дар старины Бестии – был опять с ним, и Катон повел свой отряд дальше, хотя, честно говоря, его опять терзал страх. Дикий страх перед новой засадой, и больше всего на свете ему бы хотелось убраться сейчас в арьергард. Однако Катон заставил себя бежать впереди, твердо решив показать своим людям, что ими командует доблестный воин, а не шарахающийся от каждой тени юнец. Правда, эти самые тени казались глубокими провалами, уводящими в царство Плутона, откуда вот-вот могли вырваться невообразимо кошмарные существа.

Но, к его радости, никто больше ниоткуда не выскочил, а улочка свернула прямым путем к яме, где грабители схоронили добычу. Яма, впрочем, была подчистую пуста. Поднаторевшие в разбойных делах дуротриги уже успели откинуть шкуры и парусину, выгрести все добро и уйти, но некоторые из них, нагрузившиеся сверх меры, еще возились неподалеку, отстав от тех своих соплеменников, которые алчности предпочли здравый смысл.

– Круши их! – приказал Катон.

Легионеры рванулись вперед вразнобой, не соблюдая никакого порядка. В предстоящей потехе строй был не нужен. С громкими криками: «Слава Августу!» – они обрушились на мародеров, будто на крыс, забравшихся в амбар с зерном.

Солдат, сумевший обогнать всех, настиг дуротрига, волочившего по снегу огромный узел. Бритт почувствовал неладное, обернулся и вскинул руку, увидев занесенный клинок.

Катон машинально отметил оплошность легионера и отнес ее к упущениям в боевой подготовке. Гладиус – римский короткий меч – не топор и не нож мясника, и хорошо обученный воин, ежели у него имеется выбор, никогда не позволит себе орудовать им как простым тесаком.

Грубая брань сорвалась с губ Катона прежде, чем все это промелькнуло в его голове, и он криво усмехнулся. Кажется, армия сделала-таки свое дело. Превратила сопливого неженку в записного служаку.

Бритт пронзительно вскрикнул, когда римский клинок перешиб ему кость предплечья. Его кисть вмиг обвисла, как хвост рыбешки, сдавленной крепкой рукой рыбака.

– Не руби, а коли! – крикнул Катон, пробегая мимо проштрафившегося бойца.

Легионер виновато кивнул и повернулся к вопящему в ужасе бритту, чтобы прикончить того уже по всем правилам воинского искусства.

Катон миновал еще несколько распростертых на снегу тел. Вокруг валялся высыпающийся из узлов скарб. Серебряные кубки, блюда, всевозможные драгоценные украшения и – вот неожиданность! – совсем простенькие деревянные и глиняные игрушки. Куклы, фигурки зверей. Наверняка дуротриги прихватывали их, чтобы порадовать свою ребятню. Это сообщение поразило Катона. Оказывается, у кровожадных, хладнокровно вырезающих целые поселения и не щадящих даже младенцев убийц тоже имелись собственные детишки, что никак не укладывалось у него в голове.

Оторвав взор от кукол и вскинув глаза, он увидел, как дуротриги, преследуемые утомленными резней римлянами, проскальзывают в проломы ограды, норовя скрыться в холмах, обступающих городок.

Взбежав по крутой, обложенной дерном насыпи к палисаду, Катон окинул взглядом разбегающихся во все стороны дикарей. Хотя их фигуры отчетливо выделялись на белом снегу, в дальнейшем преследовании уже не было смысла. Впрочем, разгоряченные легионеры порывались продолжить погоню.

– Стоять! – рявкнул Катон, несмотря на саднящую боль в горле. – Все назад!

Некоторые солдаты проигнорировали приказ.

– Стоять, кому сказано!

– Командир, – попытался возразить кто-то. – Но они ведь уйдут!

– Я и сам это вижу! – Катон, преодолевая боль, грязно выругался. – Но мы ничего не можем поделать: нам их уже не догнать. Тут вся надежда на кавалерию.

Дисциплина и здравый смысл взяли верх. Тяжело дыша, выпуская изо рта клубы пара, легионеры толпились на валу, сердито глядя, как уцелевшие варвары растворяются в темноте. Катона бил озноб, и не только потому, что наверху гулял свежий ветер. Его трясло от сильного нервного напряжения.

Казалось, прошла целая вечность с того момента, как Шестая центурия кинулась на врага, выскочив из руин, окружавших главную площадь селения. Однако, заставив себя сосредоточиться, Катон понял, что операция никак не могла продолжаться более четверти часа. Со стороны ворот звуков схватки не доносилось, – надо полагать, с варварами разобрались и там. Шустро сработано, ничего не скажешь.

Катону вспомнилось его первое сражение. Тот германский поселок был в чем-то сходен с Новиомагом, только бой там длился полдня и всю ночь. Но битва, долгая ли, короткая ли, есть битва, и в любом случае после ее завершения человека охватывает радостное возбуждение. Даже от одного лишь сознания, что ему удалось уцелеть. А стал ли он опытней или, скажем, мудрей – это дело второе.

Правда, радость юноши несколько умялась жестокой болью в горле. Чтобы хоть как-то смягчить ее, ему приходилось по-дурацки вытягивать шею. Как ни крути, а этот долбаный великан-дуротриг его чуть было не убил.

Глава 13

Бледно-розовое свечение неба отражалось в снегу, покрывавшем руины, и спросонок могло показаться, что городок сплошь заплыл кровью. Впрочем, Катон не спал, он просто провалился с часок под плащом, а потом выполз из своего закута размять онемевшие ноги. Видимо, само это место не слишком располагало ко сну, да и ночной холод донимал худосочного, долговязого оптиона куда пуще, чем его более плотных соратников вроде того же Макрона. Тот, как обычно, когда не дежурил, дрых вмертвую, оглашая округу таким мощным храпом, что от него сотрясалась земля.

Когда Катон встал, с его плаща бесшумно осыпался пушистый слой снега. Лениво стряхнув остатки пороши, оптион потянулся, подошел, осторожно ступая по скользким камням, к свернувшемуся калачиком Фигулу и мягко потыкал его носком сапога. Легионер что-то буркнул и отвернулся, пришлось ткнуть его посильнее.

– Поднимайся, солдат.

Хотя Фигул был в армии новичком, он уже кое-чему научился, и его тело быстрее, чем сознание, отреагировало на приказ.

– Разведи костер, – велел Катон. – На каком-нибудь ровном участке, подальше от легковоспламеняющихся предметов.

– От легко... что?

Катон, заподозрив, что малый валяет дурака, сердито насупился, но простодушный бесхитростный взгляд новобранца заставил его улыбнуться и поискать слово попроще.

– Ну, не разводи огонь близко к чему-нибудь, что может загореться. Дошло?

– Так точно, командир. Будет исполнено.

– Да уж, постарайся.

Фигул, неторопливо почесывая затекший зад, направился за растопкой. Катон, кривя губы, проводил его ироническим взглядом.

«Туповат этот паренек, да и зелен для воинской службы», – заключил мысленно он.

Наверное, столь пренебрежительное суждение о ровеснике кому-то могло показаться и странноватым, однако Катон имел все права думать так, ибо чувствовал себя по сравнению с Фигулом чуть ли не ветераном, умудренным тем обретенным в Германии и Британии опытом, который единственно только и ценится в армии. Он все больше сживался с воинским бытием, и сейчас осознание этого факта наполнило его немалым удовлетворением.

Плотно запахнув плащ, Катон отошел от скопления почерневших от пламени развалюх, ставших на ночь пристанищем для Четвертой когорты. Легионеры не спеша пробуждались. Они садились, потягивались и разлепляли веки, глядя сонными, затуманенными глазами на безоблачное, светлеющее небо. На головах или руках некоторых бойцов виднелись окровавленные повязки, но в целом потери были невелики и, уж во всяком случае, не шли ни в какое сравнение с уроном, нанесенным бриттам. Около восьми десятков вражеских трупов валялось возле ворот да еще около двадцати у колодца. Раненых и просто пленных набралось более сотни, их согнали в большой полуразрушенный амбар, охранявшийся дежурной центурией. Несколько взятых живьем друидов крепко связали и держали отдельно от прочих варваров, в одной из ям.

Шагая в ту сторону по хрустящему снегу, Катон увидел Диомеда. Тот сидел над ямой на корточках и не сводил со жрецов глаз. Голова грека была замотана тряпкой, на щеке запеклась кровь. При приближении оптиона Диомед не поднял глаз и не шелохнулся: единственным признаком того, что он жив, был выдыхаемый пар.

Друиды, трясаясь от холода, лежали в ряд на заснеженной мерзлой земле с завернутыми за спины руками и туго скрученными лодыжками. Ртов им не затыкали, но они не перегова-

ривались и лишь угрюмо косились на своих стражей. В отличие от других бриттов, с которыми доводилось сталкиваться Катону, эти варвары не втирали в свои волосы известь, чтобы придать жесткость торчащим во все стороны космам, а перехватывали их сзади шнурками, собирая в пучки, наподобие конских хвостов. Все они были одеты в черное, бород не брили и даже не стригли, а на лбу у каждого красовалась татуировка в форме темного полумесяца.

– Мерзкий у них, однако, вид, – негромко произнес Катон, почему-то совсем не желая, чтобы пленники его слышали. – Никогда в жизни не сталкивался ни с чем подобным.

– Тогда можешь считать, что тебе повезло, римлянин, – пробормотал Диомед.

– Повезло?

– Да, – буркнул Диомед, оборачиваясь. – Повезло. Поскольку мир, в каком ты живешь, не окружен шайками таких лютых злодеев и твои близкие могут не опасаться, что они к ним однажды заявятся. Правда, до недавнего времени этого не опасались и мы. Мне даже в голову не приходило, что эти разбойники дерзнут так глубоко вторгнуться во владения атребатов. Но они вторглись, и теперь все, кто мирно проживал здесь, погибли. Все до единого: мужчины, женщины, дети. Все зверски убиты и свалены в один колодец.

Диомед сдвинул брови, плотно сжал губы и поднялся на ноги. Запустив руку под плащ, он добавил:

– Мне одно непонятно: почему эти негодяи до сих пор живы? Ведь их удел должен быть совершенно иным.

Даже зная, что Диомед потерял всех родных и сам мог вполне разделить их печальную участь, Катон был потрясен холодной свирепостью его тона. Грек уже что-то нашарил на своем поясе, и юноша, наконец-то сообразив, что он намеревается сделать, инстинктивно подался ему навстречу, чтобы перехватить его руку и удержать от прыжка вниз.

– Неплохой будет денек! – послышался добродушный возглас.

Молодой римлянин и грек обернулись и увидели центуриона Гортензия, который бодрым шагом направлялся в их сторону. Катон мигом вытянулся в струну, Диомед нахмурился и медленно отступил от края ямы. Гортензий остановился, поглядел на друидов и широко улыбнулся:

– Хороший улов. От продажи пленных когорта получит немалую прибыль, но за этих красавцев легат поблагодарит нас особо. Славный бой, замечательная победа, а потеря у нас почти нет. И утро выдалось погожее, в самый раз для обратной прогулки. Нам повезло, опцион!

– Так точно, командир. А каков наш урон?

– Убитых пятеро, серьезно раненых дюжина, ну и пара-тройка царапин.

– Боги были добры к нам, командир.

– Добрее, чем к прочим, – мрачно пробормотал Диомед.

– Что верно, то верно. – Гортензий кивнул. – Но уж во всяком случае, этих мерзавцев мы проучили. Так что с их играми теперь кончено!

– Нет, не кончено, центурион, – возразил грек. – Возле границ в лесах таких шаек не счесть. Поражение их лишь озлобит. И очень многим доверившимся Риму людям придется погибнуть, прежде чем вы, римляне, наконец раскочуетесь и очистите этот край от разорителей, заливающих его кровью.

Гортензий оставил не слишком-то уважительное заявление без внимания. Что тут поделаешь, раз человек не в себе. Его можно понять, однако никакая война не выигрывается без тщательной подготовки. Нельзя затевать кампанию, не обеспечив заранее ее успех. Нарушать это незыблемое правило никто не станет, как бы ни лютовали мятежные племена и сколько бы ни взывали к Риму союзники, моля о защите. Но уж зато, когда придет час поднять спасающий и карающий меч, ничто не сможет остановить железную поступь раздвигающих пределы империи легионов.

Сочувственно улыбнувшись греку, Гортензий положил ему на плечо свою твердую руку:

- Диомед, верь, в свое время ты будешь отмщен.
- Я мог бы получить удовлетворение и сейчас.

Диомед кивнул в сторону пленных друидов, и от Катона не укрылись хищные огоньки, мгновенно вспыхнувшие в глубине его глаз. Если грек вдруг столкнется с командиром когорты, смерть пленников наверняка будет медленной и мучительной. После взгляда в набитый изрубленными телами колодец Катон сам был готов резать варваров на куски, но теперь эта мысль его покорила и вызвала отвращение. Что бы там ни было, цивилизованный человек не должен уподобляться убийцам!

Гортензий покачал головой:

- Нет, Диомед. Мы отвезем этих малых к легату, тот их допросит.
- Они будут молчать. Поверь мне, центурион, вы ничего от них не добьетесь.
- Может быть. – Гортензий пожал плечами. – А может быть, и добьемся. У нас есть мастера развязывать языки.
- У ваших мастеров тоже ничего не получится.
- Не будь так уверен.
- Говорю же тебе, из них не выжмут ни слова. Лучше расправиться с ними на месте.

Раскромсать на части, как поступили они, а головы насадить на колья и оставить здесь, в назидание остальным.

– Мысль недурная, – согласился Гортензий. – Это у многих отбило бы всяческое желание совершать подобные вещи, однако приказ есть приказ. Всех друидов, которые попадутся нам в руки, мне строго-настрого велено переправлять в легион. Кроме того, легату они нужны целыми, потому что имеется шанс обменять их на римлян, томящихся у дуротригов в плену. Прости, но тут уж ничего не поделать. Как говорится, обстоятельства сильнее нас.

Диомед вдруг надвинулся на Гортензия. Тот в удивлении поднял брови, но искаженное яростью лицо грека отнюдь не заставило старого воина дрогнуть или хотя бы несколько отстраниться.

– Разреши мне наказать их, – еле слышно процедил Диомед сквозь крепко сжатые зубы. – Я не могу жить, пока эти монстры продолжают дышать. Они должны умереть, центурион. Я просто обязан их уничтожить.

– Нет. Будь добр, успокойся.

Катон видел, что губы у Диомеда дрожат, а в глазах полыхают отчаяние и ярость. Гортензий, напротив, смотрел спокойно, без какого-либо намека на недовольство. Неуважительное поведение собеседника, похоже, и впрямь ничуть не задевало его.

– Я надеюсь, центурион, ты не доживешь до того дня, когда тебе волей-неволей придется пожалеть о своем решении.

– Уверен, что нет.

Губы грека раздвинула саркастическая улыбка.

– Сомнительный подбор слов. Будем надеяться, что у богов не возникнет искушения воспользоваться твоей беззаботностью.

– Боги поступят, как им угодно.

Старый вояка еще раз пожал плечами и повернулся к Катону.

– Возвращайся к своей центурии, оптион. Скажи Макрону, чтобы тот велел своим парням спешно готовиться к маршу.

– После завтрака, командир?

Гортензий ткнул пальцем в грудь юноши:

– Разве я говорил что-нибудь о каком-либо хреновом завтраке? Говорил или нет?

– Никак нет, командир.

– То-то же. Так вот, я хочу, чтобы когорта построилась за воротами, как только полностью взойдет солнце.

– Есть, командир.

Катон отсалютовал и поспешил к своим бойцам, а когда невзначай оглянулся, увидел, что Гортензий и грек все еще что-то между собой обсуждают.

– Вот и ты, оптион! – ухмыльнулся, поднимаясь, Фигул, у ног которого мягко вилась в холодном утреннем воздухе тонкая струйка дыма. – А тут как раз и костер занялся. Правда, пришлось-таки с ним повозиться.

– Брось это, – отрезал Катон. – Мы выступаем.

– А как же завтрак?

У Катона возникло искушение отчитать новобранца точно так же, как только что отчитали его самого, но это было бы слишком несправедливым по отношению к совсем зеленому пареньку, который к тому же пусть и с трудом, но ухитрился выполнить поручение.

– Прости, Фигул. Никакого завтрака не будет. Погаси огонь и собери свои вещи.

– Погасить огонь?

На лице Фигула появилось обиженное выражение. Он надул щеки, совсем как ребенок, у которого отобрали любимую игрушку.

– Погасить огонь?

Катон вздохнул и носком сапога нагреб холмик снега на кучку тлеющих прутьев. Крохотный язычок пламени ответил на то плевком пара и с недовольным шипением умер.

– Ну вот. А теперь шевелись, солдат.

Когда Катон вернулся к развалинам, где ночевала Шестая, Макрон уже сидел на своем ложе. Он кивнул, выслушав сообщение, потом с утробным ворчанием расправил плечи и гаркнул:

– Эй вы, бездельники. Живо на ноги, недоноски! Мы выступаем!

Тихий гул жалобных стонов рябью прошел по руинам.

– А что насчет завтрака? – спросил робко кто-то.

– Завтрака? Какой еще, на хрен, завтрак? – раздраженно буркнул Макрон. – Сказано же – выступаем!

Легионеры принялись подниматься, неохотно облачаясь в доспехи, Макрон топтался вокруг, подбадривая самых неторопливых пинками. Катон пробрался к своим вещам, уложил их в мешок, натянул кольчугу и уже опоясывался мечом, когда подбежал запыхавшийся вестовой.

– Где Макрон? – спросил он.

– Центурион Макрон там, где ему и положено быть.

Катон рукой указал направление. Вестовой молча развернулся на каблуках.

– Стой! – крикнул Катон.

Он терпеть не мог, когда рядовые других центурий позволяли себе игнорировать его звание, очевидно считая, что он слишком молод для каких-то там церемоний.

Легионер остановился, потом нехотя повернулся лицом к оптиону и вытянулся.

– Так-то лучше, – кивнул Катон. – В другой раз обращай ко мне как положено. Понял?

– Так точно, оптион.

– Хорошо. Свободен.

Вестовой скрылся среди развалин, а Катон продолжил сборы. Некоторое время спустя гонец снова пронесся мимо него, направляясь обратно к воротам, следом за ним шел Макрон.

– Что стряслось, командир?

– Этот хренов осел Диомед. Представь себе, он сбежал.

Катон неуверенно улыбнулся, пытаясь понять, в чем соль шутки. Ну куда мог сбежать Диомед? И главное дело, зачем? Ведь лишь под защитой когорты сейчас можно чувствовать себя в безопасности в этом суровом краю.

– И это еще не все, – продолжил угрюмо Макрон. – Этот долбаный грек ухитрился оглушить часового, сторожившего наших друидов, выпотрошил пленных и исчез.

Глава 14

– Хм. Зрелище не из приятных, – пробормотал центурион Гортензий. – Этот поганец потрудился на славу.

Черные одеяния недвижно лежащих на снегу друидов были задраны, обнажая голые вспоротые животы, возле которых в лужах крови плавали клубки поблескивавших кишок. К горлу Катона подступил ком, и он отвернулся. Гортензий между тем продолжал:

– Стыд и позор: натворил дел и пропал! Куда годится наша караульная служба? Ну ничего, этот грек мне еще попадет. Я покажу ему, как убивать чужих пленных, не заплатив хоть каких-нибудь отступных.

Прочие командиры ворчливо выразили свое одобрение. Любви к друидам никто не испытывал, но пленники, каких можно продать, в ходе завоевания острова доставались римским подразделениям нелегко, попадались нечасто, и терять их вот так, за фу-фу, было непозволительным расточительством. Если Диомед снова объявится, Гортензию, конечно же, следует стрясти с него жирный куш.

Седой ветеран поднял руку, и гомон утих.

– А сейчас о главном. Всем слушать меня. Мы забираем остальных захваченных дикарей и скорым маршем возвращаемся к Каллеве. Пленных у нас слишком много, чтобы отсылать их туда под охраной. Отрядив соответствующий эскорт, мы сильно ослабили бы когорту. К тому же переводчика теперь с нами нет, а я очень сомневаюсь, что без греческого прониры атребаты проявят хоть каплю радушия к нам. Вот и выходит, что нам прямой резон добираться до своего легиона.

Это шло вразрез с распоряжениями легата, но отвечало сложившейся ситуации, и Макрон согласно кивнул.

– И еще, – продолжил Гортензий. – Несколько вражеским конникам удалось ускользнуть, и, бьюсь об заклад, они сразу помчались к своим приятелям с такой прытью, будто их лошаденкам в зады напихали горячих углей. Но как бы эти разбойники ни спешили, ближайшее горное прибежище дуротригов находится в добром дне скачки от этих мест, так что, даже если им вздумается выслать погоню, пара дней до возможного столкновения у нас все-таки есть. Поэтому лучшее, что мы можем сейчас предпринять, – это до наступления темноты убраться отсюда как можно дальше. Есть какие-нибудь вопросы?

– Как быть с телами врагов, командир?

– А как ты сам полагаешь, Макрон?

– Да оставить их прямо тут, вот и все.

– Так мы и поступим. Пусть дуротриги думают, куда их девать. А мы будем думать о своих погибших. Правда, я уже все решил и отдал кавалеристам приказ поместить тела наших парней в тот же колодец, а потом заполнить его доверху грунтом. Погребальные костры нам раскладывать некогда, да и местному люду, похоже, больше по нраву иное упокоение.

Римляне зябко поежились. Иное упокоение. Это что? Гнить в земле? Жалкий удел, достойный одних только варваров. То ли дело сожжение – чистый, торжественный, цивилизованный ритуал.

– Возвращайтесь к центуриям. Мы выступаем.

Ночь когорты провела в наспех разбитом походном лагере. И несмотря на то что весь день шагавшие и весь вечер долбившие мерзлую землю легионеры смертельно устали, холод и страх не очень-то располагали ко сну. С первыми лучами солнца марш возобновился, причем Гортензий запретил какие-либо остановки на отдых и зорко, как ястреб, следил за людьми, накидываясь на любого виновника хотя бы малейшего замедления общего темпа и ругая его в

хвост и в гриву. Если ругань не помогала, в ход шел командирский увесистый жезл. Хотя день обещал быть холодным и снег, убитый солдатскими сапогами, вмиг превращался в ледяную скользкую корку, легионеры, тащившиеся со всем оружием и в доспехах, скоро взмокли от пота. Пленникам, пусть и закованным в цепи, но не обремененным поклажей, было полегче. Впрочем, один из них, раненный в ногу, все же вывалился из ряда и рухнул на землю. Подбежавший Гортензий с ходу огрел его своим жезлом, но бритт лишь скорчился, не желая вставать. Центурион в гневе воткнул жезл в снег, выхватил меч и одним взмахом раскроил бритту горло. Тело осталось лежать на обочине, колонна без какой-либо заминки продолжила путь, из нее больше не выпадал ни один пленник.

Разумеется, такой марш-бросок, без передышек и с полной выкладкой, был до крайности утомителен, и чем дольше он длился, тем громче становился ропот легионеров. Многим из них после засады на дуротригов так и не удалось толком выспаться. И во второй половине дня, когда солнце уже начало понемногу клониться к грязно-серому зимнему горизонту, Катон стал задумываться о том, надолго ли его хватит. Ремни мешка стерли плечи до крови, глаза жег пот, каждый шаг отзывался в ступнях уколами боли. Оглядывая бойцов своей центурии, он видел по лицам, что им тоже несладко, и облегчения не ожидалось: ведь даже после того, как центурион Гортензий наконец-то объявит привал, легионерам придется браться за кирки с лопатами и ковырять скованный холодом грунт. Одна мысль об этом ужасала Катона, и он, как это временами бывало и раньше, проклинал тот день и час, когда ему пришлось в голову записаться в солдаты, вместо того чтобы вести себе в Риме нехлопотную и не лишенную приятностей жизнь привилегированного раба из дворца.

И надо же, когда он, уступая воображению, совсем было смежил веки, воображая себя писцом императорской канцелярии, восседающим за уютным письменным столиком возле изящной жаровни, источающей одновременно и свет, и тепло, его резко вернул к неприглядной реальности неожиданный крик. Фигул споткнулся, упал и теперь неловко возился в снегу. Катон, мысленно порадовавшись возможности отключиться от одуряющего однообразия марша, помог бедолаге встать на ноги.

– Собери свои вещи и возвращайся в строй.

Фигул кивнул и склонился к своему скарбу.

– Это еще что за дерьмо, чтоб вам сдохнуть! – проревел подлетевший Гортензий. – Вы кто, солдаты или подзаборные девки? Оптион, это твой остолоп?

– Так точно, командир!

– Тогда почему ты не пнешь его в зад?

– Командир? – Катон покраснел. – Я...

Он поискал глазами шагавшего в колонне Макрона, рассчитывая на его помощь, но бравый центурион по опыту знал, что, если он встрянет, будет лишь хуже, и даже не оглянулся на шум.

– Ты что, не только онемел, но и оглох? – продолжал разоряться Гортензий, буравя взглядом растерявшегося Катона. – В моей когорте покидать строй позволено только мертвым, понятно? Любой другой придурок, посмеявшийся это проделать, пожалеет, что он не мертвец! Уяснил?

– Так точно, командир.

Фигул торопливо набивал свой мешок тем, что вывалилось из него при падении.

– Эй, ты! – обернулся к нему старший центурион. – Я разве велел тебе укладывать свои манатки?

Фигул покачал головой, и в то же мгновение жезл центуриона со звоном обрушился на его шлем.

– Не слышу ответа. У тебя есть язык, идиот? Ну так пусти его в дело!

– Так точно, командир. То есть никак нет, командир. Я не получал приказа укладывать свои манатки.

– То-то же! Подбери щит и копье. Остальное брось. В другой раз ты хорошенько подумаешь, прежде чем ронять что-нибудь на дорогу.

Фигул вспыхнул: приказ был несправедливым и слишком суровым. Ведь замена брошенного имущества обойдется ему в пару месячных выплат. А то и больше, все зависит от казначеев. Им только дай за что-нибудь зацепиться. По крайней мере, так о них говорят.

– Но я очень устал, командир. И ничего не мог с этим поделать.

– Он ничего не мог поделать! – заорал Гортензий. – Ничего, значит? Что за хрень ты несешь?! Еще одно столь же поганое заявление – и ты с перерезанными поджилками останешься здесь на потеху друидам. Мигом марш в строй!

Фигул подхватил свое оружие и, бросив тоскливый взгляд на пожитки, побежал догонять колонну, чтобы занять свое место в Шестой. Отослав рядового, Гортензий опять уставился на Катона, потом наклонился к нему и забубнил, угрожая щерясь:

– Опцион, если мне еще раз придется вмешаться в твои дела, клянусь, я лично изобью тебя до беспамьтства и без малейшего сожаления вышвырну из колонны. Что, по-твоему, подумают остальные солдаты, глядя, как их долбаный командир нянькается со всякими недотепами? Ты и сам не заметишь, как они все начнут ныть, что им плохо. Твоя задача вздрючить их так, чтобы они и думать не смели о какой-то там передышке, так как в нашем положении отдых – это кратчайший путь к смерти. Не смей с ними сюсюкать! Иначе каждый отставший и убитый боец будет на твоей совести. Понял?

– Так точно, командир.

– Я очень надеюсь на это, чтоб мне пропасть. Потому что ежели ты...

– Тревога! Враги! – донесся издали чей-то голос.

От головы колонны мчался конник. Обнаружив Гортензия, он осадил коня. Когорта, не получавшая приказа встать, продолжала движение, но взволнованные криком всадника люди теперь беспокойно озирались по сторонам.

– Где они?

– Впереди, командир. Перекрыли дорогу.

Всадник указал на невысокий, поросший густым лесом холм.

– Сколько их?

– Сотни, командир. На колесницах и в пешем порядке.

– Понятно, – кивнул Гортензий и зычным криком велел когорте остановиться. – Продолжайте вести наблюдение. Если они зашевелиятся, срочно дайте мне знать.

Кавалерист отсалютовал, развернул коня и помчался к смутно различимому авангарду. Снег из-под конских копыт летел в лица замерших в ожидании римлян.

Гортензий сложил ладони ковшом:

– Командиры! Ко мне!

– Вроде темнеет, – пробормотал Катон, с тревогой поглядывая на небо.

Макрон кивнул, но не отвел глаз от вражеских воинов, плотной стеной перегородивших лошину, по которой шла дорога. Что поражало, бритты стояли совершенно недвижно, сохраняя по всему фронту сомкнутый строй – с тяжелой пехотой в центре и легкой на флангах, где также группировались небольшие скопления колесниц.

«Значит, их где-то около тысячи человек, а то и поболее», – прикинул Макрон.

Соотношение сил было явно не в пользу когорты, в которой менее пяти сотен боеспособных бойцов. Причем без кавалерии, та уже ускакала. Гортензий приказал конникам обогнуть неприятеля и во весь опор мчаться за подмогой к легату. Правда, до легиона отсюда миль двадцать, но за ночь разведчики всяко должны их одолеть, если все пойдет хорошо.

Однако помимо численного превосходства противника занявшую оборонительную позицию когорту заботило еще кое-что. В центре образованного ею квадрата сидели на корточках захваченные в поселении пленники, для охраны которых тоже требовалось немало солдат, ибо бритты вели себя беспокойно. Они возбужденно вытягивали шеи, пытаясь увидеть своих соплеменников, норовили привстать и перешептывались, пока их не одергивал резкий окрик или удар ребром щита. Правда, с тем же успехом, с каким можно шумовкой пытаться утихомирить закипающую в котле воду: стоило унять брожение в одной группе, как оно возникало в другой.

– Оптион! – крикнул Гортензий командиру охраны. – Заткни этих ублюдков. Следующего бритта, который разинет пасть, убей на месте.

– Есть, командир.

Оптион обернулся к пленникам и обнажил меч, давая понять, что будет с каждым, кто осмелится издать хоть звук. Его поза была достаточно красноречива, и туземцы, съезжившись, смолкли.

– И что же теперь, интересно бы знать? – пробормотал Макрон.

– Почему они не нападают на нас, командир?

– Не имею представления, Катон. Ни малейшего хренова представления.

Небо темнело, сгущался мрак, а два воинства так и стояли одно против другого, словно выжидая, какое из них первым не выдержит напряжения и либо ринется в лобовую атаку, либо пустится наутек. Даже Макрон, всегда втайне гордившийся своим хладнокровием, вдруг поймав косой взгляд оптиона, с удивлением обнаружил, что барабанит пальцами по верхней кромке щита. Центурион убрал руку, с хрустом зевнул, отчего Катон поморщился, и положил ладонь на рукоять меча.

– Да, сроду не видел ничего подобного, – проговорил Макрон смущенно. – Должно быть, эти хреновы дуротриги обладают куда большей выдержкой, чем прочие кельты, каких я встречал, а может, они еще пуще боятся нас, чем мы их.

– А ты как думаешь, командир?

– Не знаю. Но склоняюсь к тому, что они нас побаиваются.

Пока он произносил это, вражеский строй расступился, пропустив вперед маленькую группу людей. Завидев шлем с разлапистыми рогами и черные одеяния, Катон содрогнулся. Уж не эти ли самые варвары подъезжали недавно к валам римского лагеря и не их ли вождь обезглавил морского префекта? С нарочитой неторопливостью друиды направили коней к римскому строю и спокойно остановили их на расстоянии броска копья. Все замерло: лишь кони слегка перебирали копытами. Потом главный друид поднял руку:

– Римляне! Где ваш вождь?

Он говорил по-латыни, но с сильным кельтским акцентом. Его зычный голос отдался эхом от окаймлявших долину заснеженных склонов.

– Пусть выйдет. Я хочу говорить с ним.

Макрон с Катоном обернулись и посмотрели на старшего командира. Губы того надменно скривились, но, зная, в какой опасности пребывает когорта, старый воин сдержал готовую сорваться с них брань. Он вздернул подбородок, выпрямил спину, а потом вышел из строя и уверенным шагом направился к черным жрецам. Катон обмер от страха. Неужели Гортензий настолько глуп, что собирается разделить участь Максентия? Он, закусив губу, подался вперед.

– Успокойся, малыш, – тихо рыкнул Макрон. – Гортензий знает, что делает. А ты изволь держать свои чувства при себе, чтобы не нервировать девочек.

Кивком головы он указал на ближайших легионеров, и все, кто слышал его, ухмыльнулись. Катон покраснел, замер и сделал вид, что целиком поглощен наблюдением за шагающим к варварам центурионом.

Подойдя к всадникам, Гортензий остановился, расставил ноги и положил руку на эфес меча, после чего стороны вступили в переговоры. Слов на таком удалении было не разобрать, да и разговор оказался коротким.

Всадники остались стоять, где стояли. Гортензий же, отступив на пару шагов, медленно повернулся и твердой походкой направился к своей когорте. Оказавшись внутри обнесенного щитами квадрата, он подозвал командиров. Макрон с Катонем поспешили к нему. Им, как и всем, не терпелось узнать, что же сказали Гортензию самые злобные и непримиримые из британских жрецов.

– Они сказали, что разрешат нам пройти беспрепятственно.

Гортензий помолчал и, с кривой улыбкой оглядев офицеров, добавил:

– Если мы освободим захваченных нами пленников.

– Чепуха. – Макрон сплюнул в снег. – Наверное, они думают, что мы вчера родились.

– Я тоже решил так. И сказал, что могу отпустить их товарищей лишь тогда, когда мы окажемся в лагере нашего легиона. Это не произвело на них впечатления, но они предложили компромисс. Освободить пленников на подступах к лагерю, когда его стены появятся в поле обзора.

Командиры задумались, каждый прикидывал, успеет ли уже не обремененная пленниками когорта добраться до своих прежде, чем бритты нарушат договоренность и попытаются порубить римлян в куски.

– В конце концов, расстаться с пленными – беда небольшая. У нас еще будет много возможностей нахватать новых, – заговорил было кто-то, но смолк, когда Гортензий рассмеялся и покачал головой:

– Беда в том, какую свинью подложил нам ублюдок-грек.

– Командир?

– Им не нужен весь этот жалкий сброд! – Гортензий ткнул пальцем в сторону смиренно сидевших на корточках бриттов. – Они требуют отпустить захваченных в Новиомаге друидов. Тех самых, которых прикончил этот кусок дерьма Диомед.

Глава 15

– Так что возвращайтесь к своим подразделениям, – распорядился спокойно Гортензий. – Велите людям готовиться к наступлению. И ждите сигнала.

Командиры быстрым шагом разошлись по центуриям. Катон бросил взгляд на ожидающих ответа друидов. О, ответ этот будет достойным! Молодой оптион вдруг поймал себя на остром желании прихватить молодцов пошустрей и самолично разделаться с парламентарями, прежде чем те успеют развернуть коней и удрать.

Легионеры, забыв об усталости, внимательно слушали наставления командиров, производивших скорую, но очень тщательную проверку боеготовности подразделений. Даже в угасающем вечернем свете Катон видел, какой решимостью горят глаза солдат, как сноровисто и без лишних движений они подтягивают ремешки шлемов, проверяют надежность щитов, убеждаются, что древки копий не скользят в их ладонях. Нынче им предстояла не бойня, как в разрушенном поселении, а правильное утомительное сражение. Ни одна из сторон не обладает позиционными преимуществами, об эффекте внезапности или прочих тактических ухищрениях, способных повлиять на ход боя, сейчас тоже нет речи. Все решат выучка, дисциплина, добротность снаряжения и отвага. Либо Четвертая когорта Второго римского легиона Августа проложит себе путь сквозь воинство бриттов, либо поляжет, изрубленная в куски.

Шестая центурия, никуда не перемещаясь, образовала левое крыло фронта атаки, Первая, также оставаясь на месте, сделалась его правым крылом, остальные центурии замкнули квадрат с флангов и тыла. Половину резерва пришлось выделить для охраны захваченных дуротригов. Макрон и Катон ждали приказа, стоя в центре первой шеренги. Друиды-парламентареры, похоже, заподозрили что-то неладное: они привставали на стременах, пытаясь поверх стены римских щитов высмотреть своих товарищей. Потом их предводитель подъехал ближе к легионерам, поднес сложенную скобкой ладонь ко рту и крикнул:

– Римляне! Мы ждать больше не можем. Немедленно дайте ответ или умрите.

– Четвертая когорта! – взревел Гортензий. – В атаку, все разом – марш!

Когорта двинулась в наступление. Снег ритмично хрустел под сапогами солдат, неуклонно сближавшихся с безмолвной массой поджидавших их дуротригов. Когда стена римских щитов пришла в движение, друиды развернули коней и галопом поскакали назад – под защиту мечей и копий своих сторонников. Из-под металлического ободка шлема Катон, насупившись, озирал ряды темных фигур, преграждавших римлянам путь к спасению. Его правая рука крепко сжимала рукоять меча, изготовленного для горизонтального колющего удара.

Поначалу весьма удивленные действиями легионеров, друиды через какое-то время опомнились и спешно принялись выкрикивать приказы воинам-дуротригам. Ржали кони, скрипели оси – колесницы начали разворот, чтобы обхватить противника с флангов и ворваться в любой просвет, какой обнаружится в римском квадрате. Грохот колес и маневры громоздких боевых повозок нервировали солдат, хотя Катон убеждал себя, что такой способ ведения боя давно устарел и что страшиться особенно нечего. Пока римляне сплочены, колесницы им неопасны и представляют собой не более чем доуку.

Правда, только пока римляне чувствуют локоть друг друга.

– Держать строй! – крикнул Макрон, когда некоторые из самых нетерпеливых бойцов стали ускорять шаг, опережая товарищей. Окрик подействовал, первая шеренга выровнялась и опять превратилась в сплошную, несокрушимую стену щитов. До дуротригов оставалось не более сотни шагов, и Катон уже различал лица тех, с кем спустя несколько мгновений ему предстояло схватиться. Воины вражеской тяжелой пехоты в большинстве своем были в кольчугах, натянутых поверх ярких туник, из-под их начищенных шлемов свисали косы, лица обрамляли лохматые бороды. Вооружение таких бриттов составляли длинные мечи или копья. Предпола-

галось, что дуротриги разделены на отряды, подчинявшиеся своим командирам, однако, судя по рыхлости построения, эти пытавшиеся сформировать некое подобие правильной армии дикари имели очень слабое представление о боевой выучке и воинской дисциплине.

Внезапно Катон сквозь скрип снега и позвякивание снаряжения уловил странные жужжащие звуки и бросил взгляд на фланги противника, где располагались легковооруженные пехотинцы.

– Пращники! – крикнул кто-то из римлян.

Центурион Гортензий отреагировал незамедлительно:

– Первые два ряда! Щиты вверх и вниз!

Катон мигом перехватил свой щит и опустил его так, чтобы тот защищал ему ноги. Легионер, шедший сзади, тут же прикрыл юношу сверху своим щитом. Этот прием был повторен по всему фронту движущейся когорты, так что она оказалась готовой к обстрелу, который не заставил себя долго ждать. Жужжание раскручиваемых пращей усилилось, а буквально через мгновение по щитам атакующих забарабанил град свинцовых и каменных ядер. Катон вздрогнул, когда такое ядро врезалось в угол его щита. Грохот поднялся адский, словно сотни и сотни молотов разом заколотили по медным болванкам, а крики, взмывшие к облакам, показали, что кое-какие вражеские снаряды нашли-таки цель, но римский строй оставался неколебимым. Места упавших легионеров мгновенно занимали товарищи, бреши тут же затягивались, и наступление продолжалось. Корчившихся на земле раненых, когда передние шеренги перешагивали через них, поднимали и грузили на одну из обозных подвод, с дребезжанием и стуком катившихся в центре квадрата.

Локтях в двадцати от вражеской массы Гортензий приказал когорте остановиться.

– Передние ряды – копья готовь!

Копьеметатели расставили ноги, отвели назад руки и замерли в ожидании очередного приказа.

– Копья – бросай!

В быстро тускнеющем вечернем свете над первыми шеренгами римлян взвилась черная, чуть колеблющаяся завеса и по дуге понеслась к дуротригам. Глухой дробный стук на миг перекрыл даже вопли. Отменно отточенные, с утяжеленными сталью древками, римские метательные копья пробивали щиты, доспехи и пронзали плоть.

– Мечи к бою! – рявкнул, перекрывая все звуки, Гортензий.

Лязгнул металл: по всему периметру строя легионеры выхватили из ножен клинки, обратив острия в сторону неприятеля. И почти тут же за спинами дуротригов хрипло провыли боевые рога. Масса варваров колыхнулась и с диким ревом устремилась вперед.

– В атаку! – выкрикнул Гортензий, и римляне, смякая щиты, возобновили движение.

Теперь сближение шло стремительно, но для Катона, сердце которого отчаянно колотилось, время замедлило ход, предоставляя его живому воображению возможность нарисовать десятки картин собственной жуткой гибели от руки одного из тех свирепых воинов, чьи искаженные яростью лица внушали ему дикий страх. Но когда это леденящее кровь чувство заполнило юношу до краев, оно вдруг перестало терзать его и сменилось холодной решимостью крушить на своем пути все и вся.

В то же мгновение шеренги столкнулись с раскатистым лязгом копий, мечей и щитов, напоминавшим грохот гигантской волны, набегающей на скалистое побережье. Катон резким движением вбил свой крепкий щит в толпу варваров, ощутил ответный толчок, устоял, а варвар, с которым он сшибся, охнув, открыл рот, чтобы возместить потерю выбитого из легких воздуха. Но не успел: сосед юноши по шеренге вогнал дикарю под мышку клинок, и тот рухнул наземь. Катон пнул поверженного врага сапогом и в свою очередь сделал выпад, целясь мечом в незащищенную грудь бритта, занесшего над головой Макрона топор. Варвар, однако, заметил угрозу и отпрянул, так что клинок Катона лишь рассек ему мышцы плеча. Бритт был муже-

ственным бойцом, он не издал ни звука. Ни в тот миг, когда кровь из распоротого плеча залила его грудь, ни даже тогда, когда Макрон вогнал ему меч в живот с такой силой, что кровавое острие высунулось из зада. На лице бритта застыло невыразимое изумление, и он упал на окровавленный снег, уже успевший принять немало его товарищей, как раненых, так и мертвых.

– Наседайте, парни! – крикнул Катон. – Навязывайте ближний бой, не давайте им оторваться!

Макрон одобрительно улыбнулся. Наконец-то его опцион ведет себя в битве как полагается. Уже не стесняется приободрять и бывалых вояк, даром что те сами знают, что делать. К тому же малыш теперь тоже знает, что сражающейся когорте полезно, что нет, и всемерно старается поддержать должный порядок.

Однако тяжеловооруженные бритты все продолжали обрушиваться на римлян с той фанатичной, противоречащей любой логике яростью, природы которой Катон никак не мог постичь. С флангов же на римский квадрат волна за волной накидывались легковооруженные, подзуживаемые друидами пехотинцы. Жрецы в черных одеяниях сами в бой не рвались, но, держась за спинами соотечественников, всю проклинали захватчиков и призывали сынов британской земли сокрушить и прогнать за море чужаков, оскверняющих ее просторы своими орлами. Но ни религиозный пыл, ни слепая отвага не могли защитить не прикрытый доспехами торс. Легковооруженные варвары дрались героически и тем не менее гибли под беспощадными ударами римских мечей.

Наконец, после того как стало окончательно ясно, что дуротриги не в состоянии провать римский строй и что их отчаянные усилия переломить ситуацию приводят лишь ко все большему нагромождению трупов, варвары, уворачиваясь от коротких клинков, стремительно вылетающих из-за щитов, почти полностью прикрывавших неуязвимых легионеров, начали отходить.

– Они дрогнули! – взревел Макрон. – Не расслабляться! Не давать им опомниться!

Мужества дуротригам было не занимать, но им противостояло регулярное войско, хорошо вымуштрованное и действующее как один человек. Они словно бы дрались не с людьми, а с огромным бесчувственным боевым механизмом, изначально задуманным и изготовленным исключительно для войны. Тот неуклонно катил и катил к своей цели, безжалостно подминая под себя всех, кто оказывался у него на пути.

По мере того как когорта усиливала напор, впереди и вокруг нее все чаще вместо боевых кличей в воздух взмывали вопли ужаса и отчаяния. Дикари уже не видели смысла в том, чтобы попусту бросаться на щиты и мечи римлян. Первые ряды дуротригов попятились, вынудив отступить остальных. Сначала это делалось, чтобы не создавать толчеи, потом как-то незаметно процесс стал обвальным. Бритты десятками, а затем сотнями принялись разворачиваться и разбегаться.

– Не останавливаться! – взревел Гортензий из первой шеренги. – Продолжать наступление! Если мы остановимся, нам конец! Вперед!

Менее опытный командир, воодушевленный тем, что сумел обратить в бегство превосходящие силы противника и заставил его понести потери, намного превышавшие собственные, наверняка велел бы отряду встать лагерем, сочтя дело законченным. Но Гортензий был старым воякой, и стена щитов продолжала движение, разя каждого, оказавшегося в зоне досягаемости, жалами коротких мечей. Когорту сковывала воедино железная дисциплина; и какие бы чувства ни испытывал каждый легионер, в бою он руководствовался не ими, а полученными приказами. Чуть задержавшись, чтобы подровнять шеренги, римляне размеренным шагом углублялись все дальше в холмы.

Солнце опустилось за горизонт, сумерки придали снегу голубоватый оттенок. Склоны по обе стороны от долины были усеяны дуротригами, ошеломленно взиравшими на строй чужа-

ков. Однако варвары понемногу начинали приходить в себя. Звучали рога, вожди и друиды собирали своих людей.

– Не расхолаживаться! – приказал Макрон. – Не сбавлять темпа!

Первые заново сколоченные вражеские подразделения, скользя тенями по снежным полям вдоль дороги, с легкостью обгоняли квадрат, поскольку римляне двигались медленней, чем в походном порядке. Этим отрядам становилось все больше, варвары поторапливались, явно готовя римлянам новый сюрприз. Численное превосходство по-прежнему оставалось за дуротригами, однако, как полагал Катон, поскольку оно им ничего не давало, от них теперь следовало ожидать лишь каких-то тактических каверз. И это радовало, так как, по общему солдатскому мнению, в тактике эти тупые мужланы не смыслили ничего.

Ночные переходы и сами-то по себе неприятны, а в боевой обстановке – вдвойне. Каждый неверный шаг одного человека может привести к гибели многих, а едва различимая во тьме земля таит великое множество разнообразных ловушек для солдатских натруженных ног. Вовремя не замеченная кроличья или барсучья нора, например, грозит вывихом, а то и нештучным переломом, любая, пусть даже и совсем мелкая, кочка более чем способна спутать ряды и внести сумятицу в марш. Так что командирам приходится в оба глаза следить за своими легионерами, одних придерживая, других подгоняя, а кое-кого вообще тыча носом в каждый появляющийся на пути бугорок.

Катон покачал головой, наклонился, хватанул с земли горстку снега и протер им лицо, радуясь бодрящему ледяному пощипыванию. Освежившись, он спешно вернулся к Макрону, отчаянно стыдясь своей слабости. Даже теряющему последние остатки сил командиру негоже показывать подчиненным, что и он тоже предельно измотан.

«Этого никогда больше не повторится», – заверил мысленно убегающую в ночную даль дорогу Катон и вновь заставил себя сосредоточиться на своих обязанностях, так как когорта продолжала неудержимо продвигаться вперед. Какое-то время он держал общий шаг, потом опять побежал вдоль темных солдатских рядов, свистящим шепотом подбадривая уставших и поторапливая отстающих.

Где-то к концу четвертого часа мерного безостановочного движения молодой опцион осознал, что долина сужается. Темные склоны обступавших дорогу холмов вздымались все круче.

– Что это? – спросил вдруг Макрон. – Там, впереди? У тебя глаза помоложе. Как думаешь?

Действительно, в конце узкого снежного языка, по которому пролегала тропа, угадывалось какое-то шевеление, а когда Катон напряг зрение, пытаясь разобрать, что там творится, морозный ночной воздух наполнился уже знакомым жужжанием.

– Поднять щиты!

Практически одновременно с этой командой из темноты вылетел рой пущенных пращниками снарядов. Правда, эффективность удара была невысокой: большая часть увесистых ядер пронеслась над когортой или зарылась в землю, не долетев до нее. Но кого-то залп все же задел, о том дали знать крики раненых.

– Когорта, стой! – крикнул Гортензий.

Когорта остановилась, и, когда на легионеров обрушился новый залп, все они уже были надежно укрыты щитами. В результате снаряды нанесли ущерб главным образом не солдатам, а пленникам, сгрудившимся в центре квадрата.

– Мечи к бою!

За приказом последовал лязг клинков. Затем когорта опять замерла.

– В атаку – марш!

Темная масса качнулась и пришла в движение, а через некоторое время Катон уже мог без труда различить, какой сюрприз приготовили римлянам дикари. Дуротриги перегородили

сильно сузившуюся в том месте долину сплошным завалом из срубленных стволов, кустов и веток, за которым так и кишела темная варварская орда. Залпами пращники больше не били: обстрел сделался беспорядочным, но непрерывным. Приняв на щит пару ядер, Катон пригнулся пониже, оставив над металлической кромкой только шлем и глаза. Когорта неумолимо приближалась к завалу, но по мере сокращения расстояния возрастала и эффективность стрельбы. Пращники, получившие замечательную возможность продемонстрировать свою меткость, разили чужаков до тех пор, пока первая шеренга квадрата не уткнулась в нагромождение ветвей и корней. Лишь тогда дуротриги прекратили обстрел и с оглушительными боевыми кличами принялись рьяно размахивать длинными копьями и мечами, явно намереваясь пустить их в скором времени в ход.

– Стой! Разобрать заграждение! – выкрикнул Макрон. – Передать приказ по линии! – добавил он, понимая, что даже его луженая глотка не в состоянии перекрыть поднявшийся шум.

Легионеры, вложив мечи в ножны, с невозмутимостью привычных к любым работам людей начали растаскивать баррикаду, но тут за их спинами раздался дикий многоголосый рев. Обернувшись, Катон увидел, что к арьергардным шеренгам когорты по занесенному снегом пространству катится темный вал. Гортензий, увидевший то же самое, не моргнув глазом велел последним центуриям развернуться и встретить врага.

– Ловушка что надо! – прорычал Макрон, выдрав из заграждения разлапистую толстую ветку. Он с отвращением сунул свою добычу легионерам, топтавшимся сзади. – Выбросьте поскорее куда-нибудь эту дрянь!

Когда дуротриги обрушились на тыловые подразделения римлян, легионеры передних шеренг взялись за дело с утроенным рвением, хорошо понимая, что, если когорта не сможет двинуться дальше, ее просто раздавят, а потом уничтожат. Мало-помалу завал поддавался, вскоре в нем появились бреши, в которые можно было протиснуться. Макрон, правда, отдал приказ никому без сигнала никуда не соваться, а вот дуротригов никто в этом смысле не остерег. Как только просветы расширились, варвары ринулись в бой. Безрассудство дорого обошлось храбрецам: едва добравшись до римлян, все они легли под ударами мечей, и если чего и добились, то лишь некоторого замедления работ по растаскиванию засеки. Наконец образовались коридоры, достаточно широкие, чтобы по ним плечо к плечу могли пройти несколько человек, и Макрон велел людям строиться.

– Катон! Ступай на левый фланг, будешь командовать там. Когда я отдам приказ, иди на прорыв, а на той стороне, как только сможешь, разворачивай людей в шеренгу. Понял?

– Так точно, командир!

– Двигай!

Опцион протолкался за спины товарищей и побежал к левой части завала, где снова пробрался вперед. Высмотрев брешь пошире, он стал формировать штурмовую колонну.

– Ко мне, парни! Живенько строимся друг за другом и ждем команды центуриона!

Легионеры подтянулись к своему опциону и сомкнули щиты, тем самым максимально обезопасив себя от наскоков противника. Обнажив мечи, они замерли, ожидая, когда над воплями дуротригов взметнется зычный голос Макрона.

– Шестая центурия!

Крик был еле слышен, он словно бы доносился издалека.

– В атаку!

– Слушай мою команду! – подхватил Катон. – Разом, дружно – на штурм!

Вывесив на руке щит, чтобы тот мог пружинить, и убедившись, что все в шеренге сделали то же, Катон двинулся сквозь завал. Это оказалось совсем не простым делом. Хотя самые большие стволы и коряги убрали, земля под ногами была устелена толстым слоем ветвей и сучков, ступать по которым следовало с большой осторожностью. Как только дуротриги сооб-

разили, что римляне идут на прорыв, их дикие крики слились в яростный вой и они бросились навстречу легионерам. Катон почувствовал, как кто-то налетел на его щит. Он наугад послал во мрак меч, попал и тут же отдернул клинок, чтобы нанести новый удар. Его товарищи были заняты той же работой. По всей длине заграждения римляне прорывались сквозь бреши и вклинивались в темную массу бриттов, напиравшую с той стороны.

Предводители дуротригов, видимо слишком уж понадеявшиеся на меткость своих пращников и прочность завала, разместили за нагромождениями стволов одних только легковооруженных бойцов, тогда как тяжелая их пехота атаковала римский строй с тыла. Поэтому вряд ли стоило удивляться, что защищенные надежными доспехами римляне без большого труда разметали первые ряды перекрывавшего им дорогу заслона, на ходу перестраиваясь из штурмовых колонн в боевые шеренги. Ничем не защищаемые, кроме своих мечей, дуротриги при всей их отчаянной смелости не могли воспрепятствовать осуществлению этого маневра. Очень скоро прорвавшиеся в разных местах римские подразделения сомкнулись флангами и образовали сплошной атакующий фронт по ту сторону баррикады. Бритты, уже имевшие дело со смертоносной неодолимостью римского строя, вмиг прекратили сопротивление и ударились в бегство.

Глядя им вслед, Катон опустил меч и вдруг поймал себя на том, что весь дрожит мелкой дрожью. То ли от страха, то ли от крайней усталости – этого он уже не знал. При этом его рука стиснула рукоять меча так, что пальцам сделалось больно, но ослабить хватку удалось лишь усилием воли. Потом к нему вернулась способность более четко воспринимать окружающее, и он увидел, что перед прорвавшимися сквозь заграждение легионерами образовался новый завал – из вражеских тел. Некоторые варвары еще корчились и кричали.

– Первая и Шестая центурии! – прозвучал громовой голос Гортензия. – Продолжить движение еще на сто шагов! Еще сто шагов, и всем встать!

Линия римлян переместилась чуть дальше, фланговые центурии боевого квадрата и обозные подводы втянулись в проемы, за ними прогнали, как стадо, внушительную толпу пленных, в результате чего на почти оголенной стороне завала остались лишь две тыловые центурии, медленно отходившие под натиском дуротригов. Как только Шестая остановилась, Макрон велел Катону по-шуструму пересчитать личный состав.

– Ну что?

– Насколько могу судить, командир, мы потеряли четырнадцать человек.

– Ладно, – кивнул Макрон, опасавшийся, что потери окажутся куда более ощутимыми. – Ступай, доложи Гортензию.

– Есть, командир.

Отыскать Гортензия не составило никакого труда. Пусть его голос от крайней усталости и осип, однако властной раскатистости он ничуть не утратил. Выслушав доклад, Гортензий мысленно что-то прикинул.

– Значит, мы потеряли около полусотни солдат, и это без учета потерь арьергарда. Сколько еще до рассвета, как думаешь?

Катон попытался сосредоточиться.

– Мне кажется, часов пять.

– Плохо. Каждый меч будет нужен. Значит, пора ставить в строй караул.

Старший центурион насутился, всем своим видом показывая, что выбора у него нет.

– Нам придется избавиться от захваченных дуротригов, – произнес он с нескрываемой горечью.

– Командир?

– Отправляйся обратно к Макрону. Передай, что ему или тем, кого он назначит, вменяется в обязанность перебить пленных. Тела пусть бросят вперемешку с телами их соплеменни-

ков, убитых в бою. Сейчас не тот момент, чтобы лишний раз злобить варваров. Чего ты ждешь, парень? Ступай!

Катон отсалютовал и побежал обратно к центурии. Когда он огибал толпу жалких, трясущихся, перепуганных дикарей, его чуть было не стошнило, и он выругал себя за дурацкую, позорящую солдата чувствительность. Ведь разве не эти самые варвары беспощадно казнили всех бедолаг, имевших несчастье попасться им в лапы? Причем не просто казнили, а подвергали ужасным мучениям, видимо наслаждаясь страданиями своих жертв.

Лицо мальчика с льняными волосами и невидящими, широко распахнутыми глазами, валявшегося поверх груды изрубленных тел, снова всплыло перед его мысленным взором, и у него защипало в глазах. Однако слезы эти породила теперь не праведная, взывающая к отмщению ярость, а глубокая, невесть откуда пришедшая, но целиком охватившая его душу печаль. Казалось, еще недавно он желал смерти всем, сколько бы их там ни было, дуротригам, однако едва речь зашла о необходимости хладнокровно расправиться с горсткой захваченных в плен дикарей, как что-то внутри его, вопреки логике, заставило его считать это отвратительным, недостойным деянием.

Макрон, выслушав приказ, тоже заколебался:

– Перебить пленных?

– Так точно, командир. Прямо сейчас.

– Понятно.

Подавленный вид опциона не укрылся от ветерана, и он мигом принял единственно правильное решение:

– Я сам займусь этим. А ты оставайся здесь. Следи за порядком и смотри в оба. Не ровен час, эти туземцы по своей тупости опять решат намять нам бока.

Катон прилежно уставился в пространство, где царствовали мрак и сплошь истоптанный дуротригами снег, а когда сзади послышались жалобные молящие вопли, постарался выбросить эти звуки из головы.

– Смотреть по фронту! – крикнул он тем из солдат, которые было дернулись поглазеть на затеянную за их спинами кутерьму.

Наконец стоны и вопли утихли, после чего опять стал слышен шум боя, который вели тыловые подразделения. Молодой опцион стойко ожидал новых распоряжений, оцепеневший, продрогший, раздавленный бременем сопричастности к кровопролитию, только что совершенному по приказу старшего офицера. Хотя эта мера, вне всяких сомнений, повышала боеспособность когорты, а значит, и ее шансы спастись, и хотя все участники беспрецедентной расправы над жителями Новиомага, безусловно, заслуживали любой мыслимой кары, хладнокровное убийство безоружных людей все равно казалось ему чем-то не имеющим оправдания.

Макрон, неуклюже протиснувшись в первую шеренгу Шестой, с угрюмым видом встал рядом с Катоном, и юноша украдкой бросил на него вопросительный взгляд. За время службы он неплохо изучил своего командира, научился ценить его как солдата и, что, быть может, важнее, как прямодушного и порядочного человека. Конечно, Катон и мысленно не решился бы назвать такого бравого и бывалого воина своим другом, но отношения между ними определенно выходили за рамки служебных. То были отношения близких людей, где старший опекает того, кто помладше, а младший с готовностью смотрит на старшего снизу вверх. Катон знал, что Макрон не без гордости отмечает про себя даже самые малые его достижения в освоении воинского ремесла.

Самому же Катону Макрон казался воплощением всех тех воинских и человеческих качеств, какие он лично всемерно стремился приобрести. Центурион жил в ладу с собой. Он был солдатом до мозга костей и не имел никаких прочих амбиций. Кроме того, у него напрочь отсутствовала склонность к мучительному самокопанию, так портившая жизнь юнцу, выросшему при римском дворе. Образование, полученное там Катоном, не годилось для службы в

армии. Совершенно не годилось. Почерпнутое у Вергилия возвышенное представление о благородной миссии Рима, призванного цивилизовать весь мир, плохо вязалось с ужасами бесконечных сражений или хотя бы с этой вот кошмарной логикой ночного боя, диктовавшей необходимость убийства сотни беспомощных пленных.

– Такое бывает, парень, – словно заглянув в его мысли, промолвил негромко Макрон. – Бывает. Мы делаем то, что должны, если хотим победить. Мы делаем то, что должны, чтобы увидеть свет нового дня. Но от этого нам не легче.

Катон уставился на центуриона, потом неуверенно кивнул.

– Когорта! – гаркнул сзади Гортензий. – Вперед!

Арьергард римлян прошел сквозь завал, и теперь боевой квадрат был опять полностью сформирован. До этого мига тяжелая пехота бриттов яростно наседала на чужеземных захватчиков с тыла, но, когда стало ясно, что те вырвались из ловушки, боевой пыл дуротригов угас. Они ослабили натиск, а потом и вовсе покинули поле боя, уныло глядя, как неприятель возобновляет движение. Когорта выглядела отменно, она, казалось, не потерпела никакого ущерба, а потери варваров, судя по валявшимся на земле трупам, были огромны. Однако ночь еще длилась и вплоть до первых проблесков утра оставляла им шанс сравнять счет.

Когорта двигалась в ночном мраке, со всех сторон прикрывая обоз. Подводы отчаянно трясло на ухабах, и раненые непрерывно стонали, раздражая своих еле переставлявших ноги товарищей, которым тоже приходилось несладко. Легионеры напрягали последние силы и слух, боясь проворонить вражескую атаку, однако все эти стенания, крики и жалобы, обильно сдобренные громоподобием колес, могли заглушить что угодно. Дуротриги стычек не затевали, но неотступно сопровождали медленно перемещающийся периметр. Из темноты то и дело летели камни и ядра. По большей части они отскакивали от щитов, и все же некоторые снаряды находили меж ними просветы. Каждое точное попадание выводило из строя бойца. Ряды римлян смыкались, затягивая бреши, но вместе с тем ужимался и сам квадрат. Мало-помалу число боеспособных римских солдат сокращалось, причем способствовали тому не единственно пращники. Колесницы, на которые легионерам вечером довелось только глянуть, теперь тоже периодически подъезжали к когорте, возвещая о своем приближении леденящим кровь грохотом и градом копий, чьи листовидные наконечники наносили подчас куда более страшные раны, чем ядра.

Все это время центурион Гортензий не умолкал, подбадривая легионеров то шуткой, то окриком, громогласно грозя самыми жуткими карами совсем обессилевшим рядовым, но обещая чины и награды самым упорным и стойким. Когда дуротриги, передразнивая его, принимались поносить из тьмы римлян, старый вояка не оставался в долгу, отвечая туземцам отборной затейливой бранью. Наконец небо на востоке начало понемногу светлеть, свидетельствуя о приближении утра.

Измученному Катону на миг даже показалось, будто полоску рассвета вытянуло из-за горизонта страшное напряжение сотен человеческих взглядов, с мольбой и надеждой пытавшихся разогнать ночной мрак. Тьма вокруг римского строя редела, распадалась на тени, в которых проступали фигуры сопровождавших когорту врагов. Римляне были вымотаны, истомлены, однако их боевой порядок оставался незыблемым, и в случае новой атаки у них имелись все шансы опять дать противнику достойный отпор.

Дорога впереди стала подниматься к невысокому гребню, и, когда первые шеренги квадрата перевалили через него, Катон, приглядевшись, увидел вдали аккуратные очертания земляных валов укрепленного римского лагеря. До него было не более пяти миль. Над тонкой темной линией частокола висела грязно-коричневая пелена дыма костров, и только тут юноша понял, как он проголодался.

– Уже недалеко, парни! – крикнул Макрон. – Похоже, мы придем к завтраку!

Но не успел он это сказать, как дуротриги зашевелились, стягивая все свои силы в единый кулак. Враг, которому каким-то чудом удалось продержаться всю ночь, мог ускользнуть, и у них оставалась единственная возможность разгромить его, жестоко отомстив за своих соплеменников, чьи тела валялись повсюду вдоль пройденного Четвертой когортой пути.

Глава 16

– Говоришь, вы выехали вчера, во второй половине дня?

Веспасиан, выслушавший доклад только что прибывшего декуриона, поднял бровь.

– Так точно, командир, – ответил декурион. – Ближе к сумеркам.

– Тогда почему же ты столько времени сюда добирался?

Декурион смущенно откашлялся:

– Прошу прощения, командир. Поначалу нам все казалось, что мы скачем в самую гущу врага. Эти варвары были повсюду: всадники, колесницы, пехота... Они так и кишели вокруг! Приходилось маневрировать, менять направление, чтобы не обнаружить себя, а в результате я заблудился, и мне пришлось выбирать, положившись на интуицию. Оказалось, что мы сильно уклонились к востоку, но это выяснилось лишь с зарей. Ну а уж завидев Каллеву, мы понеслись сломя голову.

– Ясно.

Веспасиан внимательно взгляделся в лицо офицера, пытаясь понять, не хитрит ли тот с ним. Труса, способного ради собственной безопасности поставить жизни товарищей под угрозу, он не простил бы. Однако покрытый грязью и явно предельно измотанный длительной скачкой декурион держался с достоинством и глаз не прятал, хотя давалось ему это с трудом. Повисло тягостное молчание, которое нарушил Веспасиан. Он спросил:

– Какова численность дуротригов?

Ему было приятно отметить, что декурион помедлил с ответом. Хотя мог бы отделаться первой пришедшей в голову цифрой и отправиться спать.

– Их где-то две тысячи... может быть, даже две с половиной, но никак не более, командир. Примерно четверть из них – тяжеловооруженные пехотинцы, остальные – голь без маломальски надежных доспехов. Есть там, правда, пращники, есть колесницы – десятка, наверное, три. Это все, что я видел сам, командир. Но за ночь могли подтянуться и новые силы.

– Это мы скоро выясним. – Веспасиан кивнул в сторону выхода из шатра. – Ты и твои люди свободны. Позаботься о том, чтобы все они были накормлены и могли отдохнуть.

Декурион отсалютовал, сноровисто повернулся и твердой поступью отошел от письменного стола. Веспасиан, возвысив голос, кликнул к себе штабного дежурного, и в шатер тут же влетел щеголеватый младший трибун. Будучи отпрыском знатного рода, юный Камилл исправно нес службу, но отличался заносчивостью и легкомыслием. На ходу опираясь на новехонькую дорожную тунику, он нагло оттолкнул командира кавалеристов.

– Трибун! – рявкнул Веспасиан.

И декурион, и трибун вздрогнули.

– Кто позволил тебе столь неподобающе вести себя с товарищами по оружию?

– Командир, я просто торопился и впопыхах...

– Довольно! Если подобное повторится, я велю этому храброму и столь великодушно не заметившему твоей выходки декуриону взять тебя с собой в патрулирование, о котором, клянусь, ты забудешь не скоро.

Декурион ухмыльнулся при мысли о том, во что превратится холеный аристократический зад после контакта с грубым кавалерийским седлом. Все еще улыбаясь, он покинул шатер и направился к своим людям.

– Трибун, объяви боевую тревогу. Первой, Второй и Третьей когорте вели приготовиться к срочному выступлению. Остальных пусть выведут на валы. Операция предполагается ближняя, так что пайков и поклажи не брать. Колонну формировать сразу по выходу из южных ворот. Да поживее, ясно?

– Так точно, командир.

– Тогда будь любезен, займись этим.

Молодой человек ринулся к выходу.

– Трибун! – крикнул Веспасиан ему вслед.

Трибун повернулся и с немалым для себя удивлением натолкнулся на очень твердый и чуть иронический взгляд.

– Квинт Камилл, постарайся выполнять свои обязанности несуетливо, без спешки. Вот увидишь, это сразу внесет нужный тон в твои отношения с боевыми товарищами и, что существенней, с подчиненными. Никому ведь не хочется думать, что его судьба вверена школяру-переростку.

Юноша вспыхнул, однако сумел справиться с растерянностью и гневом. Веспасиан кивком указал на выход, и трибун, развернувшись на каблуках, четким шагом покинул шатер.

Молодой Камилл получил суровую отповедь, но это заставит его вести себя поскромней. Что немаловажно, так как рядовые легионеры поглядывают с презрением на таких вот хлыщей, для которых армейская служба является лишь ступенькой к дальнейшей карьере. Мальчишеское высокомерие отпрысков знатных фамилий раздражает солдат. Именно оно, если копнуть глубже, во многом и формирует нелестное отношение армии к высшим слоям римского общества. Социальные перепады в военной среде вообще порождают уйму проблем, без дела усугублять их не стоит. Хуже нет – вести в бой недовольных тобою людей. Камиллу придется весьма постараться, чтобы завоевать их доверие.

Мысли Веспасиана опять вернулись к вопросу, который его занимал до того, как ему доложили о затруднительном положении Четвертой когорты. По-прежнему не было отклика на послание, отправленное Авлу Плавту. Конечно, в нынешнее межсезонье да по здешним дорогам до Камулодунума быстро не доскакать, но прошли уже все разумные сроки.

«Еще один день, – решил он. – Если наутро ответа не будет, придется слать к генералу другого гонца».

Тем временем прозвучал сигнал общего сбора, легионеры, ворча, выбирались из своих палаток, натягивали доспехи, расхватывали оружие. В римских лагерях все привыкли мгновенно реагировать на зов трубы, и легат не был тут исключением.

Он хлопнул в ладоши и велел рабу подавать одеваться.

Взбираясь по лестницам южной сторожевой вышки, Веспасиан поневоле получил лишнее доказательство, что он в последнее время находится не в лучшей физической форме. Выбравшись из люка на дощатый помост, легат, тяжело дыша, привалился к поручню смотровой площадки. Зря все-таки он надел панцирь: тяжесть посеребренной бронзы вытянула из него последние силы. Нет, писанина и сидячая жизнь – это суцая гибель, особенно для человека в годах. В свои тридцать пять Веспасиан уже относил себя к людям пожившим и вполне был готов предпочесть домашний уют тяготам походного быта. Обязательный срок службы его истекал в следующем году, и перспектива возможного возвращения в Рим представлялась ему весьма заманчивой. Да что там в Рим! Просто ради того, чтобы убраться с этого сырого, туманного острова, было не жалко, кажется, отдать руку. Правда, бритты, с какими ему доводилось встречаться в Камулодунуме или где-то еще, никогда не выказывали ни малейшего недовольства промозглым климатом своей угрюмой страны.

«Должно быть, мозги у них тоже промокли», – с кривой усмешкой подумал Веспасиан.

Он тряхнул головой, прогнал лишние мысли и целиком сосредоточился на том, что происходило внизу. Массивные створки ворот были распахнуты, и в открытый проем тяжело вступала Первая когорта, за которой, печатая шаг, двигались еще два таких же подразделения. Общая численность подкрепления составляла почти две тысячи человек, и Веспасиан был уверен, что этих сил с лихвой хватит, чтобы отпугнуть дуротригов, тучей роившихся сейчас вокруг Четвертой когорты, занимавшей господствующую позицию на вершине дальнего, осве-

ценного утренним солнцем холма. Правда, холм этот находился примерно в трех милях от лагеря, и подмога могла подоспеть туда не раньше чем через час. Значит, еще примерно с час Четвертой придется отбиваться от варваров самостоятельно.

Вообще говоря, Веспасиан был доволен тем, как складываются обстоятельства. Друиды сами услужливо перебросили свое кровожадное воинство от границ страны атребатов ему прямо под нос, избавив римлян от необходимости расплытаться, выслеживая мелкие разбойничьи шайки. У него же лично, как у легата боевого прославленного легиона, появлялась прекрасная возможность прихлопнуть значительную часть врагов одним махом. Если сегодня и впрямь удастся их разгромить, можно будет считать, что предстоящей кампании положено неплохое начало.

Поскрипывание ступеней заставило его повернуть голову. Через люк протискивался рослый, широкоплечий префект лагеря. Седовласый, с лицом, рассеченным синева-багровым, тянущимся ото лба к щеке шрамом, этот отважный и многоопытный ветеран был первым по старшинству среди офицеров Второго, и в случае гибели или временного отсутствия Веспасиана именно ему предстояло принять на себя командование легионом.

– Доброе утро, Секст. Пришел полюбоваться на драчку?

– Конечно, командир. Как дела у парней из Четвертой?

– Неплохо. Строй держат и худо-бедно движутся к нам. Пока я доберусь до них с подкреплением, наверное, они сами закончат все?

– Может быть. – Секст пожал плечами и прищурился, глядя на дальний бой. – А ты уверен, командир, что тебе так уж позарез нужно самому вести туда вспомогательную колонну?

– Ты думаешь, в этом нет великой необходимости?

– Откровенно говоря, командир, думаю, что нет. Легату положено заботиться обо всем легионе, а не отгонять подстерегших отдельных солдат дикарей.

– Ага, – усмехнулся Веспасиан. – А варваров гонять – это, конечно, твоя работа.

– Так точно, командир. По большей части.

– Может быть, но мне, знаешь ли, нужно размяться. А тебе это ни к чему. Так что, будь добр, пригляди здесь с часок за делами. Я постараюсь не очень-то наумудрить с твоими любимчиками.

Они посмеялись. По традиции должность префекта лагеря во всех римских легионах всегда доставалась старшим центурионам Первых когорт. Никто, разумеется, никогда бы не вздумал винить пошедшего на повышение командира в особом пристрастии к своему бывшему подразделению, но шуточки на этот счет так и сыпались, да и как могло быть иначе?

Веспасиан повернулся и, с нарочитой молодцеватостью скользнув в люк, спустился к воротам. Внизу личный раб-оруженосец аккуратно надел на него шлем и осторожно защелкнул под подбородком застёжки. Мимо маршировали легионеры Третьей когорты, проходя за ворота, они присоединялись к колонне, уже выстроившейся снаружи. Возможность повести людей в бой, чтобы выручить попавших в трудное положение соотечественников, приятно горячила кровь. После долгого, скучного зимнего прозябания и бесконечной возни с канцелярщиной ему наконец выпал случай заняться настоящей солдатской работой.

Веспасиан покорно позволил рабу нацепить поверх панциря красную ленту, затем повернулся и решительно зашагал прочь из лагеря, чтобы занять свое место во главе колонны. Но не успел он дойти до выхода из ворот, как пронзительный крик с верхушки сторожевой башни остановил его.

– С северо-востока приближаются всадники.

– И что же мне теперь делать? – пробормотал Веспасиан, сердито хватив себя кулаком по бедру.

Через проем в оборонительной насыпи хорошо были видны три когорты, готовые быстрым маршем отправиться к дальним холмам, где отбивали наскоки противника утомленные

легионеры Четвертой когорты. Больше всего на свете Веспасиану хотелось сейчас устремиться туда, но он, как легат, не имел права оставить легион, не удостоверившись в том, что замеченные на севере люди не представляют угрозы. Однако любое промедление с выступлением могло дорого обойтись. Помощь следовало отправить не мешкая, а значит, вести колонну на выручку должен другой командир.

Легат поднял глаза:

– Эй, префект!

Над частоколом появилось темное на фоне посветлевшего неба лицо ветерана.

– Принимай командование.

Пока Веспасиан бежал, поторапливаясь, через лагерь и взбирался на северную дозорную вышку, он снова отчаянно запыхался. Крепко вцепившись в жердь ограждения, легат окинул взглядом колонну, двигавшуюся по холмистой равнине к темневшей вдалеке массе крохотных людских фигурок. В том, что операция по спасению Четвертой когорты пройдет быстро, слаженно и без лишних потерь, можно было не сомневаться. Как правило, префектами лагерей становились матерые опытные вояки, уже не обуреваемые неодолимым стремлением к славе, каким охвачена молодая командная поросль, вполне способная и в простом деле наломать кучу дров. По правде сказать, под рукой Секста у парней, отправившихся выручать сослуживцев, куда больше шансов вернуться живыми, чем если бы даже их вел сам легат. Столь самокритичное соображение делало Веспасиану честь, однако ничуть не умаляло его раздражения. Человеку, настроившемуся на что-то, весьма трудно менять свои планы, хотя он и понимает, что огорчаться по мелочам просто глупо.

Несколько отдышавшись, Веспасиан повернулся и подошел к часовому, весьма прилежно следившему за северными подходами к валу.

– Ну и где твои хреновы всадники?

– Сейчас их не видать, командир, – торопливо ответил часовой, опасаясь, как бы легат не подумал, будто его потревожили зря. – Они спустились в лощину. Вон там. Только что. И могут в любой момент показаться.

Веспасиан посмотрел туда, где примерно в миле от лагеря тянулась узкая извилистая долина, однако единственным признаком наличия жизни в той стороне были дымки, поднимавшиеся над соломенными кровлями кучки хижин. Время шло, молчание затягивалось, всадники в поле обзора не объявлялись, и часовой начал нервничать.

– Сколько их было?

– Десятка три или около того, командир.

– Наши?

– Не разобрал, командир. Слишком уж велико расстояние. Но плащи у них вроде бы красные.

– Вроде бы?

Веспасиан повернулся к легионеру, с виду не новобранцу, а бывалому солдату, прослужившему под орлами достаточно, чтобы знать, что дозорный должен излагать только факты, а не свои догадки и домыслы. Караульный замер под взглядом легата, и у него хватило ума воздержаться от дополнений. Веспасиан, у которого внутри все кипело, тоже молчал, мысленно успокаивая себя. Да, теперь совершенно ясно, что его неизвестно зачем выдернули на северный вал. Знай он раньше, что дело пустяшное, то, разумеется, поручил бы Сексту разобраться, что тут к чему, а сейчас уже поздно. И нечего срывать злость на этом и без того перепуганном часовом. Как бы там ни было, он, Веспасиан, слывет хладнокровным, рассудительным командиром, и эту репутацию не стоит ронять.

– Взгляни, командир!

Часовой указал рукой за частокол.

По долине галопом неслась кавалькада всадников в увенчанных плюмажами шлемах, над которой реяло пурпурное знамя.

– Сам генерал!

Часовой присвистнул.

Сердце Веспасиана сжалось. Значит, все же Авл Плавт его послание получил и знает, в какой опасности пребывают его жена и детишки. Памятуя о собственной беременной жене и маленьком сыне, Веспасиан всей душой сочувствовал генералу, но это сочувствие никак не умаляло уверенности, что хлопот у него теперь будет хоть отбавляй.

Неожиданно Веспасиан ощутил на себе взгляд часового.

– В чем дело, солдат? – спросил он. – Никогда раньше не видел меня? Или командующего?

Легионер покраснел, но прежде, чем он открыл рот для ответа, легат послал его вниз – сообщить о приближении Плавта дежурному центуриону. Следовало незамедлительно организовать подобающую событию встречу. До возвращения часового Веспасиан оставался на смотровой вышке, наблюдая за тем, как конный отряд движется к северному въезду в лагерь.

Впереди скакали телохранители, за ними генерал с немногочисленной свитой, за которой следовали два всадника в длинных плащах с надвинутыми на лицо капюшонами. Арьергард кавалькады составляла группа конной охраны, окружавшая пятерых пленных друидов, тоже восседавших на лошадях, но привязанных к седлам. Когда отряд приблизился, легат заметил на конских боках хлопья пены. Походило на то, что генерал мчался сюда от Камулодунума во весь опор и без остановок.

Веспасиан быстро спустился с вышки и занял место в конце почетного караула, уже выстроившегося, чтобы встретить командующего, по обе стороны от ворот. Топот копыт сделался громким, и Веспасиан кивнул дежурному офицеру.

– Открыть ворота! – гаркнул центурион.

Солдаты подняли, а потом сдвинули в сторону массивный запорный брус, и тяжелые створки со стоном и скрипами распахнулись. Время было выбрано точно. Спустя мгновение телохранители генерала уже натягивали поводья, придерживая своих коней, и расступались, чтобы дать Плавту первым въехать в замерший в ожидании лагерь. Командующий, не сбавляя аллюра, проскакал мимо конников и перевел лошадь на шаг.

– На караул! – скомандовал громко дежурный.

Легионеры под одинаковым углом наклонили упертые в землю копыта, и командующий ответил на это приветствие церемонным салютом, обращенным к шатру, где хранились штандарты Второго.

Остановив коня возле Веспасиана, Плавт спешился.

– Рад тебя видеть, генерал, – промолвил с улыбкой Веспасиан.

– Взаимно, Веспасиан, – отозвался с резким кивком Плавт. – Нам нужно поговорить. Срочно.

– Есть, генерал.

– Но сначала, пожалуйста, позаботься о моем эскорте... и о моих спутниках. – Он указал на две фигуры в глухих плащах. – Пусть их устроят поудобнее, но не привлекая внимания. Друидов можно поместить с лошадьми.

– Есть, генерал.

Легат жестом подозвал дежурного офицера и отдал необходимые распоряжения. Почти загнанных, взмыленных, раздувающих ноздри коней повели к стойлам, а заляпанных дорожной грязью людей сопроводили в обеденный шатер для трибунов. Две фигуры в плащах с надвинутыми капюшонами молча следовали за остальными. Веспасиан с любопытством пригляделся к ним, и Плавт, заметив это, улыбнулся:

– Чуть позже я все тебе объясню. Но прежде нам надо поговорить о моей жене и детях.

Глава 17

Едва лагерь Второго легиона завиднелся вдаль, с уст изможденных бойцов Четвертой когорты сорвались ликующие крики. Дуротригам и возглавляющим их друидам, надеявшимся покончить с когортой, оставалось лишь исходить злобой. Всего какой-то час марша отделял римлян от насыпного надежного вала и крепко вбитого в него частокола, суливших спасение и избавление от затянувшегося кошмара. Центурион Гортензий призвал подчиненных ускорить шаг. Но если римляне при виде лагеря воспрянули духом, то их враги преисполнились твердой решимости использовать свой последний шанс истребить когорту до того, как она достигнет убежища или соединится с посланными на подмогу войсками. Издавая ужасные вопли, варвары уже в который раз обрушились на изрядно ужавшийся римский квадрат.

Щит и меч Катона давно сделались для него тяжким бременем, вызывавшим дикую боль в перенапряженных мускулах рук. Даже разделив при виде лагеря первое общее ликование, он затем впал в отчаяние, словно застигнутый штормом моряк, принужденный взирать на близкую, но недостижимую сушу.

Не успело уныние полностью овладеть им, как громовой рев, покотившийся по флангам и подхваченный в тылу, возвестил о новом натиске дуротригов. И снова с еще большей яростью загремели удары, залязгали, сталкиваясь, клинки. Напор был таков, что римский строй дрогнул и остановился, чтобы выровнять и уплотнить местами смятую стену щитов.

Как только Гортензий удовлетворился состоянием строя, он отдал приказ продолжить движение, и квадрат опять пополз дальше, отбивая наскоки бриттов, не ослаблявших напор. Потери римлян возросли так, что на подводах, катившихся внутри периметра, уже не было места, однако остававшиеся на ногах легионеры упрямо прикрывали собой беспомощных товарищей, хотя и гибли один за одним в непрекращающемся неравном бою. Каждый толчок колеса вызывал новую волну криков и стонов, но о том, чтобы остановиться и осмотреть раны, не могло быть и речи. В столь отчаянных обстоятельствах Гортензий не имел ни малейшей возможности выделить хоть кого-нибудь для ухода за пострадавшими, и перевязывались лишь самые тяжелые раны.

Шестой центурии, защищавшей когорту по фронту, был хорошо виден лагерь. Четкие очертания его уже не очень-то изводили Катона, ибо юноша воспринимал их теперь как мираж. Миражи ведь недостигаемы. Так какая разница, где эти бритты искромсают вконец вымотавшихся легионеров? Умирать, глядя на безмятежно-спокойное римское укрепление, вроде бы даже приятней.

– Какого хрена они там делают? – прорычал Макрон, в глазах которого все это спокойствие загло, напротив, сердитый огонь. – Где часовые? Слепли все они, что ли? Ну, погодите, я до вас доберусь!

Между тем медленно ползущий квадрат справа и слева короткими перебежками обгоняли тяжеловооруженные бритты, опять собиравшиеся после ночных схваток в единый кулак. Катон, не в силах препятствовать им, лишь в бессилии стискивал зубы, ибо замысел дикарей был понятен. Опередив когорту примерно на сотню шагов, вражеская пехота сплотилась, преградив дорогу, и развернулась в боевой строй, на каждом крыле которого появились небольшие скопления пращников. Туземцы, изготовившиеся к сражению, выкрикивали в адрес сближавшихся с ними римлян глумливые оскорбления.

Легионеры, успешно отбивавшиеся от дуротригов всю ночь, теперь находились на грани полного изнеможения. Без малого за трое суток тяжелейшего марша вряд ли кому-то из них удалось прикорнуть дольше часа. Затуманенные, слезящиеся глаза тонули в складках грязных, осунувшихся, заросших трехдневной щетиной лиц. Крайнее напряжение бесконечного перехода добавило возраста даже безусым и безбородым юнцам, и они тоже выглядели глубоко

кими стариками. Тыл и фланги квадрата уже не держались неколебимо, но постепенно уступали напору безжалостного врага, почуявшего наконец-то близость победы. Да и квадрат перестал быть таковым, утратив безукоризненность своей формы, однако люди, его составлявшие, не прекращали борьбу. И тут внезапно над всем скрежетом, лязгом и гомоном возвысился хриплый, надорванный голос старшего центуриона:

– Они идут, ребята! Легион идет нам на помощь!

Шагавший в первой фронтальной шеренге Катон бросил взгляд вверх бурлящей толпы бриттов и увидел вдали море солнечных бликов. Утренние лучи золотили шлемы легионеров, выходящих из южных ворот. Однако они еще только строились и находились в трех милях от прорывавшейся к ним когорты, так что подмога могла опоздать.

– Не останавливаться! – орал Гортензий. – Держать строй!

Каждый шаг теперь повышал шанс спастись, но он же и приближал возможную роковую развязку. Катон стиснул зубы и погрозил мечом клубящейся массе бриттов.

– Берегись! – крикнул Макрон. – Пращники!

Римляне едва успели прикрыться щитами, как по ним хлестнул первый вражеский залп. Варвары с оглушительным ревом устремились в атаку.

В основном ядра пращников молотили по римским щитам, но одно, просвистев над Катонем, угодило в обозного мула, выбив тому глаз и раздробив кость глазницы. Трубно взревев, мул забился в построюках, перепугав еще трех животных. Подводу повело в сторону, она столкнулась с соседней, накренилась и медленно перевернулась. Вывалившиеся из нее раненые угодили под пляшущие копыта.

Кого-то придавило бортом подводы, несчастный издал дикий вопль, захлебнулся пошедшей у него горлом кровью и испустил дух. Рев мулов рвал воздух, будоража когорту. Катона била крупная дрожь. Оказавшиеся на земле раненые пытались выбраться из-под копыт, но почти все они были затоптаны перепуганными животными. Паника разрасталась.

Еще одна повозка перевернулась, и воздух снова наполнился криками ужаса и отчаяния.

– Когорта, стой! – приказал Гортензий. – Надо унять эту долбаную скотину!

Он первым нырнул в мешанину крупов и морд, глубоко вонзил меч в горло ближнего мула и вырвал клинок. Ручьем хлынула кровь. Мул тупо воззрился на расплывавшуюся под копытами алую лужу, потом колени его подогнулись и он упал в кровь, грязь и снег.

– Убейте их всех! – выкрикнул Гортензий, и солдаты бросились к беснующимся животным.

Все было кончено в один миг, и оставшихся в живых раненых оттащили в укрытие, наспех сооруженное из уцелевших подвод. Теперь когорты не могла двинуться с места, не бросив беспомощных, потерявших возможность сражаться бойцов, и на миг Катону даже подумалось, что закосневший в своем прагматизме Гортензий вполне может на это решиться ради спасения тех, кто еще держится на ногах и способен пробиться к своим. Но нет, командир когорты остался верен кодексу чести центурионов.

– Теснее ряды! Сомкнуться вокруг подвод!

Легионеры, атакуемые с фронта, флангов и тыла, медленно пятились назад, непрерывно нанося резкие колющие удары. Дуротриги со своей стороны рьяно крушили мечами стену щитов, постепенно, но неуклонно тесня яростно сопротивлявшихся римлян, пока те не сжались в компактную группу вокруг скопления обозных телег. Солдат, которые оступались и падали, мигом втаптывал в землю неудержимо катившийся вперед вал наступающих бриттов. Катон держался рядом с Макроном и, прикрываясь щитом, разил врагов жалящими ударами поблескивающего на солнце клинка.

– Осторожно, сынок! – крикнул Макрон. – Сзади те самые мулы!

Ноги Катона заскользили, попав в лужу крови, икры уперлись в шероховатую шкуру. По всему фронту парни Шестой тоже застопорились возле груды только что умерщвленных

животных, поскольку яростный натиск варваров не позволял ни обойти этот завал, ни как-нибудь через него перебраться. С вызывающим ревом Макрон вонзил меч в лицо врага, а когда тот упал, быстро перескочил через тушу.

– Давай, Катон!

На миг опцион замер, глядя на двоих бриттов, таких же молодых, как и он, но, пожалуй, плотнее сложением. Белые кончики их пропитанных известью и потому торчащих во все стороны косм горделиво подрагивали. Один бритт держал в руках боевое копьё с длинным зазубренным острием, другой был вооружен коротким римским мечом, очевидно трофейным.

Оба варвара серией ложных движений пытались отвлечь внимание чужака, в надежде, что тот зазеваётся и подставится под удар. Катон, перебегая взглядом с меча на копьё и держа щит наготове, пока упреждал каждый выпад, но он боялся споткнуться о тушу валявшегося за спиной мула, а враги, тесня его к ней, наседали. Неожиданно сверкающий наконечник копья метнулся вперед. Катон инстинктивно отбил острие, но на долю мгновения приоткрылся.

С торжествующим воплем другой бритт послал меч прямо в незащищенный живот чужеземца, и в тот же миг чья-то рука ухватила Катона за пояс и мощным рывком перебросила через тушу животного. Меч врага не нашел цели, однако юноша так приложился всем телом к земле, что из него напрочь вышибло воздух.

– Он чуть тебя не достал! – загоготал Макрон, другим рывком ставя подопечного на ноги.

Хватаясь за грудь и пытаясь вздохнуть, Катон не мог не дивиться отличному настроению своего спасителя. Бравый центурион вел себя так, будто радовался опасности.

«Странная штука – опьянение боем», – отрешенно подумал Катон. Жаль, что осмыслить как следует этот диковинный феномен ему уже, видимо, никогда не удастся.

Бойцы Четвертой когорты в который раз инстинктивно сомкнули ряды, образовав вокруг раненых неровный эллипс. Дуротриги кишели повсюду, они яростно колотили мечами по римским щитам, полные решимости покончить с когортой прежде, чем к ней подоспеет подмога. Посланная Веспасианом колонна шла ускоренным маршем, но была все еще далеко. В ходе этой ожесточенной отчаянной схватки мозг Катона очистился от всех мыслей, а в нем самом не осталось ничего, кроме холодного, но безудержного желания отнимать жизнь у врагов, одновременно обеспечивая сохранность своей собственной жизни. Щит и меч его словно бы сделались продолжением рук, попеременно то наносивших, то отбивавших удары с эффективностью шатунов хорошо отлаженного механизма.

Зато предоставленное само себе сознание юноши непрерывно воспринимало и впитывало мельчайшие подробности боя, вплоть до самых, казалось бы, малозначащих впечатлений. От кошмарного, противно хлюпающего под сапогами месива исходил острый одуряющий запах, перед глазами металась косматая, заляпанная кровью лица, в уши били дикие крики и вопли, а под мышками постоянно гулял зимний, пробирающий до костей холодок. Катон знал, что всему этому предстояло навек осесть в его памяти, если, конечно, он останется жив.

Впрочем, шансы на то были исчезающе малы. Дуротриги теперь все чаще выбивали легионеров из строя. Раненых приходилось оттаскивать в тыл, а убитых парней просто вытаскивали вперед, чтобы те не путались под ногами и не мешали драться живым. И когорта держалась. Перед римскими щитами вырос вал мертвых тел, и варварам, чтобы добраться до неприятеля, приходилось карабкаться по трупам сородичей. Неустойчиво балансируя на расплзающихся во все стороны гудах павших, они сами становились легкой добычей для жалящих выпадов, и вопли боли то и дело перекрывали стук принимающих удары щитов и лязг сталкивавшихся мечей.

В горячке боя Катон потерял всякое представление о ходе времени. Он дрался плечом к плечу с Макроном, а с другой стороны к нему пристроился новобранец Фигул. Правда, этот Фигул уже не был тем Фигулом, какого он знал. Увалень с мягкими мальчишескими чертами лица, простодушно восхищавшийся большим миром, так отличавшимся от задворков Люте-

ции, где ему выпало взрослеть, куда-то девался. Лоб нового Фигула прямо над глазом вспорол вражеский нож или меч, половина лица его была залита кровью. Пухлые губы свирепо щерились, взор горел бешенством. Забыв о муштре и о воинской выучке, этот большой ребенок рубил и кромсал дикарей ладным римским клинком, совершенно не предназначенным для столь дурацкой манеры ведения боя. Он открывался, он подставлялся, он взмахивал бестолково щитом, однако даже при этом дуротриги шарахались от него, уstraшенные его силой и злобой. Занося меч для очередного удара, Фигул заехал Катону локтем в нос, и, прежде чем тот почувствовал боль, перед глазами его расцвела белая вспышка.

– Коли, а не руби! – крикнул Катон Фигулу в ухо.

Однако рассерженный новобранец был глух к голосу здравого смысла. Он нахмурился, встряхнул головой и с утробным рыком снова ринулся в самую гущу схватки. Тут подскочивший бритт замахнулся на Катона длинной двуручной секирой. Опцион мигом пал на колени, стиснул зубы и приготовился принять удар на щит.

Лезвие рассекло дерево и врезалось в грудь валявшегося в грязи мертвеца. Инерция удара швырнула варвара прямо на острие меча юноши, пронзившего ему сердце. Дикарь повалился на бок, увлекая с собой застрявшее в его теле оружие, а Катон подхватил с земли первое, что подвернулось под руку, – непривычный для него длинный кельтский меч с богато отделанной рукоятью. Опцион не был обучен обращению с таким видом оружия, а орудовать им как коротким клинком не представлялось возможным.

– Ну давайте, подонки! – ревел Макрон, хищно присматриваясь к ближайшему бритту. – Давайте, кто храбрый? Чего ждете, вонючие придурки?!

Катон рассмеялся, но тут же умолк, уловив в своем смехе истерическую нотку. Он потряс головой, отгоняя неожиданное головокружение, и приготовился продолжить бой.

Но ничего в этом роде от него не потребовалось. Ряды дуротригов на глазах стали редеть, истончаться. Варвары больше не размахивали оружием, не кричали, они понемногу откатывались назад и останавливались шагах в тридцати от удивленно вззирающих на них римлян. Постепенно между дуротригами и римской линией обороны образовалась нейтральная полоса, усыпанная оружием и телами. Тут и там стонали и корчились раненые. Легионеры молчали, ожидая, что выкинут бритты.

– Что происходит? – спросил Катон в неожиданно воцарившейся тишине. – Что они затевают?

– Забыли нас, на хрен, предупредить, – буркнул Макрон.

Затем послышался топот, и вперед выбежали лучники с пращниками. После короткой паузы откуда-то из-за рядов дуротригов прозвучал громкий приказ.

– Сейчас нас угостят дождичком, – пробормотал Макрон и, обернувшись к своим людям, прокричал: – Всем укрыться! Будет обстрел.

Легионеры присели, съезжились и накрылись полуразбитыми щитами. Раненым оставалось лишь вжиматься в подводы и молить богов о спасении. Щит Фигула был поставлен чуть косо, и, рискнув выглянуть в щель, Катон увидел лучников, натягивавших тетивы. Прозвучал второй приказ, и дуротриги обрушили на римлян шквал стрел и ядер. Вдгон этой туче летели подобранные с земли копья и даже камни: не только стрелки, но и каждый бритт стремился внести свою лепту в уничтожение ненавистных захватчиков.

Катон сжался в комок под своим расщепленным щитом, содрогавшимся от смертоносного града, молотившего по всему без разбора. Выглянув из-под края щита, юноша поймал взгляд Макрона, скорчившегося в своем укрытии, как и он сам.

– Лупит без продыху, а? – подмигнул ему центурион.

– А когда в армии было иначе? – попробовал отшутиться Катон, заражаясь бесстрашием командира.

– Не переживай, сынок. Думаю, этот дождик пройдет.

Но внезапно обстрел усилился, и Катон опять замер в мучительном ожидании неизбежного. Стрелы, которая с ним покончит, или того же ядра. Каждый новый прожитый миг теперь им воспринимался как чудо. Затем в мгновение ока смертоносный град стих. Повисла странная тишина. Зазвучали вражеские боевые рога, и Катон ощутил снаружи какое-то шевеление, но высунуться не посмел, боясь вновь превратиться в мишень.

– Готовьтесь, ребята! – надсадно прокаркал где-то рядом Гортензий. – Сейчас они снова попробуют нас сокрушить. Ждите команды, потом разом вскакивайте – и мы дадим им отпор.

Однако атаки не последовало: звеня оружием и стуча древками копий, дуротриги вдруг отхлынули от защищаемых римлянами позиций и потянулись на юг. Постепенно они ускоряли шаг, потом побежали. Легковооруженные пехотинцы, составлявшие арьергард войска варваров, тревожно оглядывались на бегу.

Макрон осторожно поднялся на ноги, глядя вслед отступающим бриттам.

– Ну, чтоб вам...

Он неторопливо вложил меч в ножны и поднес ладони ко рту:

– Эй, вонючки, куда же вы?

– Командир, – обеспокоенно встрепенулся Катон. – Ты что, рехнулся?

Между тем примеру «рехнувшегося» Макрона последовали и другие легионеры, так что вдогонку дуротригам, уже переваливавшим через гребень холма, понеслись свист, улюлюканье и брань. А по прошествии еще пары мгновений хор насмешек утих, заглушенный криками ликования.

Катон обернулся, увидел приближающуюся колонну легионеров, и его захлестнула волна радостного облегчения. Осев на землю, юноша бросил меч и щит, уронил голову на руки, закрыл глаза и несколько раз глубоко вздохнул, прежде чем открыть их снова. Из первой шеренги римлян вырвался человек и быстрым шагом поспешил к месту сражения. Катон узнал его. Это был префект лагеря Секст. Грубое, словно вырубленное из камня лицо старого воина неожиданно дрогнуло. Сделав еще шаг-другой, Секст остановился и, ошеломленный увиденным, покачал головой.

Тела убитых десятками валялись повсюду и горами громоздились вокруг удерживаемых когортой позиций. Сотни стрел торчали из земли, из трупов, из римских щитов, по большей части размолоченных так, что они уже не подлежали восстановлению. Но эти расщепленные, пришедшие в негодность щиты шевелились, а из-под них, пошатываясь, выбирались окровавленные, изможденные легионеры. Центурион Гортензий протолкался навстречу префекту лагеря и поднял, салютуя, руку:

– Славное утречко, командир. Ты поспел как раз вовремя.

Секст, не поведя бровью, пожал грязную, покрытую запекшейся кровью ладонь боевого товарища. Потом он подбоченился и, кивнув в сторону уцелевших бойцов Четвертой когорты, сказал:

– Ну и как, на хрен, прикажешь к этому относиться? Похоже, мне придется на месяц запрячь твоих инвалидов в нестроевые работы.

Фигул, стоявший рядом с Катоном, глядя, как выделяются друг перед другом начальники, помолчал, а потом плюнул на землю и пробормотал в их адрес нечто нелицеприятное.

Глава 18

Генерал, опускаясь в удобное кресло, поморщился. Несколько дней в седле не прошли даром: теперь ему было больно садиться даже на что-то мягкое. Потом, когда боль стала терпимой, командующий расслабился и принял предложенную Веспасианом чашу вина. Пожалуй, оно было слишком горячим, но основательно продрогшему в пути Плавту как раз и требовалось что-нибудь в таком роде. Он осушил чашу одним духом и жестом попросил наполнить ее снова.

– Есть ли еще какие-то новости? – спросил он.

– Никак нет, генерал, – ответил Веспасиан, подливая вина. – Кроме тех мелочей, о каких я уже сообщал в Камулодунум.

– Ну, хоть что-то должно было проясниться.

– Пока ничего. Правда, одна когорта вот-вот вернется с дальнего патрулирования. Она уже была бы здесь, но ее, кажется, атаковали. Мне пришлось выслать подмогу.

– Ах, да. По дороге сюда я заметил на дальних подступах к лагерю какую-то суматоху.

– Да, генерал.

– Пусть старший центурион этой когорты сразу по возвращении прибудет сюда.

Плавт помолчал, глядя на легкий пар, поднимающийся над зажатой в его руках чашей.

– Понимаешь... я должен все знать.

– Да, генерал. Конечно.

Повисло неловкое молчание. Веспасиан пребывал в затруднении. Уже около года он служил под рукой Авла Плавта, но до сих пор их отношения не выходили за рамки официальных. И вот теперь этот всегда надменный, не любящий никого подпускать к себе генерал, под началом которого находились четыре полных легиона вторжения и двадцать приданных им вспомогательных подразделений, впервые сбросил маску прославленного военачальника. Он явно сбит с толку и ведет себя как обычный, измученный страхом за свою семью человек. Непонятно, как с ним держаться.

– Генерал?

Плавт по-прежнему смотрел в чашу, слегка поглаживая пальцем ее ободок.

Веспасиан прокашлялся:

– Генерал?

Командующий поднял усталые, полные безысходного отчаяния глаза:

– Что мне делать, Веспасиан? Что сделал бы ты на моем месте?

Веспасиан не ответил. Он просто не знал, что сказать. Окажись в руках друидов Флавия с Титом, он, вероятно, тоже вскочил бы на коня и помчался разыскивать своих близких. А в случае неудачи принялся бы с лютой жестокостью мстить гнусным убийцам, пока не истребил бы их всех или сам не нашел свою гибель. Зачем ему жизнь без Флавии, без сына и без того нерожденного малыша, которого Флавия вынашивает в своем чреве? У Веспасиана даже горло перехватило от вдруг нахлынувших на него чувств, и он, чтобы отогнать их, резко встал с кресла, прошагал к пологу и велел подать еще вина. Этот маневр дал ему время восстановить душевное равновесие, однако где-то внутри его продолжала кипеть злость на свою слабость. Излишняя чувствительность в армии не приветствуется, ведь распускающий соплю солдат ненадежен. По крайней мере, доверия ему нет. А если так, то что же тогда говорить о слюнтяе-легате? Или о генерале? Веспасиан тайком покосился на Плавта и пожал плечами. Если уж даже командующий внушительными боевыми соединениями не в состоянии скрыть свое горе, то вообще непонятно, куда катится мир.

С видимым усилием Авл Плавт вынырнул из своих размышлений и поймал взгляд легата. На миг генерал нахмурился, видимо пытаясь сообразить, как долго длилось его забытье, а потом с решительным видом кивнул.

– Я должен что-нибудь предпринять, пока у нас есть еще время. До истечения назначенного друидами срока осталось только двадцать три дня.

– Да, генерал, – пробормотал Веспасиан, пытаясь построить свой следующий вопрос так, чтобы в нем не прозвучало даже намек на неодобрение. – И ты... собираешься обменять пленных друидов на своих близких?

– Нет... по крайней мере, не сейчас. Нам прежде надо самим попытаться вызволить или отбить их. Не следует позволять кучке кровожадных дикарей диктовать условия Риму.

– Понятно, – отозвался Веспасиан, хотя и решил, что генерал с ним лукавит. Зачем бы иначе ему таскать с собой черных жрецов? – Тогда, раз уж время нас поджидает, позволено ли мне будет спросить, генерал, каков же твой план?

– Окончательно я еще не решил, – признался Плавт. – Однако тут главное – внезапность и натиск. Так что, легат, спешно готовь к выступлению свой легион.

– К выступлению, генерал? А... куда?

– Я хочу начать эту кампанию раньше, чем мы намечали. По крайней мере, раньше задействовать в ней твой Второй. Приказ у меня уже заготовлен. Тебе предписывается вторгнуться на территорию дуротригов, сокрушая там все горные крепости и более-менее укрепленные деревушки. Пусть под ногами дерзостных похитителей запылает земля. Каждое племя бриттов должно навеки закаяться брать римлян в заложники, а уж тем более своевольно казнить их. Если в мозгах друидов и дуротригов есть хоть толика здравого смысла, они мигом запросят мира и вернут мне жену и детей.

– А если они не пойдут на это?

– Тогда мы начнем убивать всех захваченных нами друидов, одного за другим, оставив главаря напоследок. Если их не примет и это, мы примемся уничтожать все живое на нашем пути.

В голосе Плавта слышалась ужасающая решимость.

– Все будет сметено! Ничто не уцелеет! Ты понимаешь? Ничто и никто!

Веспасиан не ответил. Это было безумие. Суцее безумие. Понятное, объяснимое, но несомненное сумасшествие. Во всем сказанном не имелось ни малейшего стратегического смысла. Но с генералом, пускай и свихнувшимся, все равно следовало вести себя деликатно.

– И когда же мой легион должен выступить?

– Завтра.

– Завтра?

Это прозвучало настолько нелепо, что Веспасиан чуть было не рассмеялся. Но сдержался, уловив в глазах Плавта опасный блеск.

– Завтра никак не получится, генерал.

– Почему?

– Почему? Сам посуди, как же я могу выступить? Дороги еще не просохли. Осадные машины по ним не пройдут. Как и тяжелые обозные фуры. Значит, припасов с собой мы сможем взять только дня на три, ну, может быть, на четыре. И у нас пока нет ни малейшего представления ни о характере местности, ни о возможностях неприятеля.

– Я это предвидел. Со мной прибыл бритт, хорошо знающий те края. В свое время он даже набирался там ума-разума у друидов. Этот малый с его переводчиком согласны служить вам проводниками. Что же до провианта, то для начала ты можешь выступить и с половинным припасом. Потом мы наладим снабжение по реке. На кораблях, а далее – с помощью легких повозок. Я лично отправлю к тебе все телеги, какие смогу здесь собрать. Не говоря уж о том, что на захваченных землях ты и сам наверняка найдешь что-то съестное. Зима, правда, на

исходе, но не все же они там подъели. Где-нибудь что-нибудь непременно припрятано, нужно лишь хорошо поискать. Ну а чтобы Второму было легче штурмовать варварские твердыни, я уже распорядился о передаче тебе всей артиллерии Двадцатого легиона.

– Даже если мы доберемся до вражеских укреплений, осадный обоз неминуемо завязнет в грязи, а без поддержки метательных механизмов наших солдат просто скинут со стен. Многие там полягут.

– Можно подумать, эти варвары способны возвести что-то путное, – презрительно фыркнул Плавт. – Фортификация для дикарей – темный лес. Все их валы и палисады предназначены для защиты от хищников и разбойничьих шаек. Не сомневаюсь, что полководцу твоего ранга под силу взять без большого урона любую из таких крепостей. Или подобные операции, на твой взгляд, слишком обременительны и опасны?

Чтобы в негодовании не вскочить на ноги, Веспасиану пришлось вцепиться в подлокотники жалобно скрипнувшего под ним кресла. Командующий зашел чересчур далеко. Его навязчивое стремление послать Второй легион в провальный бессмысленный рейд уже само по себе дурно пахло, но, усматривая во вполне обоснованных возражениях своего подчиненного некомпетентность и трусость, он опускался до прямых оскорблений и нарывался на открытый конфликт.

Плавт между тем, выпрямившись и надменно задрав подбородок, холодно оглядел рассерженного легата, но через миг снова сгорбился и пригубил вино.

– Прости, Веспасиан, – тихо произнес генерал. – Я был не прав, мне не следовало этого говорить. Никто, ни здесь, ни в Риме, не сомневается, что твой пост доверен тебе по заслугам. Еще раз прошу простить меня. Сейчас не до глупых обид.

Произнося эту проникновенную фразу, Плавт поднял глаза, однако Веспасиан не нашел в них и толики сожаления. Все сказанное было лишь словесной фигурой, призванной вернуть их обоих к рассмотрению заявленного безумного плана.

Отвечая, легат вновь напрягся, всемерно стараясь избавить свой тон от ледяных и язвительных ноток.

– Мои обиды не идут ни в какое сравнение с тем, что почувствуют пять тысяч солдат, а затем и десятки тысяч их близких, если ты все-таки настоишь на своем. Генерал, своим непродуманным приказом ты толкнешь легион на массовое самоубийство.

– Ну-ну, не преувеличивай.

Плавт поставил чашу на край стола и подался вперед:

– Ладно, Веспасиан. Я уже не приказываю. Я просто прошу тебя – как человек человека. Разве у тебя самого нет семьи? Разве ты не понимаешь, что мной сейчас движет? Пожалуйста, выполни мою просьбу.

– Нет! – Веспасиан покачал головой. – Не могу. Хотя и сочувствую твоему горю. Но это горе лишь твое, Плавт, не делай же его общим. Новый Вар¹ Риму не нужен. Ты полководец, находящийся на действительной службе. В военное время твоей семьей является также и твоя армия. Солдаты – твои дети. Они верят тебе. Они верят в твою полководческую прозорливость и даже в мыслях не допускают, что ты можешь послать их бессмысленно умирать.

– Умоляю, Веспасиан, избавь меня от дешевой риторики. Оставь ее плебсу на форуме.

– Нет, я прошу выслушать меня до конца. Это касается твоих личных переживаний. Как ты сам сказал, у меня тоже есть семья, и даже тень мысли, что она может попасть в чьи-то лапы, ввергает меня в дикий ужас. Однако для тебя это реальность, в сравнении с которой ничтожны любые мои умозрительные кошмары. А теперь умножь свои терзания в сто тысяч раз, и ты получишь меру страданий родных и близких тех легионеров, которых ты обречешь на верную

¹ Вар – римский полководец, наголову разбитый германцами в Тевтобургском лесу в 9 году н. э. (Примеч. перев.)

смерть, заставив Второй легион выступить в поход завтра – без достаточной подготовки, полностью укомплектованного обоза и тяжелых метательных механизмов.

Плавт закрыл глаза и потер свой морщинистый лоб, словно это могло ему как-то помочь. Веспасиан внимательно наблюдал за ним, выискивая намеки на то, что его резоны возымели хоть какое-то действие. Он понимал: если мнение командующего не изменится, ему придется отказаться от выполнения опрометчивого приказа. Это положит конец его карьере, зато избавит от участия в заведомо неосуществимой затее, чреватой гибелью для большей части солдат. Пусть Плавт сам осуществляет свой план или подыщет кого-то другого. Кого-нибудь из своей свиты. Там ведь наверняка полно подлипал, мало что смыслящих в воинском деле, зато привыкших к беспрекословному послушанию и тем самым способных лишь обратить неизбежный крах в совсем уж невообразимый кошмар.

Осознав это, Веспасиан понял, что он в ловушке. Сложить с себя командирские полномочия – означало усугубить и без того отчаянное положение вверенных ему людей. Оставаясь на своем месте, он, по крайней мере, может для них что-то сделать. Хотя бы попытается свести к минимуму грозящий им риск. Мысленно легат проклял свою судьбу.

Командующий открыл глаза:

– Ладно, Веспасиан. Сколько времени потребуется твоему легиону, чтобы как следует подготовиться к выступлению?

– С полным обозом и осадными механизмами?

Плавт неохотно кивнул, и Веспасиан испытал облегчение. Он выиграл, он добился уступки. При всей прочей глупости плана его легион хотя бы сможет полноценно сражаться. А если еще к тому же...

Однако взглянув на генерала, легат понял, что других уступок ждать нечего.

– Двадцать дней.

– Двадцать! Но непосредственно на операцию тогда останется только три дня! За три дня мы ничего не добьемся.

– Но, выступив спешно, без подготовки, мы тоже ничего не добьемся и вдобавок погубим весь легион. Кроме того...

– Кроме того – что?

Легат лихорадочно сложил в голове обрывки еще неясных и самому ему мыслей.

– Мне вот что подумалось, генерал. Если легион будет готов выступить через двадцать дней, это еще не значит, что мы не можем приступить к поискам твоих близких раньше.

– Знаешь, легат, я не в том настроении, чтобы разгадывать загадки. Если у тебя есть дельные предложения, говори без обиняков.

– Почему бы, пока легион готовится к рейду, не направить вперед маленький летучий отряд с целью разведать, что происходит в варварских горных краях? Бритт, которого ты прихватил с собой, по твоим же словам, был у друидов учеником. Что он там изучал, нам не важно, главное, что он может показать нашим людям все тамошние потаенные тропы. А они, в свою очередь, смогут выяснить с его помощью, где прячут заложников, и при удачном стечении обстоятельств даже вызволить их. Это все лучше, чем наугад гонять туда-сюда пять тысяч легионеров. Такое большое формирование не может перемещаться тайком. Друидам останется только поглядывать, куда мы идем, и вовремя перепрыгивать пленных.

Веспасиан помедлил и после паузы снова заговорил:

– Действуя столь топорно, мы вряд ли спасем твою семью, даже если нам вдруг удастся зажать похитителей в каком-нибудь горном гнезде. Крепость падет, но кто поручится, что она не погребет под обломками и твоих близких?

– Нет, мне все это не по душе, – пробормотал после недолгого размышления Плавт. – Горстка людей есть горстка людей. Их смехотворная вылазка во вражеский тыл представляется мне дешевой авантюрой.

– Наоборот, командир, – твердо возразил Веспасиан. – Я бы сказал, это единственно верный в сложившейся ситуации шаг. Если твой бритт и впрямь знает тамошние края, то мы имеем немалые шансы найти заложников еще до того, как враг прознает о выступлении легиона.

– Твои «немалые» шансы никак нельзя назвать хорошими, – нахмурился Плавт.

– Может и так, но они все-таки более обнадеживают, чем плохие шансы или отсутствие таковых вообще.

– И что же, у тебя на примете есть уже кто-то, способный отправиться с подобной миссией прямо в драконову пасть?

– Нет, командир, – ответил Веспасиан. – Так далеко я пока не заглядывал. Но нам нужны люди решительные, смекалистые и умеющие постоять за себя, если дело дойдет до схватки.

Плавт поднял глаза:

– А как, кстати, поживает тот центурион, которому ты сразу по высадке поручил отыскать казну Цезаря? С ним еще, кажется, был оптион. Очень молоденький, но весьма расторопный. Как я припоминаю, они вроде бы успешно справились с тем непростым дельцем.

– Да, – задумчиво подтвердил Веспасиан. – Я бы сказал, они справились превосходно.

Глава 19

– Пошевеливайтесь, девицы! – проревел Гортензий, просунув голову в палатку центуриона Шестой.

Макрон повернулся в своей походной койке и вновь огласил воздух залиvistым храпом. Катон остался лежать, как лежал, уронив голову на руки и навалившись на письменный стол. Сон сморил его при попытке составить описание героических свершений легионеров Шестой центурии, только что возвратившейся из патрульного рейда. Все уцелевшие участники этого рейда тоже сейчас крепко спали в своих утепленных палатках. Из всей основательно потрепанной Четвертой когорты не спал один лишь старший центурион. По возвращении в лагерь он в первую голову проследил за обустройством раненых, потом позаботился о том, чтобы все его люди перед отдыхом приняли хотя бы по глотку горячей пищи, и наконец побывал у легата.

Старого воина несколько удивило то, что в шатре оказался не только командир легиона, но и командующий всей римской армией. Едва держась на ногах от усталости, он, однако, вытянулся по стойке «смирно» и кратко отрапортовал о ходе и результатах боевой экспедиции, приводя одни факты и ничего в них не приукрашивая. На дополнительные вопросы центурион отвечал столь же сухо и лаконично, мало-помалу проникаясь сознанием, что от него хотят большего, чем он может дать. С особой дотошностью Плавт расспрашивал о друидах и пришел в ужас, узнав о резне, учиненной над пленными Диомедом.

– Он убил всех?

– Так точно, генерал.

– Что вы сделали с телами? – спросил Веспасиан.

– Бросили среди тел погибших в бою дикарей. Не стоило давать их приятелям лишний повод для зверств.

– Полагаю, что да, не стоило, – ответил Веспасиан и покосился на генерала.

Прозвучало еще несколько вопросов, после чего Плавт смягчился и молча указал старшему центуриону на выход. Веспасиана, однако, покорило столь бесцеремонное обращение с заслуженным воином.

– И последнее, Гортензий, – окликнул легат.

Центурион остановился и повернулся:

– Командир?

– Ты превосходно справился со своей задачей. Думаю, в столь сложных обстоятельствах это мало кому удалось бы.

Центурион слегка склонил голову, принимая похвалу. Но Веспасиан на том не остановился.

– Полагаю, твое усердие будет отмечено соответствующей наградой, – произнес он с нажимом.

Плавт поднял глаза:

– Э-э, да. Разумеется... Непременно.

– Благодарю, генерал, – ответил Гортензий, по-прежнему глядя лишь на легата.

– Ты это заслужил, – твердо заявил Веспасиан и, помолчав, добавил: – И вот еще что. Будь добр, пришли сюда центуриона и оптиона Шестой. Они срочно нужны мне.

Чтобы хоть как-то взбодриться перед визитом к легату, Катон окунул голову в бадью с ледяной водой, так что вид у него теперь был довольно жалкий. Мокрые темные волосы липли к черепу, вода капала даже с кончика носа. Макрон хмуро косился на несколько одуревшего со сна юнца, хотя сам выглядел ничуть не лучше. Добравшись до лагеря, оба приятеля успели снять с себя только ремни и доспехи, но рваные, окровавленные, пропитанные потом туники,

в каких они трое суток дрались и маршировали, все еще оставались на них. Многочисленные синяки, порезы и ссадины на руках и ногах, сплошь покрытых запекшейся кровью, отнюдь не вносили какого-то диссонанса в общую неприглядность картины.

В приемном отделении штабного шатра было пусто. Одинок сидевший за раскладным письменным столиком старший писец недовольно скривился. Интересно, заботится ли хоть кто-нибудь о репутации легиона, раз такие замурзанные бойцы имеют наглость разгуливать по всему лагерю? Что подумает, глядя на них, генерал? Хорошенькое же у него составится мнение о нашей боеспособности и дисциплине. Писец наморщил нос.

– Центурион Макрон? Послушай, командир, а ты разве не мог явиться сюда в более подобающем виде?

– Прости, но у нас срочный вызов.

– Да, однако даже при этом...

Старший писец бросил неодобрительный взгляд на Катона. С того все еще капало, причем в опасной близости от бумаг.

– Тебе следовало для начала велеть твоему опциону чем-нибудь обтереться.

– Главное, мы явились, – пробормотал Макрон, слишком усталый, чтобы огрызаться. – Не заедайся. Ступай доложи.

– Ладно. Сейчас схожу. Ждите.

Писец встал с табурета и, приподняв кожаный полог, скользнул внутрь шатра.

– Командир, как думаешь, зачем мы понадобились? – спросил Катон, потирая глаза.

Освежающее воздействие холодной воды проходило.

– Понятия не имею, – покачал головой Макрон.

Он и сам все пытался сообразить, какая оплошность, его собственная или кого-то из подчиненных, могла послужить причиной столь срочного вызова. Неужто какого-то новобранца опять занесло в нужник для штабных?

– Ты только не дергайся раньше времени. Не думаю, чтобы это было что-то серьезное.

– Да, командир.

Появившийся снова писец отступил в сторону и выразительно отвернул полог.

– Так или иначе, скоро мы все выясним, – пробормотал, проходя в кабинет легата, Макрон.

Оказавшись внутри небольшого, строго обставленного помещения, центурион, подобно Гортензию, недоуменно двинул бровями. Кого-кого, а командующего всеми войсками вторжения он там увидеть совершенно не ожидал.

Однако Макрон нашел в себе силы молодежато шагнуть вперед. Когда он вытянулся перед высшим начальством, к нему сбоку, открыв от изумления рот, пристроился и Катон, по своей молодости не обладавший выдержкой ветерана, но все же попытавшийся изобразить что-то вроде почтения на осунувшемся, усталом лице.

– Генерал, центурион Макрон и опцион Катон согласно полученному приказу явились.

– Вольно, – буркнул Плавт. Окинув прибывших неодобрительным взглядом, он повернулся к Веспасиану. – Это и есть те двое, о которых мы сейчас говорили?

– Так точно, генерал. Хочу заметить, что они только что с патрулирования и лишь потому у них столь неряшливый вид.

– Да уж, не лучший. И что же, они действительно так надежны, как ты утверждаешь?

Веспасиан, ощущая неловкость, кивнул. Манера многих высокопоставленных военачальников говорить о своих подчиненных так, словно их рядом нет, всегда была ему не по нраву. А уж аристократы, к каковым относился и Плавт, вообще смотрели на солдат как на мебель, зная не желая, как больно их чванство ранит достоинство этих мужественных и гордых людей. Между тем дед Веспасиана был простым центурионом, таким же, как и стоящий сейчас перед генералом Макрон. Лишь общественные реформы, проведенные императором Августом, поз-

волили человеку столь низкого происхождения выбиться в свое время в верха римской знати. Веспасиан и его брат Сабин уже по праву могли рассчитывать на высшие в Риме должности консулов, но сенаторы из древнейших фамилий все равно смотрели на Флавиев свысока, морщили длинные носы и в своем кругу отпускали язвительные насмешки по адресу всяких там выскочек и неотесанных скорохватов.

– Ты в них уверен? – спросил Плавт еще раз.

– Так точно, генерал. Если кому и по плечу столь ответственное задание, то только им. Этой паре.

Хотя Катон едва с ног не валился, услышанное заставило его наострить уши. От возбуждения он даже чуть было не ткнул локтем Макрона в грязный, измазанный чем-то отвратительным бок. О каком бы задании ни шла речь, оно явно много значило для генерала и, следовательно, давало шанс отличиться. Проявить себя и в солдатских, и в командирских глазах. Лишний раз доказать всем и особенно этим хреновым ветеранам, что звание оптиона такому зеленому сопляку присвоено вовсе не зря. То есть что оно, может, и было присвоено зря, но теперь этот зеленый сопляк носит его по полному праву.

– Хорошо, – сказал командующий. – Введи их в курс дела.

– Слушаюсь, командир.

Веспасиан торопливо собрался с мыслями.

События оборачивались не так, как хотелось. Теперь Второму легиону, вместо того чтобы неторопливо и вдумчиво поддерживать основную кампанию, маневрируя где-то севернее верховий Тамесиса, предстояло скоропалительно вторгнуться в самое сердце земель дуротригов. Мысли Веспасиана были отравлены горечью понимания, какими опасностями и бедами чревата столь опрометчивая затея для него лично и для всех его людей, особенно вот для этих двоих, которых он прямо сейчас намеревался послать практически на верную гибель. Хуже того, гибель от рук друидов, которые их не просто убьют, но поначалу заставят взмолиться о смерти как о единственном избавлении от страданий и мук.

– Центурион, ты помнишь, как несколько дней назад погиб морской префект Валерий Максентий?

– Так точно, командир.

– Тогда ты, наверное, помнишь и требования, которые были выдвинуты жрецами перед его казнью.

– Так точно, командир, – повторил Макрон, и Катон тоже кивнул, живо представив себе ту страшную сцену.

– Так вот, заложники, о которых он говорил и которых предложено обменять на друидов, захваченных нами в Камулодунуме, – это жена и дети командующего Плавта.

И Катон, и Макрон в изумлении невольно уставились на генерала. Тот сидел неподвижно, сгорбившись, будто ничего не слыша и не видя. Юноша ощутил укол жалости, что было, наверное, неуместным по отношению к столь прославленному закаленному полководцу. Неожиданно Плавт встрепенулся и поймал его взгляд. Словно бы осознав, что своим подавленным видом он роняет себя в глазах нижних чинов, генерал выпрямился, расправил плечи и, вернув своему облику каменную надменность, сосредоточился на словах легата.

– Генерал Плавт уполномочил меня направить во владения дуротригов маленький отряд для поисков и освобождения его близких. Это жена генерала Помпония, дочь Юлия и сын Аэлий. Командующий верит в вас, он помнит, какую находчивость вы проявили, возвратив армии казну Цезаря, и я полностью разделяю его мнение. Лучше вас для выполнения этой задачи не найти никого.

Веспасиан выдержал паузу, чтобы смысл сказанного дошел до обоих легионеров.

– Центурион, я знаю, чего ты стоишь, да и твой опцион тебе под стать. Не скрою, это дело гораздо опаснее любого другого, что вам приходилось до сих пор выполнять. Я не приказываю

вам за него братья. Есть вещи, где не срабатывают никакие приказы, однако во всем легионе, на мой взгляд, нет другой пары смекалистых и расторопных парней, способных справиться с таким сложным заданием. А решение остается за вами. Добавлю одно. Если вы добьетесь успеха, вас ждет весьма щедрое вознаграждение. Не так ли, генерал?

Плавт кивнул.

– Если это вознаграждение будет таким же, как в том случае, когда мы выудили из болота сундук с армейской казной... – нахмурился Макрон.

– Сколько ты хочешь послать людей, генерал? – торопливо перебил Макрона Катон. – Только нас двоих? Или?

– Или. С вами отправятся еще двое бриттов, хорошо знающих те места. Они будут вашими проводниками.

– Ясно.

– Туземка, входящая в состав этой пары, – процедил Плавт, очевидно решив, что ему пора дать какие-то пояснения, – вроде бы понимает местные диалекты. Ей отводится роль переводчицы. Что до мужчины, то он в свое время прошел в тех краях обучение и даже готовился вступить в сообщество жрецов Темной Луны.

– То есть в ту самую банду подонков, с которой нам приходится иметь дело, – уточнил Макрон. – И почему же, генерал, ты решил, что ему можно доверять?

– Я не знаю, можно ему доверять или нет. Просто он единственный из тех, кто бывал там. Кстати, согласие сотрудничать с нами тоже ставит его под удар. Случись что, пособников Рима не пощадят.

– Если только они не заведут нас в ловушку, генерал. Чтобы у друидов оказалось на двух заложников больше.

– Не обольщайся, центурион, – мрачной усмешкой ответил на реплику Плавт. – Раз уж они сочли возможным убить морского префекта лишь для того, чтобы показать, что не склонны шутить, то вряд ли жизни двух нижних чинов в их глазах чего-то стоят. Так что советую не заблуждаться. Если вас угораздит попасть в руки бриттов, лучшее, на что вам можно будет рассчитывать, – это быстрая смерть.

– Может, и так, генерал. Однако я вовсе не уверен, что мы с паренком шибко рвемся туда, где можно попасть в чьи-то руки. По мне, так вся эта затея – безумие чистой воды.

Судорожно стиснув ладонями подлокотники кресла, Плавт промолчал, но Катон заметил, как на щеках его вздулись огромные желваки. Лишь когда первый всплеск ярости схлынул, военачальник с большим напряжением произнес:

– Боюсь, для меня, центурион, все не столь просто. Друиды держат в узилище мою семью. У тебя есть семья?

– Никак нет, генерал. Семья мешает службе.

– Так-так. Тогда, боюсь, ты плохо представляешь себе глубину моего горя. Подумай, в каком положении я нахожусь, раз вынужден обращаться к тебе как проситель.

Макрон, плотно сжав губы, сдержал словцо, едва не слетевшее у него с языка, и усилием воли вернул себе прежнее самообладание.

– Могу я говорить свободно, генерал?

Глаза Плавта сузились.

– Это зависит от того, что ты намерен сказать.

– Понятно, генерал.

Макрон вызывающе вздернул подбородок и застыл в молчании.

– Хорошо, центурион. Говори.

– Благодарю, генерал. Хотя, как я понимаю, в твоём «хорошо» хорошего для меня мало. В усталом голосе закаленного воина звучало плохо скрываемое раздражение.

– Тебя, генерал, сильно прижало. Сам ты ничего поделывать не можешь и потому для очистки совести хочешь, чтобы кто-то подставил за тебя шею. К примеру, я и мой опцион. Подумаешь, пара плебеев сложит головы, невелика беда. Тем более что они непременно их сложат. Какого успеха можно достигнуть, скитаясь по вражеским землям в компании хитроумной туземки и какого-то непонятого мошенника-колдуна? Ты посылаешь нас на верную смерть и сам это знаешь, но пытаешься оправдаться перед собой, чтобы потом заявлять всем и всюду: я, мол, хотел все уладить по-доброму, но бедолагам не повезло. Между тем и меня, и вот этого паренька изрубят в куски, а то и сожгут заживо. Что ж, на войне бывает и не такое. Только поможет ли это кому-нибудь?

Эта совсем не типичная для обычно сдержанного Макрона вызывающая тирада ужаснула Катона, согнала кровь со щек опешившего легата и зажгла в глазах командующего мрачный огонь. Срочно требовалось чье-то вмешательство, и Катон выпалил:

– Пойду только я!

Трое римлян, мгновенно забыв о достигнутой высшей точке ожесточенности перепалке, которая определенно не могла закончиться для одного из них ничем хорошим, удивленно взглянули на опциона. Катон быстро облизал губы и кивнул, подтверждая свои слова.

– Ты?

Брови командующего поползли вверх.

– Так точно, генерал. Позволь пойти мне. Я один лучше справлюсь.

– Опцион, – заговорил Веспасиан, – я ничуть не сомневаюсь в твоей личной смелости, да и находчивости тебе тоже не занимать. Не отрицаю, малый ты приткий. Но по-моему, то, за что ты хочешь взяться, непосильно для одного человека.

– Тем более для мальчишки, – поддержал легата командующий. – Тут нужен мужчина.

– Я не мальчишка, – холодно возразил Катон. – Я служу в армии уже больше года, удостоен награды и, полагаю, доказал, что на меня можно положиться. Кроме того, командир, если ты и впрямь считаешь, что шансов на успех почти нет, то списать в расход одного бойца в любом случае предпочтительнее, чем потерять двоих или больше.

– Тебе не следует в это соваться, – пробормотал Макрон.

– Командир, мое решение твердо. Пойду я один.

Макрон уставился на юнца, не сомневаясь, что парень спятил. Можно сказать, по доброй воле записался в покойники. Вообще-то, он был хорошего мнения о своем опционе, признавал в нем и храбрость, и ум. Но что будет делать этот малоопытный, наивный молокосос в самой вражеской гуще, да еще и в дурно пахнущей компании бриттов? Вот чертов сопляк! Шелудивый щенок! Но... не бросать же его на погибель!

– Ладно, – промолвил Макрон, повернувшись к командующему. – Пусть идет. Но с ним пойду и я. Раз уж дело затеялось, должен ведь кто-нибудь проследить, чтобы все шло как надо.

– Спасибо, центурион, – негромко произнес генерал. – Ты убедишься в том, что я умею быть благодарным.

– Если мы возвратимся.

Плавт ограничился пожатием плеч.

Прежде чем ситуация вновь стала взрывоопасной, Веспасиан торопливо поднялся на ноги и велел слугам подать вина, а потом кивком указал на дальнюю боковую кушетку, располагавшуюся под стенкой шатра.

– Вы, ребята, должно быть, устали. Присаживайтесь, мы сейчас немного выпьем и заодно познакомимся с бриттами. Теперь, когда все утряслось, не стоит зря терять время. Вам надо выступить уже утром. Учтите, до назначенного друидами срока останется двадцать два дня.

Макрон с Катонem поплелись к кушетке и неуклюже присели на мягкие, sprыснутые какими-то благовониями подушки.

– Что это за дерьмо ты творишь? – прошептал сердито Макрон.

– Командир?

– Разве я при тебе хоть когда-нибудь хвалил добровольцев? Расписывал, как это замечательно сдуру совать свою голову под вражеские мечи? Ты, на хрен, хоть что-то подобное от меня слышал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.